ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ:

в поисках инновационной методологии

Материалы Международной научно-практической конференции г. Майкоп, 28-29 ноября 2016 г.

Министерство образования и науки Российской Федерации
АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: В ПОИСКАХ ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Материалы Международной научно-практической конференции

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект РНФ № 15-18-00148
«Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России:
совершенствование аналитического инструментария
и способов регулирования»

Майкоп
ЭлИТ
2016

УДК [1:316]:167
ББК 60.000.3л0
Э 91

Редакционная коллегия:

ХУНАГОВ Рашид Думаличевич	*доктор социологических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» (ответственный редактор)*
ШАДЖЕ Асиет Юсуфовна	*доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»*
ЖАДЕ Зуриет Анзауровна	*доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права и политологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»*
ЛЯУШЕВА Светлана Аслановна	*доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»*
ИЛЬИНОВА Надежда Александровна	*кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»*
Нехай Вячеслав Нурбиевич	*доктор социологических наук, доцент кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»*

Э91 **Этносоциальные процессы: в поисках инновационной методологии: материалы Международной научно-практической конференции (28-29 ноября 2016 г., г. Майкоп)** / отв. ред. Р.Д. Хунагов. – Майкоп: ЭлИТ, 2016. – Режим доступа: http://201824.selcdn.ru/elit-029/index.html. Дата размещения 26.12.2016 г.

ISBN 978‑5‑9909192‑3‑5 (on-line). doi: 10.18411/elit-029.

Сборник включает краткое содержание докладов на Международной научно-практической конференции «Этносоциальные процессы: в поисках инновационной методологии». Доклады посвящены междисциплинарному осмыслению активизирующихся процессов межэтнической напряженности в условиях современного поликультурного общества, динамике этносоциальных процессов в российских регионах, этносоциальным рискам, российской идентичности на Юге России, совершенствованию аналитического инструментария исследования этносоциальных процессов.

Адресован всем интересующимся способами регулирования межэтнической напряженности.

Научная школа

«Национальная политика и межнациональные отношения на юге России» (по гранту Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях»).

Круглый стол

«Имплементация моделей национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в США и ФРГ в российских условиях» (по гранту Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях»).

Редакционная коллегия не несет ответственности за содержание публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-9909192-3-5

9 785990 919235

© ФГБОУ ВО «АГУ», 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Оформление электронного издания ООО «ЭлИТ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Баландина Т.А.
Идеи олимпизма в укреплении межэтнических отношений народов Северного Кавказа 8

Баранов А.В.
Вынужденная миграция с территории Украины в краснодарский край и её регулирование как фактор межэтнических отношений в регионе 12

Бгуашева З.К.
Формирование установок толерантного сознания как составного элемента гражданского общества 16

Бедрик А.В.
Альтернативные модели миграционной политики в России 19

Берсирова А.К., Шхахутова З.З.
Межэтнические взаимоотношения в современном российском обществе 23

Бештоков М.В.
Компьютерно-интерактивная социальная система: факторы межэтнического взаимодействия 27

Боровенская А.А., Титаренко С.А.
Религиозно-философские идеи С.Н. Булгакова – путь решения национального вопроса 30

Бредихин А.В.
Этносоциальные контакты казаков юга России 34

Воденко К.В.
Институциональные практики гармонизации межрелигиозного взаимодействия на юге России 38

Войтенко В.П., Посухова О.Ю.
Общероссийская идентичность как предмет современных научно-исследовательских практик 42

Волков Ю.Г., Лубский А.В., Чернобровкин И.П.
Консолидация ценностной политики на юге России: методологический аспект 47

Вялых Н.А.
Система государственного регулирования межэтнических отношений в России как предмет научных исследований 51

Галбацев С.М.
Межэтнические отношения и устойчивое развитие на юге России: от напряженности к согласию 55

Глушкова С.А.
Этнокультурное образование как предмет исследования в отечественной науке 57

Губарев И.В.
Этнодемографическое воспроизводство греков на юге России 61

СОДЕРЖАНИЕ

Дауров А.М., Агеев А.В.
Этнические игры народов адыгеи как фактор консолидации общества в поликультурном регионе 65

Делова Л.А.
Этнический стереотип – индикатор состояния межэтнических отношений 68

Жаде З.А.
Влияние миграционных процессов на интеграционный потенциал российского общества 70

Ильинова Н.А.
Экономическое развитие региона как фактор межэтнической напряженности 75

Каспаров А.Р., Сетов Р.Ю.
Влияние этнической идентичности на конфликты в профессиональных группах 79

Каратабан И.А.
Факторы, способствующие возникновению и распространению экстремизма в молодежной среде 86

Клименко Л.В.
Социетальное измерение этносоциальных процессов на юге России: правокультурный аспект 90

Ливанова В.П.
Особенности развития туризма в Республике Адыгея 94

Лобовикова Е.А.
Диалог культур как основа межэтнических отношений: региональные аспекты 97

Лубский А.В.
Ценностная политика в сфере межэтнических отношений в России: методологический конструкт интердисциплинарных научных исследований 101

Ляушева С.А., Хот З.З.
Миграции в современном мире - системное свойство или фактор напряженности 105

Малова К.Г.
Истоки межэтнических конфликтов на юге России и их возможные пути решения .. 109

Малышева Е.М.
Этносоциальные трансформации в современной России: основные тенденции 113

Мухтарова Л.И., Осипенко О.Е.,. Титаренко С.А
Этнонациональная специфика языковой личности Н.А. Бердяева 117

Осипенко О.Е., Мухтарова Л.И., Титаренко С.А.
Особые истоки концепции свободы у Н.А. Бердяева 121

Панфилова Ю.С.
Образование как канал формирования гражданской идентичности в полиэтничном регионе 125

Почешхов Н.А.
Гражданская война на юге России (1917-1921 гг.): исследовательские проблемы 128

СОДЕРЖАНИЕ

Пшиканокова Н.И., Шалатов В.В.
Этносоциальные проблемы трудовой миграции 132

Рачипа А.В., Янкина И.А.
Отражение этносоциальных процессов в оценках молодёжи юга России 135

Сериков А.В.
Этноконфессиональные процессы в поликультурном регионе (на примере Ростовской области) 139

Стецюк К.В., Рябухина Я.С., Титаренко С.А.
Теология культуры: проблематическая постановка в эволюции мировозрения Н.А. Бердяева 1903-1907 гг. и ее отражение в западной мысли 143

Стукалова Д.Н.
Этнические мигранты и коренное население ростовской области: уровень межэтнической напряженности в регионе 147

Тлехатук С.А.
Особенности формирования идентичности юристов современной России 151

Триль Ю.Н.
Методология исследования этноса: опыт российской науки 154

Тугуз Ф.К., Дабагов С.Б.
К вопросу о генезисе университетской идеи 158

Черевков О.С.
Идеология радикального ислама как фактор эскалации межэтнических конфликтов в России 163

Чернова И.Б.
Конфликтогенный потенциал конфессиональной идентичности: формы проявления и пути преодоления 167

Чигрин В.А., Игнатушко И.В.
Электоральная активность населения Крыма как показатель нового уровня межэтнических отношений 171

Чистякова О.А.
Маргинализация как последствие миграции 175

Федоровский А.П., Мацко О.А.
Правовая культура как фактор стабилизации межэтнических отношений: опыт социологической проблематизации 179

Ханаху Р.А., Гучетль З.Х.
Особенности воспроизводства различающихся культур в полиэтничном регионе 183

Хачецуков З.М.
Межэтнические взаимодействия в регионе: опыт корреляции социологического и психологического замеров 190

Шадже А.Ю.
Методологическая стратегия исследования этносоциальных процессов на юге России 193

СОДЕРЖАНИЕ

Шаов А.А., Нехай В.Н., Шумафов Б. Р.
Демографический кризис как фактор этносоцианой напряженности: гендерный аспект 196

Шхахутова З.З., Берсирова А.К.
Формирование национально-государственной идентичности в современном обществе 199

ИДЕИ ОЛИМПИЗМА В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Т.А. Баландина
студент,
Ставропольский государственный педагогический институт
г. Ставрополь

Аннотация*. В данной статье анализируется влияние принципов олимпизма на процесс укрепления межэтнических отношений на Северном Кавказе посредством выстраивания межкультурного диалога и реализации миротворческого потенциала олимпийского движения.*
Ключевые слова*: олимпизм, межэтнические отношения, Северный Кавказ.*

Рассматривая данную тему, необходимо разобраться в понимании термина «олимпизм». Олимпизм, с философской точки зрения, представляет собой особую форму социального мировоззрения, которая стремится к совмещению в единое целое достоинств тела, воли и разума. Он заключает в себе совокупность спортивных, культурных и образовательных принципов, направленных на реализацию образа жизни, основой которого является оптимизм в спортивном упорстве, воспитательная ценность подобающего примера и уважительное отношение к основным этических нормам. На данный момент олимпизм набирает ещё большие обороты значимости в мировых спортивных объединениях народов. Он затрагивает различные стороны общественной жизни.

История учит, что развитие физической культуры и спорта представляет собой объективный, закономерный процесс в жизни человеческого общества.

Можно добиться успеха только в том случае, если его действия согласуются с тенденцией эволюции [1].

В условиях кризиса миролюбия в современном обществе становится явной необходимость принятия срочных и адекватных в этой ситуации мер по устранению высокой, прежде всего молодежной, агрессивности, жестокости и духовно-нравственного отрицания. В условиях высокой динамики межкультурных взаимодействий спортивный диалог, протекающий в ходе спортивных соревнований, за которыми наблюдают миллионы жителей планеты, может стать основой диалога в других областях международного взаимодействия, демонстрируя этику мирного сосуществования, распространяя ценности миролюбия в молодежной среде и обществе в целом. Однако современный спортивный диалог трансформируется в монолог, что отражает в целом кризис

культуры диалога в современном обществе и одновременно делает актуальной задачу ее восстановления, решению которой может способствовать обращение к идеям и этике олимпизма [2].

Олимпийское движение представляет собой массовое движение современности, объединяющее в себе организации, спортсменов и других индивидов и социальных групп, готовых действовать в единстве с Олимпийской хартией и ценностями олимпизма. Однако современный олимпизм претерпевает ценностный и идеологический кризис, а отсюда возникает необходимость в обновлении олимпизма и возрождении в рамках неоолимпизма как реальной, а не внешней его ключевой миссии — способствовать созданию мирного общества, поставив спорт на службу гармоничному развитию человека под защитой ценностей дружбы, солидарности, равноправия, свободы, толерантности, справедливости и, конечно же, миролюбия. Реализация этой гуманистической трещины предполагает совмещение комплекса мероприятий и направлений, связанных с развитием и совершенствованием олимпийского образования, распространением этики олимпизма через общественные каналы в молодежной среде, объединении в процессе освящения олимпийских идей и ценностей, усилий олимпийского движения и составляющих его олимпийских организаций с источниками таких социальных институтов, как семейный, образовательный, воспитательный, религиозный и СМИ [3].

Обращаясь к истории возникновения и развития всем известных Олимпийских игр, необходимо отметить тот факт, что они пришли к нам из Древней Греции. После заключения правителями греческих государств Элиды, Спарты, Ифит и Ликург, договора о систематической организации обще греческих праздников дружбы, эта традиция со временем стала распространяться и на другие государства. И позднее, уже в 1894 году, после вхождения в Международный олимпийский комитет представителя России, генерала А.Д. Бутовского, был создан олимпийский комитет России в 1911 году. И уже в 1912 году российские спортсмены приняли участие в играх V олимпиады в Стокгольме. Такое событие в истории России оказало значительное влияние на распространение олимпизма по всей стране [4].

С тех пор проведение Олимпийских игр стало своеобразной традицией России. В июне 1915 года в Екатеринодаре прошла Первая Северо-Кавказская олимпиада. В ней приняли участие атлеты Кубанской области, Черноморской и Ставропольской губерний. Спортсмены состязались в 16 олимпийских видах лёгкой атлетики. Олимпиада обладала гуманистическим характером: четверть выручки от продажи билетов на соревнования направились в пользу раненых на фронтах Первой мировой войны [5].

В период мировой войны жизнь населения страны была очень тяжкой и страшной. Олимпиада 1915 года, в какой-то степени, облегчила людские страдания, т.к. пропагандировала интернациональный характер спорта, (а как известно, в военное время, единение общества делает страну сильнее). В соревновании участвовали люди разных национальностей.

Именно они, в это нелёгкое время, подарили свои современникам красочный праздник на Юге России.

Территорию Северного Кавказа принято издавна считать богатой нациями. На данный момент, в связи с обострившейся социально-политической ситуацией в мире, общество вынужденно искать новые возможности укрепления доброжелательных отношений с соседними странами. Такой возможностью может оказаться спорт совместно с идеей олимпизма, поскольку эти явления носят интегративный характер. При создании масштабных спортивных проектов, участниками которых являются представители Северного Кавказа, происходит сближение и обмен культурными ценностями северокавказских народов. Таким образом, частично решается проблема толерантности. Люди начинаю задумываться над тем, что каждая нация обладает общими чертами характера, которые порой не нравятся остальным. Олимпизм вырабатывает в нас чувство терпимости по отношению ко всем народам Северного Кавказа.

Представители и организаторы Олимпийской академии Северного Кавказа подняли вопрос о том, что программу Игр необходимо наполнить рядом викторин и всевозможных конкурсов, которые имеют чёткую интеллектуальную социально-культурную и морально-этическую основу. В качестве примеров можно привести: викторины по истории Кавказа, конкурс национальных блюд, показ национальных костюмов [6]. Благодаря этому будет происходить расширение кругозора, совершенствование духовно-эмоциональной сферы в регионе и укрепление межэтнических отношений.

Следует отметить, что олимпийское движение пропагандирует не только физическое развитие человека, становление на пьедестал за счет физических способностей, но и развитие духовной сферы населения. Известно, что на 96-й античной Олимпиаде в 396 году до н. э. в программу игр наряду с бегом, единоборством, пентатлоном, и конными забегами вошли и соревнования трубачей и герольдов. Трубач – нижний чин играющий на трубе, т.е. снабженный трубой для подачи сигналов в кавалерии и артиллерии вооруженных сил России имперского периода [8]. Герольд – глашатай, вестник; распорядитель на торжествах, рыцарских турнирах. Герольд был также судьёй на турнире: подавал знак к началу турнира, мог остановить слишком ожесточённый бой. Герольд ведал составлением гербов и родословий [9]. Такое совмещение стало логическим следствием объединения спорта и эстетического наслаждения в воззрениях эллинов. Также известно, что во время Олимпийских игр, писатели и поэты читали в слух свои творения, художники выставляли на агоре свои произведения. После завершения Олимпийских игр, скульпторы и поэты не оставались без дела. Одним заказывали скульптуры победителей, другие слагали в их честь хвалебные песни (энкомии).

Если применить данных ход использования олимпизма в современном обществе, а именно провести эксперимент на Северном Кавказе, то процесс интеграции будет проходить качественнее и плодотворнее.

Данная проблематика обладает огромным научным и исследовательским потенциалом, т.к. она многогранна, малоисследована и актуальна. Мы стремились раскрыть ценностную составляющую современного олимпизма как основополагающую для дальнейшего развития олимпийского спорта и современного общества в духе миролюбия, оставив для будущих исследований огромное количество вопросов в предметном пространстве изучения современного олимпизма и межэтнических отношений.

Литература:

1. Агеев А.В., Прокопенко Т.И. Историческая значимость физической культуры и спорта в развитии общества. «Вестник Ставропольского государственного университета». 2012. - Выпуск 78(1). – С. 42-46.
2. Олимпийская летопись Кубани. — Краснодар, 2000. — С. 6.
3. Столбов В.В. История физической культуры. — М., 1989. — С. 19.
4. Столбов В.В. Указ.соч. — С. 113.
5. Материалы музея спорта Кубани.
6. Олимпийское движение и социальные процессы. — М., 1999. — С. 123.
7. Трубач, нижний чин. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907. — С. 75.
8. Герольд. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907. — С. 54.

ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ С ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ В КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ И ЕЁ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ[1]

А.В. Баранов
доктор политических наук,
доктор исторических наук, профессор,
Кубанский государственный университет
г. Краснодар

Аннотация. *Настоящая статья посвящена рассмотрению специфики регулирования вынужденной миграции граждан Украины на территорию Краснодарского края, оказывающей трансформационное воздействие на межэтнические отношения в регионе.*
Ключевые слова: *вынужденная миграция, межэтнические отношения, миграционная политика.*

Актуальность темы такова. Краснодарский край занимает второе место в России по количеству граждан Украины. Географическая близость, родственные связи многих семей облегчают приток вынужденных переселенцев на Кубань. Но тема ещё не изучена в этнополитическом ракурсе. Цель работы – определить направленность и методы регулирования вынужденной миграции граждан Украины в Краснодарский край (смарта 2014 г. по настоящее время).

В 2014 г. в связи с гражданской войной на Украине число граждан этой страны в крае превысило 100 тыс. чел. и составило 27% общего числа иностранных граждан и апатридов, поставленных на миграционный учет. В 2015 г. граждане Украины оставались самой многочисленной категорией иностранных граждан на территории Кубани (61919 чел., т.е. 24,7%) [1].

По данным администрации районов, на 26 сентября 2016 г. в Краснодарском крае размещено 35090 граждан Украины, что на 2,2% меньше, чем квартал назад(из них детей младше 17 лет – 9853, а также 2816 чел. учащейся молодежи от 18 до 25 лет).Размещены в резервном жилом фонде администрации 1221 чел. (емкость временных лагерей в крае рассчитана на 5073 чел.), разместились у родственников и знакомых 33869 чел. [2].

За первое полугодие 2016 г. в органы ФМС по Краснодарскому краю обратилось граждан Украины: за патентами – 1995 чел. (оформлено патентов – 1885),

[1]Исследование выполнено в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем Минобрнауки РФ по теме № 16/27т «Проведение мониторинга межнациональных отношений и религиозной ситуации, анализ участия органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, миграционной и языковой политики Российской Федерации в регионах Южного федерального округа (Краснодарский край, Республика Адыгея и Волгоградская область)».

для оформления разрешений на временное проживание – 2789 чел. (оформлено разрешений – 3004), для оформления вида на жительство – 2220 чел. (оформлено видов на жительство – 1979), с заявлением о предоставлении временного убежища – 1302 (предоставлено временное убежище – 1074), статуса беженца – 3 чел. (предоставлен статус беженца – 0), гражданства РФ – 688 чел. (оформлено гражданство РФ – 298), с заявлением об оформлении разрешения на работу – 0 чел. (оформлено разрешений на работу – 5) [3].Подавляющее большинство жителей Украины, временно размещенных в крае, надеется в скором времени вернуться на родину.

С ходатайством о предоставлении временного убежища в 2014 г. обратились более 15 тыс. граждан Украины, а в 2015 г. – более 19 тыс. чел. Предоставлено временное убежище 18843 чел., что на 29,9% больше, чем за 2014 г. На 31.12.2015 г. в крае на учете состояли 28705 граждан Украины, получивших временное убежище в России (на 8,2% больше, чем за 2014 г.)[1]. Утратили или лишены статуса временного убежища 2225 чел. (на 49,7% больше, чем за 2014 г.) [4].

Значимость проблемы очевидна по тому, что граждане Украины составляют 93,1% обратившихся в органы УФМС по краю за предоставлением временного убежища или статуса беженца. Для граждан Украины предусмотрена специальная процедура получения этих статусов. Получение статуса «временное убежище» занимает 3 дня, а раньше для этого требовалось 3 месяца. Распоряжением Правительства РФ увеличены квоты субъектам федерации на выдачу разрешений на временное проживание иностранных граждан. На 2 тыс. чел. увеличилась квота края [5].

В г. Краснодаре создан оперативный штаб, координирующий работу по оказанию гуманитарной помощи беженцам из Донбасса. С июня 2014 г. действует рабочая группа по их трудоустройству. В состав группы вошли представители департамента труда и занятости населения края, государственной инспекции труда в регионе, УФМС России по краю и департамента внутренней политики краевой администрации. Рабочую группу возглавляет вице-губернатор края. В муниципальных образованиях созданы оперативные штабы по приему и размещению беженцев. Больше всего граждан Украины находится в Краснодаре, Сочи, Анапе, Новороссийске, Геленджике, Динском районе, Туапсе, Славянском районе, Северском районе, Армавире[2]. Губернатор края распорядился организовать в регионе 76 пунктов временного размещения граждан Украины в гостиницах, санаториях, домах отдыха и лагерях суммарно на 5073 места [6]. Организация пунктов временного размещения возложена на глав муниципалитетов. Курирует работу краевое министерство курортов и туризма.

Вынужденные переселенцы могут трудоустраиваться на квотируемые рабочие места для граждан Украины. Большинство граждан Украины, прибывших в период конфликта, получили разрешительные документы для осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации, в том числе, в 2015 г. более 6 тыс. патентов, в 2014 г. – 15,3 тыс.

патентов и разрешений на работу [7]. Этнические и конфессиональные объединения участвуют в сборе финансовых средств в помощь вынужденным переселенцам с Украины.

Проект программы Краснодарского края по репатриации соотечественников одобрен на заседании Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом 26.10.2015 г. Правительство России 3 февраля 2016 г. утвердило программу края по содействию добровольному переселению соотечественников. Программа позволит оказать содействие переселению 3 тыс. соотечественников [8].

При разработке подпрограммы «Оказание содействия добровольному переселению в Краснодарский край соотечественников, проживающих за рубежом» государственной программы края «Содействие занятости населения» для 2016–2021 гг. указана цель – привлечение в регион на постоянное место жительства квалифицированных кадров соотечественников, проживающих за рубежом. Предложено приоритет отдавать лицам, планирующим переселиться в сельские территории, желающим трудоустроиться в учреждения здравоохранения и образования, способным замещать наиболее высокооплачиваемые рабочие места, имеющим собственные средства для приобретения жилья или возможность участия в программе ипотечного кредитования.

2 мая 2014 г. вступил в силу закон об упрощенном получении российского гражданства теми иностранными гражданами и лицами без гражданства, которые будут признаны носителями русского языка в установленном порядке и представят документы об отказе от имеющегося гражданства иностранного государства и последующем выходе из него. Таким лицам оформляется вид на жительство с последующим приемом в гражданство России. Кроме знания языка, для получения российского гражданства иностранцы должны подтвердить, что они или их прямые родственники по восходящей линии проживают или в прошлом постоянно проживали в России. За 2015 г. комиссия при УФМС России по Краснодарскому краю по признанию иностранных граждан и лиц без гражданства носителями русского языка рассмотрела заявлений 994иностранных граждан и лиц без гражданства, признала носителями русского языка 855 заявителей [1].

Таким образом, методы регулирования вынужденной миграции граждан Украины в Краснодарском крае проактивны. Они предусматривают безусловное оказание гуманитарной помощи жертвам гражданской войны и поддержку получения российского гражданства желающими. Кроме финансовой помощи, оказывается содействие в получении медицинских и образовательных услуг. Перспективным направлением миграционной политики края можно признать информационную политику, нацеленную на культурную и политическую адаптацию беженцев в принимающее сообщество. С учетом приграничного расположения края, возможных разведывательных и диверсионных действий предоставление российского

гражданства не носит массового характера. Ввиду уничтожения многих предприятий и социальной инфраструктуры Донбасса нереально ожидать серьезного оттока беженцев из Краснодарского края. Их адаптация должна быть долгосрочной и хорошо финансируемой программой.

Литература:

1. Доклад «О миграционной ситуации в Краснодарском крае и основных результатах деятельности УФМС России по Краснодарскому краю». Режим доступа: https://23.fms.gov.ru/ document/55785 (дата обращения: 11.07.2016).
2. Информация об оказании гуманитарной помощи гражданам, прибывающим в Краснодарский край из Украины на 26 сентября 2016 года. Режим доступа: http://admkrai.krasnodar.ru/content/21/show/68788/
3. Информация об оказании гуманитарной помощи гражданам Украины, прибывшим в Краснодарский край на 27.06.2016 г. Режим доступа: http://admkrai.krasnodar.ru/content/ 21/show/68788/(дата обращения: 09.07.2016).
4. Основные показатели деятельности УФМС России по Краснодарскому краю за 2015 год. Режим доступа: http://www.23.fms.gov.ru/document/43039(дата обращения: 11.03.2016).
5. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности управления Федеральной миграционной службы по Краснодарскому краю на 2014 год и плановый период 2015–2017 годов. Режим доступа: http://www.ufmskrn.ru/site2/about/resultati/index.php(дата обращения: 11.09.2015).
6. Информация об оказании гуманитарной помощи гражданам Украины, прибывшим в Краснодарский край на 06 июля 2015 года.Режим доступа: http://admkrai.krasnodar.ru/content/21/show/68788/(дата обращения: 14.07.2016).
7. Online-интервью: Алексей Чебураков: Кубань – мигранты / интервью Т. Гусельниковой // Новая газета Кубани. Краснодар, 2016. 4 апр.
8. Об утверждении программы Краснодарского края по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Распоряжение Правительства РФ от 3 февраля 2016 года № 145-р. Режим доступа: http://government.ru/docs/ 21689/(дата обращения: 01.04.2016).

ФОРМИРОВАНИЕ УСТАНОВОК ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ КАК СОСТАВНОГО ЭЛЕМЕНТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

З.К. Бгуашева
кандидат педагогических наук,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация*. В данной статье раскрывается природа и характер установок толерантного сознания, оказывающих конструктивное воздействие на культивирование принципов гражданского общества в современном образовательном пространстве.*
Ключевые слова*: толерантность, толерантное сознание, гражданское общество.*

Проблема становления и развития гражданского общества в последние годы приобретает большое значение. Она обсуждается не только в средствах массовой информации, но и в российских школах.

Термин «гражданское общество» в науке трактуется неоднозначно. Главной идеей гражданского общества является мысль о том, что во имя обеспечения демократии и свободы личности любой государственной власти должно помогать (а в необходимых случаях и противостоять) гражданское общество. В свою очередь, гражданское общество должно исповедовать одинаковые для всех ценности, которые составляют своеобразную идеологическую базу, т.к. в достаточной степени они являются однородными и понятными для каждого члена общества [1]. Но настоящее гражданское общество одновременно является многогранным и многоцветным: в нем сосуществуют разные слои и группы с разными этническими, религиозными, социальными, профессиональными и другими интересами. И у каждого слоя или группы могут быть свои ценности и идеи, и даже цели. Гражданское общество здорово тогда, когда такие интересы сталкиваются, отстаиваются, но степень общности социума такова, что противоборство ведется в рамках данного единства общества, не разрушая само общество. Именно поэтому, особое значение приобретает становление и развитие культуры гражданского общества, которое необходимо формировать в школе. Школьное образование должно быть направлено на решение проблем нетерпимости, которые могут возникнуть в результате обсуждения актуальных проблем, что, в свою очередь, представляет серьезную угрозу гражданскому обществу.

Толерантность – понятие довольно абстрактное, но оно становится ценностью, которая необходима для реализации прав человека. В самой простой форме толерантность есть признание за другими права на уважение их личности и самоидентичности. Толерантность является инструментом гражданского общества,

который помогает разрешить проблемы и конфликты, возникшие в обществе, мирным путем, без применения насилия [2].

В рамках рассматриваемой проблемы, школа - один из основных институтов, который в миниатюре воссоздает облик всего общества, поэтому в своей деятельности она не может не затронуть вопросы формирования толерантности [3]. Школа помогает осознать многообразие сосуществующих в обществе культур, прав человека, демократии, поскольку разные формы взаимодействия берут начало именно здесь.

Занимаясь проблемами формирования толерантности, необходимо использовать разные формы и методы работы, учитывая степень и форму проявления нетерпимости в данной среде. Симптомы проявления интолерантности могут быть самыми различными: насмешки, поиск крайнего, запугивание, изгнание и многое другое. Подобные симптомы легко диагностировать, наблюдая за детьми не только во время занятий, но и в свободное от занятий время. Легко заметить, как они переносят стереотипы поведения из семьи и окружающего социума на отношения со сверстниками. Роль педагога в этом случае крайне велика: необходимо не только зафиксировать проявление нетерпимости, но и принять меры для разрешения данной проблемы. На явные симптомы нетерпимости необходимо реагировать прямо, но при этом не следует использовать проповеднические нотации или читать лекции по морали. Вместо этого желательно найти рациональное решение возникшей проблемы, обсудить и попытаться показать возможные последствия интолерантного поведения.

Продолжая исследовать эту проблему, мы приходим к выводу, что создание толерантного пространства на всей территории школы и формирование толерантных отношений является в наши дни очень серьезной проблемой. Проявления толерантности бросаются в глаза менее ярко, но они очень важны в школе – это дружеские отношения между детьми, открытое и непринужденное общение, свободное обсуждение всевозможных проблем, совместное проведение различных мероприятий, участие в праздниках и многое другое.

Одним из наиболее сложных и реальных способов формирования толерантного сознания является создание атмосферы сотрудничества и поддержки в школе. Это комплекс мероприятий не только во внеурочной деятельности, но и изменение всей работы педагогического коллектива. Необходимо сформировать модель позитивного поведения, которая позволила бы учащимся получить умения и навыки, связанные с конструктивным разрешением конфликтов, развить коммуникативные свойства личности, сформировать навыки социального взаимодействия и позитивной самооценки у обучающихся и педагогов.

Всю работу по становлению толерантного сознания в школе можно представить в виде следующих направлений:

1) изменение структуры школьной жизни – построить ее на толерантных началах, т.е. ввести элементы поликультурного образования в содержательную

часть образовательного процесса, делая упор на позитивные установки;

2) формирование представлений о многообразии культур, воспитание в духе мира и взаимодействия культур;

3) формирование правовой культуры (знание прав и свобод гражданина и человека);

4) использование интерактивных методов преподавания, ролевых и деловых игр, тренингов и т.д. (работая в интерактивном режиме, учитель побуждает к дискуссии, учит обосновывать свою точку зрения, принимать иную, что позволяет обучить школьников разрешению конфликтов, ведению переговоров, установлению коммуникативного общения, умению сопоставлять различные точки зрения на происходящие в обществе процессы и явления, взвешивать альтернативные решения и принимать собственные на основе анализа полученной информации и т.д.);

5) изменение управления школой, т.е. включение в ее управление членов всего школьного коллектива и представителей внешкольной общественности (данная модель создаст демократичный климат в коллективе, где роль каждого возрастает и может стать значимой);

6) организация внеурочной деятельности школьников (проведение праздников, посещение детских домов и интернатов, приютов и других социальных институтов меняет отношение обучающихся к общественным процессам и положительно влияет на формирование гражданской позиции).

Толерантность станет важнейшим условием снижения напряженности в обществе, если будет сформирована в школе. Умение принять иную точку зрения становится одним из критериев человека, обладающего устойчивыми социальными и нравственными убеждениями, способного к усвоению и переработке новой информации, а через нее – к социальной адаптации и социальному творчеству. Школа должна стать своеобразной «моделью гражданского общества».

Итак, творческое использование потенциала идей толерантности в школьном образовании создает благоприятные условия для его дальнейшего распространения в другие сферы социальных отношений и этим способствует дальнейшему развитию гражданского общества.

Литература:

1. Бгуашева, З.К. Проблема соотношения общечеловеческого и этнического в образовании / З.К. Бгуашева // Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (24-25 апреля, 2014 Майкоп). Отв. ред. Р.Д. Хунагов. – Москва – Майкоп – Ростов-на-Дону: Изд-во АГУ. 2014. – 326 с.

2. Пуртова, А.С. Формирование установок толерантного сознания и поведения в современном поликультурном обществе / А.С. Пуртова // Современные исследования социальных проблем (эл. научный журнал). – №2(10). – 2012.

3. Марутян, С.Т. Профилактика межэтнических конфликтов в среде учащейся молодежи: опыт работы Интерклуба Южного федерального университета / С.Т. Марутян // Всероссийский журнал научных публикаций. – №4(19). – 2013.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ[1]

А.В. Бедрик
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии и регионоведения
ЮФУ
г. Ростов-на-Дону

***Аннотация**. В настоящей статье автор анализирует особенности формирования альтернативных моделей миграционной политики в России, призванных усовершенствовать традиционный инструментарий регулирования миграционных процессов посредством усиления социокультурного компонента.*
***Ключевые слова**: миграционная политика, моноцентрическая модель миграционной политики, полисубъектная модель миграционной политики, этнополитическая напряженность.*

Развитие межэтнических отношений в России характеризуется нейтрализацией этнополитической напряженности при сохранении актуальности этносоциальной проблематики. Национальный вопрос в России на современном этапе – это проблема взаимодействия мигрантов и старожильческого населения в регионах – реципиентах миграционных волн. Интеграция мигрантов в российский социум и гармонизация межкультурного диалога в нем выступают базовыми целями реализации Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 июня 2012 года. Данная концепция закладывает принципиально новый подход к управлению миграционными процессами. В частности декларировались следующие задачи [1]: 1) создание центров содействия иммиграции в Российскую Федерацию и медицинского освидетельствования иммигрантов, в том числе за рубежом; 2) создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов на основе государственно-частного партнерства; 3) создание инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации. Фактически, Концепция предполагает переход от моноцентрической модели к полисубъектной модели государственной миграционной политики, которая имеет широкое применение в странах Запада [2].

Моноцентрическая модель предполагает, что единственным регулятором всего миграционного потока как на стадии

[1] Работа выполнена при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

формирования миграционных установок, так и на этапах переезда и адаптации на новом месте является государство в лице органом власти, уполномоченных осуществлять миграционное регулирование. Недостатки такой модели очевидны и связаны с тем, что сфера миграции является саморегулируемой системой сетевого типа, в которой государство, безусловно, задает общие рамки циркуляции миграционных трендов, но не определяет их. Кроме того, многие годы главным субъектом реализации миграционной политики являлось силовое ведомство – Федеральная миграционная служба РФ, которая в апреле 2016 года была упразднена, а ее полномочия переданы в ведомство Министерства внутренних дел РФ [3]. Силовой характер регулирования миграции является дополнительным фактором политизации миграционной проблематики, источником воспроизводства ведомственного национализма и зачастую блокирует перспективы успешной интеграции институтов гражданского общества в процессы адаптации мигрантов, их обустройства, гармонизации отношений между мигрантами, принимающими социумами и СМИ [4].

Полисубъектная модель миграционной политики отказывается от монополии государства на регулирование миграции и вовлекает к регулированию миграционных проблем, формированию миграционных мотивов и запросов общества более широкого спектра участников: государственные службы, органы местного самоуправления, институты гражданского общества в лице национально-культурных объединений (диаспор) и религиозных общин, объединений самих мигрантов (в т.ч. их профсоюзов), правозащитные, гуманитарные и просветительские организации, СМИ, учреждения образования и здравоохранения, социальные службы, союзы работодателей и предпринимателей и т.д. Расширение круга субъектов придает системе регулирования миграции синергетический эффект, который позволяет решать возникающие проблемы более оперативно, субсидиарно, с учетом их конкретной специфики. Именно через децентрализацию миграционной системы при сохранении общей государственной стратегии и принципов миграционной политики возможна нейтрализация институциональных рисков. Однако до сих пор программные цели формирования полисубъектной модели, заложенные в текст Концепции, не реализованы. Исключительная монополия государства на сферу миграции и переподчинение миграционной службы Министерству внутренних дел, а не гражданскому ведомству, блокируют перспективы формирования такой модели и сохраняют инерционность всей миграционной системы.

Как свидетельствуют данные социологического опроса населения г. Ростова-на-Дону, проведенного в октябре 2016 года, особую роль в регулировании межнациональных отношений и взаимодействия мигрантов и старожильческого населения общественное мнение отводит институтам власти и правопорядка, демонстрируя ориентацию на моноцентрическую модель миграционной политики. Так среди ответов респондентов о факторах, способствующих распространению межэтниче-

ской напряженности, наибольшую популярность имели варианты, так или иначе касающиеся недостатков в деятельности официальных структур: недостаточный опыт и компетентность официальных работников в регулировании проблем межэтнических отношений – 18.5% (самый популярный вариант ответов); недостаточное внимание вопросам межэтнических отношений органов власти – 14.5%; ошибки в работе правоохранительных органов – 10.3%; высокий уровень коррупции в органах государственной власти – 8.1%. Таким образом, просчетами властей объяснили формирование межэтнической напряженности более половины респондентов – 51.4% [5].

Считая действия властей неудовлетворительными, респонденты, тем не менее, демонстрируют ориентацию на исключительную государственный монополизм государства в регулировании миграции населения. Полисубъектная же модель миграционной политики опирается на гражданский потенциал российского общества и принцип субсидиарности, позволяющий решать социальные проблемы миграции на самом малом или удалённом от центра уровне, на котором их разрешение возможно и эффективно [6]. В этом случае центральная власть должна играть субсидиарную (вспомогательную), а не субординативную (директивную) роль, решая только те задачи, которые не могут быть эффективно выполнены на местном/локальном уровне. Базовыми акторами полисубъектной модели миграционной политики являются местное принимающее сообщество в лице муниципальных органов управления и институты гражданского общества. Местные власти выступают как «заказчик» миграции, а гражданские институты – как адаптационно-интеграционные инструменты. Прямое же государственное регулирование должно затрагивать сферу вынужденной (стрессовой) миграции и профилактику этнофобии и мигрантофобии в деятельности государственных ведомств, муниципальных и социальных служб, СМИ, институте образования и т.д.

Таким образом, изменение вектора миграционной политики, реальное расширение круга субъектов, ответственных за ее реализацию в России выступают гарантией повышения ее эффективности. Активизация субъектов гражданского общества в реализации целей и задач Концепции государственной миграционной политики РФ служит интересам гармонизации межэтнических отношений, профилактики этнофобий, этнокультурного просвещения. Вне данного контекста не могут быть нейтрализованы проблемы взаимного недоверия и отчуждения мигрантов и старожилов. Решение проблем миграции исключительно за счет экономических и правовых инструментов в современных условиях не возможно и требует вовлечения инструментов социокультурного свойства, обеспечить которые могут институты гражданского общества (диаспора, конфессиональные институты, СМИ и др.).

Литература:

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Электронный ресурс. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15635 (дата обращения: 01.11.2016).
2. Трыканова С.А. Организационно-правовое регулирование миграции в России и Европе: сравнительный анализ. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2012. – 192 с.
3. Указ Президента РФ «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» // Электронный ресурс. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/51649 (дата обращения: 01.11.2016).
4. Милиция и этнический мигранты: практики взаимодействия / Под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. – СПб.: Алетейя, 2011. – 640 с.
5. Бедрик А.В., Сериков А.В. Крупный южнороссийский город как среда межэтнического взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону) // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11.
6. Волков Ю.Г., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П.Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых станах со сложной этнокультурной структурой. – Ростов н/д: Фонд науки и образования, 2015. 316 с.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А.К. Берсирова
старший преподаватель,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

З.З. Шхахутова
кандидат педагогических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

***Аннотация**. Данная статья посвящена рассмотрению природы и характера межэтнических взаимоотношений в современном российском обществе, а также осмыслению роли феномена толерантности в преодолении этноцентризма.*
***Ключевые слова**: межэтнические взаимоотношения, толерантность, глобализация, этноцентризм.*

Социально-экономическая ситуация в России актуализировала проблемы межэтнической толерантности, проблемы трансформации установок толерантного сознания. Этнические установки фиксируют отношение к явлению (например, традициям), объекту (языку, литературе и т.д.) или к виду общения (деловому, семейному, дружескому, соседскому). Но если нужно выяснить тип отношения к контактам в целом или народу в целом, т.е. к его культуре, истории, людям и т.д., то предметом изучения становится система установок или ориентация. Поэтому различают ориентации на этнонациональную культуру того или иного народа и ориентации на общение (в целом).

И теории личности, и теория социальных установок помогают понять механизмы действия факторов, влияющих на межэтнические отношения. Совершенно очевидно, что формирование личности, ее установок и ориентации происходит в процессе социализации, начиная с детского воспитания в семье и затем под влиянием самого широко спектра обстоятельств — этнической и социальной среды, политической системы, этнической политики государства, мезосреды, т.е. обстановки в городах и селах, в территориальных локальностях и, наконец, микросреды трудовых коллективов и неформального общения.

Современный анализ межэтнических отношений, причин и следствий межэтнических конфликтов показывает, что толерантность — многогранный и далеко не однозначный феномен, имеющий помимо позитивных также и негативные стороны. В связи с этим появилась потребность по-новому

осмыслить тему межэтнической толерантности. Так, например, А.Г.Асмолов выражает свое мнение: толерантность означает признание мнения других и является универсальной нормой сосуществования, кооперации, социального взаимодействия [1. С. 3—12]. Как следствие, толерантность является решающим фактором, снижающим ситуации проявления насилия, дискриминации, нарушения прав человека.

Набирающее обороты явление глобализации, с одной стороны, содействует интеграционным процессам в этнической сфере, с другой — способствует обострению старых и зарождению новых проблем, ведет к отстаиванию этнических прав и свобод, к росту самосознания как отдельных народов, так и представителей различных этносов. Все это способствует обострению межэтнических противоречий и нередко приводит к вооруженным столкновениям.

Процессы, происходящие в современном мире, направлены на превращение некогда дифференцированного общества в целостный глобальный социум. Межличностные, межгрупповые, международные связи обусловливают иную меру оценки «своих» и «чужих». Сегодня каждый отдельно взятый субъект осознает свою национальную самобытность. Поэтому проблема общения различных национальностей приобретает особое значение. Действительно, в настоящее время все сильнее и сильнее проявляются националистические тенденции, объясняющиеся стремлением этносов возрождать, сохранять и развивать свои культурные традиции и язык, утверждать современную культуру на личностном и групповом уровнях посредством национальных форм и символов. Но эти идеи, по своей сути прогрессивные, воспринимаются крайне односторонне, вне контекста единого культурного пространства, вне принципа диалогичности воспитания.

А диалог, культура межэтнического общения в полиэтнической культурной среде возможны лишь тогда, когда каждый из ее субъектов, осознавая свою самоценность и самодостаточность, видит, понимает и принимает ценности другого партнера в общении. Если же этого не происходит, то возникают явления либо этноцентризма и культурного национализма, либо культурного тоталитаризма, когда государство, отстаивая свои интересы, противится развитию национальных культур. И то и другое одинаково отрицательно влияет как на развитие традиционных культур, так и на культуру межэтнического общения. Так, например, Г. Малетцке разграничивает две главные особенности в сущности этноцентризма. С одной стороны, родная культура характеризуется «само собой разумеющимися явлениями/нормальностями», с другой — этноцентризм связан чаще всего с чувством превосходства по отношению к другим народам, нациям, культурам. Как правило, люди не осознают, что их образ жизни, поведение, ценностные ориентации и взгляды обусловлены собственной культурой и не являются универсалиями, нормальными и само собой разумеющимися в других культурах [2. С.

32]. Таким образом, эта сторона проявления этноцентризма свидетельствует о существовании наивной уверенности многих в том, что их жизненная система координат, мировоззрение абсолютны, а не относительны.

Следует отметить также, что привычная обыденная повседневность своей культурной среды содержит в себе важную для человека «разгрузочную» функцию — функцию «освобождения»: существующие, устоявшиеся традиции и ценности родной этнической группы освобождают её членов от решения многих стандартных, стереотипных проблем, избавляют от необходимости вербальной или невербальной атрибуции (интерпретации) очевидных для данной культуры вещей. Однако названная функция теряет свою действенность, когда «прописные», казалось бы, истины собственного окружения не имеют той же силы и смысла в другом культурном окружении. Каждая культура видит себя в центре Вселенной и оценивает жизненные явления «сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы...» [2. С. 33].

Таким образом, следует подчеркнуть, что этноцентризм как одна из основных антропологических констант неизменно оказывает влияние на поведение людей в их отношении к чужим культурам. В связи с этим среди межкультурных экспертов этноцентризм по праву считается крупнейшей проблемой межкультурной коммуникации, а в его преодолении многие интеркультуралисты видят основную задачу межкультурного обучения.

Путь к взаимопониманию проходит не только через знания, представления, но и через чувства, умение видеть в каждом человеке, будь то русский, чеченец или татарин, мусульманин или христианин, носителя общечеловеческих ценностей: добра, любви к ближнему, высокой духовности и морали, так как толерантность — одна из нравственных ценностей общества, которая определяется в этом плане как моральное качество, выражающее отношение к убеждениям, верованиям, поведению других людей. А это понимание есть результат культуры межэтнического общения.

Одним из способов снижения межэтнической напряженности, разрешения и предотвращения конфликтов социокультурного характера выступает развитие и формирование толерантности в процессе воспитания, овладения собственной национальной культурой, так как каждая национальная культура представляет собой закономерную ступень в развитии мировой культуры, внося вклад в общечеловеческую цивилизацию. Культура межэтнического общения зависит от уровня общего развития общества, умения соблюдать общечеловеческие нормы нравственности и поведения, взаимной готовности правильно воспринимать инонациональные ценности, стремления обогащать себя знанием этих ценностей. К сожалению, многие молодые люди в современном обществе имеют очень слабую этнографическую грамотность. Более или менее зная культуру своего народа, о других они имеют слабое

представление. Поэтому так важно вооружить население многонационального государства минимумом знаний по основам межэтнических и международных отношений, дать им представление о культуре, традициях народов, населяющих страну, республику, регион.

Необходимо так построить содержание образования, чтобы оно обеспечивало школьников и студентов знаниями о народах, с представителями которых они учатся, об их культурах, традициях, этике, быте. Именно культура, язык, обычаи и традиции народа хранят в себе национально-особенное, присущее именно этой нации и этнической группе.

В качестве инструмента решения проблем, связанных с формированием установок толерантности через средства массовой информации, может быть признан только активно ведущийся социальный диалог. Он должен создать траекторию общественной дискуссии от разногласий через обсуждение к сближению позиций и единому решению. Дух диалога в рамках формирования толерантного сознания выражается в конструктивном поиске решения в ходе дискуссии, полемики, сопоставления подходов и аргументов, идей и решений. Таким образом, можно обозначить ряд задач по формированию толерантности в российском обществе:

1. Создание благоприятных условий для повышения коммуникативной толерантности средств массовой информации путем выработки журналистским сообществом профессиональных стандартов и этических норм, основанных на ценностях толерантности.
2. Воспитание средствами массовой информации и средствами социальной рекламы установок на взаимопонимание и взаимоуважение в российском сообществе.

Таким образом, формирование культуры межэтнического взаимоотношения в полиэтнической среде возможно лишь тогда, когда каждый из ее субъектов, осознавая свою самоценность и самодостаточность, видит, понимает и принимает ценности партнера в общении. Если же этого не происходит, то возникают явления либо этноцентризма и культурного национализма, либо культурного тоталитаризма, когда государство, отстаивая свои интересы, противится развитию национальных культур. И то и другое одинаково отрицательно влияет как на развитие традиционных культур, так и на культуру межэтнического общения.

Литература:

1. Асмолов А.Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта — к парадигме толерантности // Вопросы психологии. 2003. № 4.
2. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: Монография. Красноярск, 2004.
3. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Межкультурное взаимодействие в современном мире. М., 2011.

КОМПЬЮТЕРНО-ИНТЕРАКТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА: ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М.В. Бештоков
аспирант ГМУ им. Ф.Ф. Ушакова,
соискатель Института социологии и регионоведения
ЮФУ
г. Ростов-на-Дону

***Аннотация**. В данной работе анализируется влияние современной виртуально-коммуникативной среды на выстраивание межэтнического взаимодействия в дистантном формате.*
***Ключевые слова**: компьютерно-интерактивная социальная система, межэтническое взаимодействие, глобализация.*

Несмотря на глобализацию, активно развивающуюся практически во всех сферах современной жизни, вопросы согласия и напряженности в отношениях между этносами и их представителями остаются достаточно актуальными. Можно привести множество примеров и причин, которые подтверждают сложность данной проблемы, обозначают отрицательные и негативные потенциалы, но в этой статье мы рассмотрим положительные и позитивные факторы современной глобализирующейся действительности, возможности для взаимодействия этносов, и следовательно, потенциальные факторы снижения межэтнической напряженности.

Речь пойдет о компьютерных и Интернет-технологиях, совокупность которых с цивилизованном обществе вы рассмотрим в виде компьютерно-интерактивной социальной системы. Факт того, что данная социальная система, являясь новой глобальной средой коммуникации имеет весомое значение в формировании общественного сознания не вызывает сомнений у исследователей [1]. Правильная организация и управление такими коммуникациями и позволяет решать некоторые межэтнические вопросы.

Анализ ресурсов компьютерно-интерактивной социальной системы показывает, что коммуникативная и социализационная активность современной молодежи находит свою реализацию в сообществах и группах, сформированных на основе общих интересов: музыка, искусство, спорт, развлечения и т.д. [2] Этот факт говорит о том, что молодежь в сети активно проявляет себя в неформальных, неофициальных, неполитических сообществах, которые тем не менее имеют весомую значимость для своих участников. В процессе такой

коммуникации пользователи-участники следуют единым правилам сообщества, поддерживают нормы и порядки, принятые внутри подобных групп [3]. Главным здесь является тематика группы, сообщества, которая позволяет оценивать значимость ее участников, в первую очередь, относительно их соответствия нормам группы (а не этносу, например). Это дает возможность участникам сообщества более близко общаться, ориентируя свою коммуникацию на общую, одобряемую и актуальную тему, снижая тем самым межэтнические барьеры.

Разумеется, подобные формы объединения молодежи появились очень давно, однако именно в компьютерно-интерактивной социальной системе современности они достигли наибольшего размаха, как в объеме, так и в функциональности. И дело здесь не только в глобализации, но и в научно-техническом прогрессе, который позволяет использовать новые технологии для модернизации, упрощения и расширения возможностей коммуникации. Это, в свою очередь, позволило создавать межнациональные и межэтнические "клубы по интересам" в мировых масштабах, и реализовывать в них здоровое общение.

Важно отметить, что общение, наряду с учением, трудом и игрой являются основными видами деятельности человека. Осваивая эти виды деятельности, человек интегрируется в социальную реальность, в действующую систему деятельности общества, что является важным фактором социализации [4]. Поэтому глобальное общение является не только логично позитивным фактором снижения межэтнической напряженности, но и имеет под собой прочные природно-социальные основания. Однако, одним общением дело не ограничивается.

Как было отмечено выше, игра так же является основным видом человеческой деятельности. Компьютерно-интерактивная система и здесь предлагает возможности для установления межэтнического взаимодействия во имя дружбы и согласия. Исследователи отмечают, что видеоигры, в частности ролевые, имеют ряд положительных качеств и функций, позволяющих игрокам-участникам устанавливать прочные межличностные связи и эффективную позитивную коммуникацию. Среди них выделяют: персонализацию, как возможность раскрытие личных качеств игрока; общение - как возможность обмена мнениями, не только по игровым темам, но и по вполне реальным, жизненным; создание сообществ - на основе игры идет и дополнительное объединение людей по различным интересам; достижения - позволяющие мотивировать игроков-участников для достижения целей, что требует командной работы и взаимоуважения участников [5]. Все эти функции, безусловно, могут иметь значительное положительное воздействие на всех участников процесса, вне зависимости от их этнической принадлежности, социального положения и места жительства.

Подводя итог, отметим, что это лишь частичный перечень множества функций и возможностей компьютерно-интерактивной социальной системы, и тема эта требует серьезного внимания ученых и не менее серьезной проработки. Так же следует сказать, что наряду с этими положительными чертами, в ней присутствуют и немало черт отрицательных, что характерно для любой системы. Однако, мы можем уверенно полагать, что, при грамотном управлении и умелом использовании ресурсов, компьютерно-интерактивная социальная система и ее технологии могут стать серьезным инструментом для установления эффективного взаимодействия между представителями различных этносов, способствовать позитивному опыту и культурному обмену в духе общечеловеческого, спортивного и профессионального уважения, и, следовательно, значительному снижению межэтнической напряженности.

Литература:

1. Носкова Т. Н., Яковлева О. В. Электронные СМИ и воспитание в корпоративной среде вуза // Научные материалы V Съезда «Российского психологического общества». М., 2012. 14–18 февраля. Том III. С. 365–366.
2. Карпухин О. И. Молодежь России : особенности социализации и самоопределения // Социс. 2000. № 3. С. 127.
3. Иванов Д. В. Виртуализация общества // Социология и социальная антропология. СПб., 2000., с. 18
4. Немов Р. С.. Психология: уч. пособие для высш. пед учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2003. с. 152
5. Доколин А. С., Чернова Е. В. Превенция вовлечения молодежи в киберэкстремистскую деятельность посредством компьютерных игр // Фундаментальные исследования. 2014. №12-5 С.1076.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ С.Н. БУЛГАКОВА – ПУТЬ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

А.А. Боровенская
аспирант,
Луганский национальный аграрный университет
г. Луганск

С.А.Титаренко
доктор философских наук, профессор,
Луганский национальный аграрный университет
г. Луганск

Аннотация*. В статье раскрывается влияние религиозно-философских взглядов российского мыслителя С.Н. Булгакова на формирование гуманистической модели решения национального вопроса.*
Ключевые слова*: религиозно-философские взгляды, С.Н. Булгаков, национальный вопрос.*

Современные реалии нашей жизни задают жесткую и, порой, жестокую ноту взаимоотношений в обществе. Погоня за материальными благами мира сего, просто стерла и уничижила из нашей повседневной жизни такие необходимые составляющие благополучного сосуществования, как честность, бескорыстие, доброта, милосердие, любовь. То, что является основой процветания и развития любого народа, государства и мира в целом, стало не популярным, не модным. Да, к сожалению, сегодня не принято проявлять милость и сострадание к ближнему. Обесценивание человеческой жизни - процесс, набирающий стремительную скорость.

Булгаков Сергей Николаевич – знаменитый русский философ, теолог, экономист, священник Православной Церкви, общественный деятель. За свой непростой жизненный путь, Сергей Николаевич пытался выработать и внести основные принципы христианства в жизненный устрой Российского государства. Его стремление обосновать тесную и взаимно необходимую связь человека природы и Бога. Прежде всего, он оставил для нас бесценное культурное наследие, как некое учение о ведении хозяйства. Его понимание хозяйства, в данном случае – это весь мир, вся вселенная и, одновременно, это каждый человек в отдельности, благополучие всего государства и удовлетворенность каждого живущего в нем через возрождение духа, – вот к чему призывал в своих трудах Булгаков С.Н. Именно к этому мы возвращаемся сегодня.

Развитие государства по принципу лишь материального, экономического привело к господству мира финансов. Как выразился Осипов Ю.М. «произошла финансизация всего экономико-хозяйственного бытия, т. е. доминирование организованных денег над экономикой, хозяйством и всей жизнью» [1, с. 334]. Тем самым, лишь подчеркивая весомость и актуальность поиска решений на сложившуюся ситуацию в обществе.

«Жизнь есть процесс, прежде всего, хозяйственный», – говорит Булгаков в работе «Философия хозяйства» [2, с. 21]. Раскрыть философски, осмыслить духовно жизнь, как целостный, взаимосвязанный и взаимозависящий богочеловеческий процесс – цель Сергея Николаевича, к которой он стремился.

Природа, мир вещей как объект хозяйства, определяется, по мнению Булгакова, «механической закономерностью, железной связью причин и следствий» [2, 115]. Такова его сущность и место в единой Вселенной. Мир, Вселенная и даже космос как всеобщий и целостный объект хозяйства; мир как хозяйство, то есть, мир как объект труда, а постольку и как продукт труда – именно в этом, на наш взгляд, заключается теоретически осознанная и духовно и нравственно сформировавшаяся позиция Булгакова. Тем самым указывается на неизбежное и предопределенное влияние действий человека, его образа жизни и образа жизни народа не только на окружающую нас природу, но и на всю вселенную. Это призыв к ответственности перед Богом.

Хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. Говоря о мире как объекте экономического труда, необходимо дать столь же общее определение хозяйства. Совместимость жизни со смертью, живого и неживого, есть один из величайших парадоксов действительности и вечная загадка для мысли. Есть только жизнь, и все, что существует, существует лишь в свете жизни. Вещи, так называемая мертвая природа, есть все то, в чем отсутствуют признаки жизни, они и заметны лишь в свете жизни.

Всякому живому существу, а также и человеку, приходится отстаивать свое существование, защищать жизнь от смерти. Но этим оборонительным отношением не исчерпывается, конечно, борьба за жизнь, при первой же возможности она из оборонительной становится наступательной, стремясь утверждать и расширять жизнь, укрощать враждебные стихии природы и подчинять своим целям ее силы.

Человек хозяйствуя, покоряет природу, но вместе с тем, становится покоренным ею, и все больше чувствует себя невольником хозяйства. Чем больше благ мы получаем, тем выше степень ответственности. И это противоречие, разъедающее душу человека, взращивает пропасть между существующем и должным, деформируя общество. Поэтому все хозяйство – процесс созидания не только материальных благ, но духовных ценностей.

Можно сказать, что в философии хозяйства Булгаковым было разработано уче-

ние о метафизических основах теории мирового хозяйства. Мы считаем, что это учение заключалось в выработке универсального мировоззрения, связывающего Человека, Бога и Мир. Цель – раскрыть нравственное назначение человека в этом мире и значение мира для человека. Так как Булгаков рассматривал жизнь, как высший хозяйственный процесс, то поставленные при этом проблемы принимали не только философский, но и социально – экономический характер.

В представлении Булгакова общество это социальная целостность, которую невозможно воспринять с помощью органов чувств. Социальный организм, как творение Божие, есть чудо. Чудом является и человек, пребывающий внутри масштабного общественного тела, но испытывающий при этом не чувство запрограммированности, а ощущение свободы. Лишь через творческую свободу проявляется достоинство человека, обращающееся к религиозным истокам и ощущению бесконечности, питаемому христианской верой.

Религиозное начало играет определяющую роль в социальном самоопределении личности и в жизни общества, включающей в себя социально-экономическую деятельность людей. Трудовую деятельность можно рассматривать как форму христианского послушания, направленную на спасение души.

Исходя из принципов и видения мира С.Н.Булгакова, можно выделить основные его идеи: приверженность человека христианским ценностям во всех сферах деятельности, обостренное чувство ответственности перед обществом, миром и каждым человеком, как целостной картины мира – сотворчества Бога и человека, возврат к русской традиции, к традиционной христианской культуре.

Булгаков, разрабатывавший тему мировоззренческих оснований христианской социологии хозяйства, утверждал, что в хозяйственной деятельности творится общее дело всего народа, нации, человечества. На примере создания «Союза христианской политики», философ пытался внедрить христианские ценности, как основу своей политической деятельности [3]. Булгаков призывал каждого из христиан к творчеству и инициативе в поисках средств, для исполнения данных обязанностей, так как христианское учение указывает только на цель - любить и служить ближнему. Политика, как и всякое другое дело жизни, утверждал Булгаков, должна для христиан быть религиозным делом. Мы считаем, что такое отношение к политике должно свидетельствовать, прежде всего, о наличии четкой и активной гражданской позиции и выражаться в уровне патриотизма каждого человека.

Патриотизм – проявление любви и самоотверженности к стране, Родине, ее гражданам. Здоровый, зрелый патриотизм народа, нации – залог успешного, сильного и стойкого государства.

Сегодня мы являемся свидетелями, а может, и участниками межэтнической и межнациональной напряженности. Национализм, религиозный фанатизм разрушают государства и разделяют общества. Ярким примером является ситуация в Украине. Непризнанные республики, образовавшиеся в итоге политических событий 2014 года в Украине – яркий пример

раскола государства на фоне фанатичного национализма, искажения истории и отречения от традиционного богатого культурного наследия наших предков. Тенденция подобного развития событий, к сожалению, имеет мировую практику.

В России межнациональное согласие, четкое национальное самоопределение – фундамент целостности государства. Это утвердительно заявил в своей статье президент РФ В.В.Путин. «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. И этот выбор русский народ подтверждал раз за разом – и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей» [4]. Обращение Владимира Владимировича к истории, очередной раз подчеркивает значимость религии в решении данного вопроса. Ведь история русского народа – история Православной Руси. Именно к этому и призывал С.Н.Булгаков: отойти от слепого заимствования идей развития государства и общества по примеру западных стран и возродить традиционные духовно-нравственные ценности, которые присущи нам, русскому народу. Ведь они сформировались на православной основе, и понятие «православный» и «русский» были тождественны. Ценностные ориентации, основанные на библейских заповедях, легли в основу русского миропонимания, но при этом не противоречили традициям других народов, проживающих на территории России.

Религиозно-философские особенности подхода С.Н.Булгакова к анализу социально-политических явлений и процессов заключались в обязанности каждого человека в области экономической и социальной политики, которые состояли в соблюдении гражданских прав и свобод в соответствии с нормами христианской морали. Понимание и принятие каждого человека в связи и влиянии духовного и нравственного фактора на экономическую жизнь граждан, на развитие государства в целом, на его целостность, на единство духа многонационального народа, как понимал ее Булгаков, является своеобразным толчком для возрождения Руси сегодня.

Литература:

1. Осипов Ю.М., Коняева И.В. Кризис экономики ничто по сравнению с кризисом хозяйства / Ю.М.Осипов, И.В.Коняева // Философия хозяйства. – 2008. – № 6. – С. 333–340.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства/ С.Н.Булгаков – М.: Наука, –1993. – С.20- 412.
3. Булгаков С.Н. Христианство и социализм / С.Н. Булгаков. Христианский социализм: Споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 209- 233.
4. Путин В.В. «Россия: национальный вопрос»– [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://surkov.info/statya-putina-rossiya-nacionalnyj-vopros/. Дата доступа 13.11.2016 г.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ КАЗАКОВ ЮГА РОССИИ

А.В.Бредихин
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
г. Москва

Аннотация*. Настоящая работа посвящена осмыслению процесса возрождения и современного развития казачества в условиях этносоциального пространства Юга России, а также роли казаков в формировании российско-кавказской общности.*
Ключевые слова*: казачество, этносоциальные контакты, Юг России.*

Казачество на Юге России представлено тремя крупными войсковыми казачьими обществами, внесенными в реестр казачьих обществ Российской Федерации: войсковым казачьими обществом «Всевеликое войско Донское» (ВКО ВВД), Кубанским войсковым казачьим обществом (КВКО), Терским войсковым казачьим обществом (ТВКО). Кроме того, казаки объединены рядом общественных организаций, крупнейшими из которых выступают «Союз казаков-воинов России и Зарубежья» и «Союз казаков России».

Целью нашего исследования станет рассмотрение сложившихся этносоциальных контактов между казаками и народами Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Казачьи объединения позиционируют себя в качестве исторических преемников казачьих войск Российской империи. ВКО ВВД продолжает традиции не только верховых и низовых донских, но и казаков, ранее существовавших Азовского и Астраханского казачьих войск. В рядах ТВКО есть потомки всех групп терского казачества: гребенцы, низовые терцы, аграханцы, терцы-семейцы, кизлярцы, вогцы, моздокцы, горцы, владикавказцы, сунженцы. Есть в их рядах и потомки вернувшихся из Турции казаков-некрасовцев. КВКО объединяет черноморских и линейских казаков, часть переселенцев-азовцев. Как подчеркивает д.соц.н., депутат Государственной Думы Российской Федерации, экс-атаман ВКО ВВД В.П. Водолацкий, казаки «сегодня это самая активная часть граждан нашей великой России».

Одним из основных компонентов формирования казачества Дона и Кубани выступает татарский компонент. Например, в низовых донских казачьих станицах

вплоть до XIX в. казаки широко использовали татарский язык и говорить на нем считалось чем-то благородным. Немаловажным аспектом выступает и широчайшее распространение в казачьей среде татарских имен и фамилий, начиная от одного из первых атаманов Сары-Азмана и продолжая казачьими фамилиями Бурхановых, Зембулатовых, Машлыкиных, Сариновых и др. В тоже время, д.ист.н., г.н.с. Института российской истории РАН Н.Ф. Бугай говорит о существовании татарских поселений, инкорпорированных в казачью среду. Так куренным атаманом таманской слободы Ада был князь Айшет Гирей Султанов, куренные судьи Мамичей Приспег оглы, Смаил Теотек оглы, сотник Кирей Янгаз оглы, урядник Дженей Еженгоз оглы [1]. Примеры станицы Татарской на Дону, вхождение нагайбаков в Оренубгское казачье войско лишь подтверждать факт теснейшего казачье-татарского этногенеза.

В ряде казачьих поселений шел процесс формирования казачье-малоросского синтеза. На одной и той же территории – Области Войска Донского проживали как донские казаки, так и украинцы-малороссы, которые формировали взаимосвязанную идентичность, обогащая ментальность друг друга. Благодаря имперским указам малороссы от Дона до Терека «оказачивались» целыми слободами.

Актуальным в данном процессе выступает вопрос участия народов Южной России в деле Возрождения казачества. В XVII в. донским атаманом С.Т. Разиным подписывается договор о вхождении калмыков Нижнего Подонья (бузавов) в состав донского казачества, а сегодня в рамках ВКО ВВД создан Калмыцкий казачий округ. В Республике Северная-Осетия-Алания, где ведет свою работу Аланское республиканское окружное казачье общество ТВКО, атаманом является потомственный казак, этнический осетин Едзиев Харитон Константинович [2]. В общество входят многие осетины, чьи предки служили в дореволюционном Терском казачьем войске. В процессе создания Крымского войскового казачьего общества поднимался вопрос об участии в нем крымских татар. Глава Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров выступал с предложением о вхождении в состав Сунженского отдела ТВКО 5000 казаков-ингушей. В тоже время отметим и работу казаков с народами Закавказья. Так, например, на территории Республики Абхазия ведет свою работу Сухумский особый отдел КВКО.

Несомненна роль казачьего кадетского образования в системе укрепления российской нации и снятия межнационального напряжения в регионах ЮФО и СКФО. Так в Орловском казачьем кадетском корпусе, первом на юго-востоке Ростовской области, смогут получать образование не только казачата, но и турки-месхетинцы [3] и представители народов Дагестана, что позволит им более интегрироваться в донское сообщество и собственно говоря «показачиться» [4].

Среди примеров формирования взаимных контактов между казаками и кавказскими народами стоит отметить, что вопросы христианизации вайнахов актуализировались ввиду развития их контактов с

казачьим населением Терека и возникновения интересов Русского царства на Северо-Восточном Кавказе [5]. По данным чеченского историка Лечи Салигова, некоторая часть чеченцев в 1557 г. приняв православие и русский язык перешла в состав терско-гребенского казачества. К ним в XVII в. присоединились и гуноевцы под предводительством Оьрза (впоследствии Егоркины, Гришины, Бусунгуровы, Титкины, Полушкины из станицы Червленной) [6], ушедшие от исламизации Чечни шейхом Берсаном [7]. К числу чеченцев-христиан в XVI веке относились галгаевцы (аккинцы), тушины, шатоевцы. Шел и обратный процесс «чеченизации» казаков, вплоть до Гражданской войны, так сформировался тайп ГIалгIазкхи – потомки казаков. К числу родов, принимавших казаков относятся чаберлоевцы, варандоевцы [8].

Председатель общественного движения «Хасэ» Ибрагим Яганов, известный черкесский националист, в ряде своих интервью дает весьма позитивную оценку казачеству и его взаимоотношениям с черкесским народом. По его мнению, казаки и черкесы имеют общих предков, а целый ряд черт казачьей культуры, обычаев, устройства военной демократии и всем известный казачий головной убор «черкеска» возникли благодаря тесному взаимодействию между казачьим и черкесским сообществами. Лидер «Хасэ» приходит и к выводу, что казаки являются как достойными противниками, так и достойными союзниками, и уже сейчас «казакам, черкесам, балкарцам и другим народам нужно объединиться, чтобы задуматься о своем будущем». В качестве основы для такого будущего черкесский общественник указывает и куначество, которое не исчезло в «революционном огне», а поныне развито между казачьими и черкесскими семьями.

Сегодняшние казаки продолжают идею создания российско-кавказской общности. Известный кубанский историк Ф.А. Щербина воспринимал «российскость» как «совместничество», способствующее единству в системе сложных и порой противоречивых отношении России с горскими народами. И в этой системе взаимоотношений казачеству отведена основная роль.

Литература:

1. Бугай Н.Ф. Казачество России: мир на границе, спокойствие в государ- стве, служба Отечеству... // «Белые пятна» российской и мировой истории, 2015. № 3. С. 21-46.
2. Бредихин А.В. Роль казачества в формировании элит Северного Кавказа// Kaukaz: transformacja przywodztwa i elit politycznych/ Redakcja naukowa Tadeusz Bodio. – Warszawa, 2012. Т. 6. – 351 с.
3. Бредихин А.В. Многонациональная карта Дона: конфликты в «восточных территориях»// Этносоциум и межнациональная культура. - М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. № 10 (88). С. 95-98.
4. Бредихин А.В. О системе духовно-нравственного и патриотического воспитания казачьих кадетских корпусов// Альманах «Казачество», 2016. № 16. С. 12-18.

5. Бредихин А.В. Православные вайнахи-бацбийцы и их связи с Россией// Историческая память и диалог поколений в постсоветском обществе. Сборник статей № 2. – М.: Научное общество кавказоведов, ИП Лобанов В.И., Книжный мир, 2016. С. 168-172.
6. Ибрагимов М.М. Что объединяет терских казаков и тейп гуно?// Грозненский рабочий, № 34(20816).
7. Габисов Б.Г. Чеченцы и ингуши (проблема происхождения). Грозный, 1991, с. 5; Чечня и чеченцы. Элиста, 1990, с. 50–81.
8. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. Монография. М.: ИБВ, 2005. - 286 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЮГЕ РОССИИ[1]

К.В. Воденко
доктор философских наук, профессор,
Южно-Российский государственный
политехнический институт
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск

Аннотация*. В настоящей статье анализируются особенности и перспективы применения институциональных практик в совершенствовании межконфессионального диалога на Юге России.*
Ключевые слова*: институциональная практика, межконфессиональное взаимодействие, гармонизация.*

Гармонизация межрелигиозного взаимодействия на Юге России находится в тесной зависимости от межэтнических отношений, которые в последние годы не в последнюю очередь определяются миграционными потоками. Процессы миграции в регионе можно подразделить на внутренние миграционные потоки, идущие, главным образом, из республик Северного Кавказа в Ростовскую область, и внешние, обусловленные притоком трудовых мигрантов их стран Средней Азии в том же направлении. Анализируя взаимоотношения в регионе трех мировых религий – христианства, ислама и буддизма, можно сделать вывод о том, что представителей ислама численно становится больше по отношению, прежде всего, к людям, традиционно исповедующим или причисляющих себя к христианству, что связано как с более высоким уровнем демографических показателей в среде мусульман, так и притоком трудовых мигрантов из стран с преобладающим распространением ислама. С учетом вызовов международного терроризма на институт религии, включая все официальные конфессии, выступающие против экстремизма, ложится определенная ответственность за гармонизацию межконфессиональных отношений в регионе, а также возлагается задача выработать технологии и институциональные практики, направленные на содействие государственной власти в формировании гражданской идентичности [см.: 1].

Институциональные практики религиозных учреждений, связанные с образованием собственных прихожан, на сего-

[1] Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

дняшний день не включают в себя специальных курсов гражданской толерантности. Вместе с тем призывы к миру являются неотъемлемой частью официальных проповедей представителей традиционных конфессий Юга России и всей страны. Однако пока ещё сложно представить, чтобы проповедь, направленная на верующих, открыто пропагандировала ценности гражданского общества. К тому же стремление к ещё большей модернизации религии может быть не только негативно встречено самими верующими, но и привести к резкой деградации и обмирщению традиционных конфессий, что повлечет за собой падение их авторитета.

В тоже время на Юге России накоплен достаточно большой опыт межэтнического взаимодействия, что также может рассматриваться в качестве фактора гармонизации в регионе межрелигиозных отношений. Проведение круглых столов и различных гражданских мероприятий с участием представителей традиционных конфессий в должной мере способно гармонизировать межконфессиональные отношения, происходящие в рамках социального взаимодействия. Подобно рода опыт соответствующих институциональных практик имеют представители православия и ислама как основных традиционных религий Северного Кавказа.

В рамках крупнейшего православного форума Юга России – ежегодных Димитриевских чтений, проходящих в г. Ростове-на-Дону, постоянно обсуждается соответствующая проблематика. Так, 12 ноября 2015 года в рамках XX Димитриевских образовательных чтений «Традиция и новации: культура, общество, личность» состоялась работа секции «Религиозная безопасность России в условиях современных геополитических вызовов» (направление «Церковь и общество»). Председателем секции выступил протоиерей Валерий Волощук, руководитель отдела по взаимоотношениям Церкви и общества Ростовской-на-Дону епархии. Заседание состоялось в Южно-Российском институте Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации [2].

Ключевыми вопросами обсуждения стали следующие: государственно-конфессиональные отношения и религиозная безопасность; православие и ислам на Юге России: диалог цивилизаций; секты в условиях сетевой войны против России.

По итогам секции участники приняли резолюцию, в которой, в частности, говорится, что религиозная безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в религиозной сфере общественной жизни, обеспечиваемое государственной конфессиональной политикой и общественно-политической деятельностью традиционных конфессий. Религиозная безопасность России может пониматься как состояние стабильного и самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России, составляющих российскую нацию.

Для более эффективного обеспечения религиозной безопасности следует инициировать принятие Федерального закона «О религиозной безопасности», в котором

особо отразить историческое и культурное значение Русской Православной Церкви (РПЦ), ислама и других традиционных религий в формировании Российского государства, определить и перечислить угрозы религиозной идентичности народов России; описать методику проведения религиоведческой экспертизы; перечислить признаки сект; закрепить принципы взаимодействия и сотрудничества Церкви и государства; формы их взаимной поддержки; механизмы правового обеспечения жизнедеятельности Церкви в современном российском обществе; закрепить гарантии независимости РПЦ и ее участия в политической и правовой жизни общества.

Не менее ценен опыт институциональных практик гармонизации межконфессионального взаимодействия представителей ислама. Так, 3 марта 2016 г. в Пятигорске состоялось совещание, в котором принял участие Муфтий Ставропольского края Мухаммад Хаджи Рахимов. В совещание приняли участие все муфтии Северного Кавказа, а также республик Калмыкии и Адыгеи. Поводом для собрания послужили вопросы взаимодействия и сотрудничества органов государственной власти с мусульманскими религиозными организациями [3].

Вопросы безопасности, проблемы межэтнических, межконфессиональных отношений, на Ставрополье и в целом на Кавказе, регулярно обсуждаются на заседаниях Совета по вопросам Межэтнических отношений как при губернаторе Ставропольского края, так и на заседаниях Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при глав субъектах СКФО. Например, разработана «Комплексная программа по противодействию религиозно-политическому экстремизму в Республике Дагестан на 2012-2016 годы» и Республиканская целевая программа «О взаимодействии с религиозными организациями в Республике Дагестан и их государственной поддержке на 2012-2016 годы», в которых значительное место занимают проблемы налаживания диалога для преодоления конфликта и поиска путей национального примирения. Очевидно, что верующие сегодня являются наиболее активной и организованной силой, выступающей в поддержку многих инициатив руководства страны. Это вполне закономерно, поскольку угрозы нашему государству, исходящие как с Запада, так и с Востока, имеют сегодня ярко выраженную религиозную составляющую.

Межрелигиозное взаимодействие оказывает непосредственное воздействие на конструирование гражданской идентичности жителей Юга России. Взаимоотношения мировых религий в регионе структурируются вокруг авторитативных центров традиционных конфессий, в зависимости от чего можно прогнозировать степень их лояльности государственной власти, а также возможности реализации девиантных, революционных и антигосударственных стратегий. В тоже время роль религиозных институтов в конструировании гражданской идентичности носит в целом амбивалентный характер. Зоны напряженности в сфере межрелигиозных и межэтнических отношений в регионе во многом связаны с проблемами культур-

ной интеграции трудовых мигрантов, притом, что нельзя отрицать роль ксенофобии, которая во многом является медийным продуктом. Вместе с тем на Юге России накоплен культурный капитал межэтнического взаимодействия, с привлечением представителей традиционных конфессий, обладающих духовным авторитетом.

Литература:

1. Воденко К.В. Институциональные практики гармонизации межрелигиозного взаимодействия на Юге России и перспективы их имплементации в политику конструирования гражданской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4.// Гуманитарий Юга России. 2016. № 5. С. 72-83.
2. Официальный сайт Ростовской епархии [электронный ресурс]. Режим доступа: http://rostoveparhia.ru/eparkhija-segodnja/eparkhialnye-otdely/informacija-ob-otdelah (дата обращения: 14.08.2016).
3. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (второе полугодие 2015 года) / Под общей редакцией В.А. Тишкова, Г.С. Денисовой. Ростов-на-Дону, 2016. С. 118-122.

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК[1]

В.П. Войтенко
кандидат философских наук,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

О.Ю. Посухова
кандидат социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

Аннотация*. На основе обобщения социогуманитарных подходов к изучению общероссийской идентичности как современных научно-исследовательских практик, авторы настоящей статьи подчеркивают необходимость ее концептуализации в контексте дифференциации этнокультурного и государственно-гражданского компонентов.*
Ключевые слова*: общероссийская идентичность, научно-исследовательские практики, компоненты идентичности.*

Критический анализ современной научной литературы позволяет выделить четыре основных направления в рамках изучения общероссийской идентичности: 1) определение понятия «общероссийская идентичность»; 2) специфика общероссийской идентичности; 3) факторы (аспекты) формирования общероссийской идентичности; 4) структура общероссийской идентичности.

В современных научно-исследовательских практиках пока отсутствует концептуально-завершенное определение понятия «общероссийская идентичность». Ряд исследователей рассматривает общероссийскую идентичность как национально-государственную идентичность, при этом в отечественной гуманитаристике существует несколько теоретико-методологических подходов к определению последней. Так, первая группа ученых под национально-государственной идентичностью понимает принадлежность индивидов к национальному государству, то есть, по сути, отождествляет ее с гражданской идентичностью [1]. Другая группа ученых рассматривает национально-государственную идентичность в контексте принадлежности индивидов к российской нации (над этнической общности) как результату этнических адаптаций и пере-

[1]Работа выполнена при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

вода этнических идентичностей в социокультурную и лингвистическую плоскости [2]. Третья группа ученых предполагает, что национально-государственная идентичность представляет собой принадлежность индивидов к российской государственности как государственно-организованному обществу, а не в контексте их принадлежности к национальному государству или российской нации [3]. В этом случае национально-государственная идентичность в России является результатом соотнесения индивидов себя с образами российской государственности, соответствующими с их ментальными программами.

Некоторые ученые, изучая общероссийскую идентичность, предлагают различать государственно-гражданскую идентичность и национально-гражданскую идентичность. Если в основе государственно-гражданской идентичности лежит государственное самосознание индивидов и этатистская культура, то основу национально-гражданской идентичности составляют гражданское самосознание и гражданская культура, в рамках которой происходит отождествление индивида с гражданским обществом [4].

Существуют представления об общероссийской идентичности как о национально-цивилизационной идентичности, в основе которой лежат те или иные синкретические образы России одновременно как нации и цивилизации: образы России как восточнохристианской, православной, русской, русско-славянской, или восточнославянской, евразийской и российской цивилизации [5].

Специфика общероссийской идентичности, по мнению большинства ученых, заключается в замедленном характере формирования российской нации [6]. Современная Россия так и не стала полноценным государством-нацией: есть страна, но нет нации. Ряд ученых видит специфику общероссийской идентичности в том, что ее формирование является исключительно прерогативой политиков, а также работников средств массовой информации, культуры, образования и воспитания [7]. Некоторые отечественные исследователи полагают, что специфика общероссийской идентичности заключается в ее надэтничности [7]. При этом в российской науке существует точка зрения, что главной характеристикой общероссийской идентичности является выход на первый план общих именно исторических ценностей, а не расовых или религиозных [8]. В качестве характерных специфических черт общероссийской идентичности ряд ученых рассматривает разновозрастность этнокультурных образований, включенных в цивилизационное поле России, определяющее его выраженную традиционность, наличие базового государство образующего этноса (русского народа), являющегося доминантной развития российской цивилизации, поликонфессиональность, а также уникальное сочетание многоэтнического состава и единого государства, выступающего одним из наиболее устойчивых и значимых идентификационных оснований [9].

Значительная часть отечественных научных работ посвящена изучению факторов формирования общероссийской идентич-

ности. Большинство исследователей подчеркивает, что основным фактором формирования общероссийской идентичности стало ее промежуточное положение между западной и восточной цивилизацией [4]. В данном контексте некоторые ученые признают, что разделение российской элиты на «западников» и «славянофилов» (почвенников) также отразилось на процессе формирования общероссийской идентичности [6].

Особое место среди факторов формирования общероссийской идентичности занимает огромная территория [6], богатство природных ресурсов [6], дихотомия «центр-регионы» и слабое экономическое взаимодействие между российскими регионами при сильной централизации политической власти [10], представления о попранном достоинстве, потерях и ущербах от революций, войн, неразумной Перестройки [4], систематическая война со своим прошлым [11], глобализационные процессы [12].

Исследуя общероссийскую идентичность, отечественные ученые разрабатывают ее структуру, выделяя компоненты и уровни общероссийской идентичности. Так, изучая структуру общероссийской идентичности, исследователи свидетельствуют о наличии следующих пакетов компонентов: 1) гражданского и обыденного компонентов [13]; 2) гражданского и национального компонентов [14]; 3) национального и этнического компонентов [15]; 4) этнического, расового, культурного, политического и социального компонентов [16].

Изучению структуры общероссийской идентичности посвящено множество научных работ. Ряд исследователей в структуре общероссийской идентичности выделяют социокультурную и политическую идентичность [17]. Другие ученые считают, что структура общероссийской идентичности сводится к наличию следующих уровней: социокультурная идентичность, этнорегиональная идентичность, конфессиональная идентичность и гражданская идентичность [18]. Третья группа ученых предлагает выделять цивилизационный, этнический, религиозный, региональный, социально-групповой уровни общероссийской идентичности [19].

В современной научной литературе также встречается точка зрения, что структура общероссийской идентичности включает макроуровень, представленный национально-государственной и цивилизационной идентичностью, мезоуровень, представленный социально-групповой идентичностью, а также микроуровень, позволяющий увидеть индивида в неповторимой уникальности взаимоотношений с обществом [20].

Однако наиболее распространенный подход предполагает выделение в структуре общероссийской идентичности этнической, национальной и государственно-гражданской идентичностей. При этом этническая идентичность представляет собой осознание индивидом культуры, интересов, языка, психического склада и истории своего этноса, самоопределение в социокультурном пространстве этнической общности, а также чувство принадлежности к своему этносу. Национальная идентичность является верхним слоем совокупности этнических идентичностей,

предполагающим помимо общности культуры, религии и языка этносовеще иналичие национального самосознания, языка межнационального общения, осознание единой территории, экономики и социально-политической жизни. Государственно-гражданская идентичность основана на взаимодействии государства и его граждан, характер которого определяется государственным строем, традициями политической культуры гражданского общества, а также господствующей системой политических и нравственных ценностей.

Литература:

1. Галимова И.М. Концепт национально-государственной идентичности в академическом дискурсе // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология», 2011. Выпуск № 3 (15).
2. Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности молодежи в современной России: политико-психологический анализ: Автореф. дисс. канд. полит. наук. М., 2009.
3. Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность /Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. С. 249-255.
4. Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4-5.
5. Лубский А.В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С.30-45.
6. Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Общественные науки и современность. – 2004. – №1. – С.52-63.
7. Малинкин А. «Новая российская идентичность»: исследования по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4; Малинин Н.В. Телевидение как инструмент конструирования национальной идентичности в постсоветский период (на примере «Русского проекта» Общественного российского телевидения). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://shikardos.ru/text/televidenie-kak-instrument-konstruirovaniya-nacionalenoj-ident/.
8. Колесник М.А. Специфика общероссийской и региональной культурной идентичности студентов Сибирского федерального университета на основе результатов ассоциативного эксперимента со словом «Родина» // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14016.
9. Жаде З.А. Российская идентичность как многоуровневая структура. [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm.
10. Хахалкина Е.В. Дихотомия «центр-регионы» в контексте поисков национальной идентичности России (историографический аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2011. №344. С. 94-98.
11. Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / Под общ. ред. А.Ю. Шадже. – М.: Российской философское общество; – Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2011.

12. Федотова В.Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации / Под ред. К.Х. Делокарова. – М.: КМК, 2005. С. 150-172.
13. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже; под общ. ред. А.Ю. Шадже. – М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010.
14. Арутюнян Ю.В. Россияне: проблема формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4.
15. Михайлова Н.В. Особенности формирования государственно-гражданской и этнической идентичности россиян в постсоветской России // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 1 (91). С. 11-16.
16. Когатько Д.Г. Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен: Автореф. дисс. канд. социол. наук. – Санкт-Петербург, 2007.
17. Делокаров К.Х., Шадже А.Ю., Чефранов С.Г., Куква Е.С. Укрепление российской идентичности на Северном Кавказе в синергетической парадигме // Власть. 2013. № 2. С. 9-13.
18. Денисов Н.Г. Методологические основания укрепления российской национальной идентичности в полиэтничном макрорегионе // Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе: сб. науч. ст. по матер. II междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2009.
19. Зверева Г. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 1 (январь–март).
20. Иванова С.Ю., Шульга М.М. Гражданский портрет молодежи Южного федерального округа // Вестник Южного научного центра РАН. – 2009. – Том. 5. – № 3. – 2009.

КОНСОЛИДАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Ю.Г. Волков
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

А.В. Лубский
доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

И.П. Чернобровкин
доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

Аннотация*. В данной статье раскрываются методологические основы изучения процесса консолидации ценностной политики в южнороссийском регионе посредством расширения аналитического инструментария исследования аккомодационных стратегий и диалогового взаимодействия в полиэтничном пространстве.*
Ключевые слова*: консолидация ценностной политики, межэтническая напряженность, Юг России.*

Распространённость на Юге России межэтнической напряжённости, переходящей в насильственные конфликты, требует от государственного управления сочетания нормативно–силовых и аккомодационных стратегий. Первый тип стратегий обеспечивает национальную безопасность, противодействие коррупции и насилию в его различных формах – от социальных беспорядков до экстремизма и терроризма. Поскольку конфликты означают прерывность отношений межэтнической кооперации, требуется её восстановление и поддержание аккомодационными, не силовыми средствами. Средством гармонизации межэтнических отношений избирается ценностная политика государственного управления, предусматривающая равноправный диалог власти и общества в определении интересов сторон и проблем, требующих решения (1,с. 89)

* Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях»

Консолидация ценностной политики означает возникновение постоянства взаимозависимости и координации действий власти и общества на основе принципов и правил диалогового взаимодействия. Еще до принятия в 2012 г. проекта «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.» в российском экспертном сообществе и СМИ возникла дискуссия о гарантиях устойчивости ценностной политики, способной избежать возврата к авторитарной модели политико-коммуникативного взаимодействия власти и общества. Обнаруживаются конкурирующие минималистские и максималистские подходы и оценки. По мнению минималистов, устойчивость ценностной политики обеспечивается консолидацией политической элиты России, взаимозависимостью и координацией действий федеральных и региональных лидеров, ориентированных на нормы демократического конституционализма и диалог с обществом (2,с.225). Гносеологический источник минимализма образует традиция демократического элитизма, абсолютизирующая репрезентативный принцип конституционной демократии. В ее основу положена идея неизбежной концентрации власти в крупных политических объединениях, развиваемая М. Вебером, Р. Михельсом и другими авторами (3, р.2627). Минималистский подход содержит парадокс: если граждане находятся в неизменном подчинении у правящей элиты, как смогут они сформировать привычку к ответственному выбору и самоорганизации для равноправного диалога с властью. Для сторонников демократического элитизма единственной альтернативой массовой апатии к ценностной политике остается открытость для граждан политических институтов и достоверное информирование общества о выполнении властью принятых решений. По мнению максималистов, устойчивость ценностной политики производна от консолидации широкой гражданской общественности, ориентированной на равноправный диалог с властью в решении межэтнических проблем. В этом случае вопрос гармонизации межэтнических отношений и национальной безопасности превращается в вопрос правильных политических действий, выверенных программ и грамотных политических рецептов (4, с.15-16). Гносеологическим источником максималистского подхода остается плюралистическая традиция. Она представлена в работах Р. Даля, А. Лейпхарта, П. Бурдье, утверждающих, что политическая власть в конституционных демократиях широко рассредоточена, и принимающие решения лидеры находятся под массовым давлением (5). Максималистский подход содержит парадокс: если политическая элита не способна к единству и координации своих действий, как сможет она сформировать привычку к ценностной политике в условиях давления эдектората, конкурирующих партий и заинтересованных групп.

В анализе консолидации ценностной политики на Юге России требуется интегральный подход, учитывающий сочетание в конституционной демократии репрезентативного и партиципаторного принципов, многоуровневую консолидацию субъектов политико-коммуникативного взаимодействия, причинную и временную последовательность процессов

объединения и координации действий власти и общества. В основу данного подхода положено допущение, что конституционная демократия не является исторической неизбежностью, но представляет собой результат политического выбора и обстоятельств. Консолидированная ценностная политика обладает способностью сохраняться в кризисных условиях, интегрировать общество и поддерживать устойчивость конституционной демократии.

В сфере гармонизации межэтнических отношений на Юге России консолидационная фаза ценностной политики имеет три ступени. Первая ступень отмечена начавшейся консолидацией российской политической элиты, ориентированной на равноправный политический диалог с гражданским многонациональным сообществом. Инициатор процесса – элита федерального уровня, заинтересованная в повышении качества государственного управления, поддержанная лидерами духовенства, руководством регионов и частью лидеров ассоциаций. Об этом свидетельствует содержание и процедура принятия в 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.» (6). Поскольку главной функцией ценностной политики является интеграция российского общества, на первой ступени решающую роль играет право, создание нормативных основ политико-коммуникативного взаимодействия власти и общества для всех российских регионов.

Вторую ступень, которую предстоит пройти регионам Юга России, образует процесс консолидации региональных и местных организаций функционального представительства интересов и перестройкой каналов политической коммуникации. Консолидация субъектов ценностной политики – гражданских, этнических и религиозных объединений - начинается с принятия и осуществления региональных целевых программ гармонизации межэтнических отношений. Программы, предусматривающие мониторинг межэтнических отношений и поддержку интеграционных инициатив, не могут ограничиваться формированием гражданской идентичности, девальвирующую этноцентристскую ориентацию. Они также включают структурную интеграцию (охватывающую развитие образования и трудовую занятость этнических групп и отрицающую все виды и формы дискриминации), социальную интеграцию (развитие социальных контактов, членства в общественных объединениях) и культурную интеграцию, достигаемую межкультурным диалогом.

Завершающая третья ступень включает обучающий процесс, овладение российской гражданской общественностью институциональными практиками ценностной политики, качественным повышением демократической культуры участия. В ряду демократических способов поведения и процедур принятия политических решений ценностную политику отличают положительная установка и политическое участие граждан в диалоге, открытая дискуссия, готовность к компромиссу. Опыт зарубежных развитых стран свидетельствует, что овладение культурой участия не требует жизни одного или двух поколе-

ний, необходимой для освоения демократической культуры В России и её южных регионах она способна сформироваться даже в среднесрочной перспективе (в течение десятилетия). Скорость многоуровневой консолидации ценностной политики зависит от двух величин – от ответственности её субъектов за сохранение и преумножение институциональных практик диалогового взаимодействия власти и общества и от социального контроля радикальных антисистемных сил. Устранение прерывности консолидации ценностной политики зависит от общегосударственной способности России противодействовать политическому экстремизму и терроризму.

Литература:

1. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. - 316 с.

2. Кривец А.П. Формирование коммуникативного пространства в диалоге власти и общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. - № 7 (62). – Т. 10. – С. 225-229.

3. Akard P. Social and Political Elites // Encyclopedia of Sociology. Second Edition. V.4. Ed,by E.Borgatta and R. Montgomery. N.Y. 2000, p.p. 2622 - 2630.

4. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова, Л.Л. Хоперской, В.В. Степанова.-М.,-Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2013. -114 с.

5. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С.37-48; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект пресс, 1997. С.38; Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С.224.

6. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционные методы и инновационные подходы реализации на современном этапе// http://fond-sblizhenie.ru/strategiya-gosudarstvennoj-nacionalnoj-politiki-rf-tradicionnye-metody-i-innovacionnye (открыт 12.28.2014)

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

Н. А. Вялых
кандидат социологических наук,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

Аннотация*. Автор раскрывает теоретико-методологические особенности исследования системы государственного регулирования межэтнических отношений посредством реализации федеральных нормативно-правовых документов в сфере гармонизации национальной политики России.*
Ключевые слова*: межэтнические отношения, государственное регулирование, этнополитическая система.*

В отечественной научной периодике широко обсуждаются вопросы и проблемные зоны государственной этнополитики в различных регионах России. Статьи российских ученых посвящены преимущественно анализу содержания нормативно-правовых актов, специфике взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере гармонизации межэтнических отношений и консолидации многонационального регионального социума.

Генеральные принципы государственной регуляции межэтнических отношений в регионах определяют федеральные нормативно-правовые документы: «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года», ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 гг.)», Указ Президента РФ от 7 мая 2013 г. № 620 «Об обеспечении межнационального согласия». Также действует ряд законов, принятых еще в 90-х гг., о языках народов России, о государственной политике в отношении соотечественников за рубежом, о гражданстве и пр.

Социальные законы влияния государства на этничность анализируются академиком В. А. Тишковым, который доказывает, что этнический фактор всегда служит политическим элитам, но никак не политические элиты служат этническим общностям. По мнению ученого, дискурс о нации придает дополнительную политическую легитимность государственной власти, т. к. создает положительный образ нации как целостности, от имени которой государственная власть управляет обществом [1, с. 158].

[1] Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Федерализм как общественно-государственную и культурно-управленческую систему регулирования межэтнических отношений изучает Р. Г. Абдулатипов. Ученый на примере истории России и мирового опыта выделяет ряд спорных вопросов относительно государственного устройства многонационального российского общества и подчеркивает, что наша страна «устала от крайних социально-классовых и национально-патриотических идей, оторванных от интересов народов, достоинства и благополучия рядового гражданина» [2, с. 233].

Влияние геополитических факторов на межэтнические отношения в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) анализируется в экспертном докладе Распределительного научного центра при Институте этнологии и антропологии РАН. В докладе затрагиваются проблемы «этнического контроля» над ресурсами управления и власти, сокращение пространства русской культуры, миграционные потоки, политическое давление других государств, что в комплексе формирует предпосылки этнополитического взрыва, угрожающего не только субъектам СКФО, но и всей стране. Среди рекомендаций по упрочению стабильности межэтнических отношений указываются необходимость поддержки русского населения в республиках СКФО и обеспечения их политического участия в жизни региона, поскольку русские, по мнению экспертов, являются опорой государственности и российской идентичности на Северном Кавказе [3, с. 14]. Особое внимание в докладе уделяется оценке эффективности институтов гражданского общества (среди которых особое место занимают национально-культурные общественные организации), экспертизе всевозможных программ и постановлений, разрабатываемых на различных уровнях власти и касающихся поддержки национально-культурных автономий (к примеру, казачества).

М. А. Аствацатурова, В. А. Тишков, Л. Л. Хопёрская выделяют основные этапы формирования этнополитической системы на Юге России. Особенность их подхода к периодизации этнополитической системы на Юге России состоит в вычленении доминирующей этнополитической концепции со стороны власти (федеральной и региональной) и этнических акторов (пророссийских и сепаратистских). Сущность современного этапа, по мнению ученых, состоит в стремлении сконструировать российскую идентичность в форме российского гражданства как гаранта сохранения этноса. На уровне федеральной власти провозглашается концепция российского народа, российской нации как нации наций, на уровне власти региональной – концепция региональной консолидации, со стороны «пророссийских» этнических акторов – концепции гражданской идентичности и межкультурных интеракций, а со стороны сепаратистских этнических акторов – концепция джихада [4, с. 256].

Однако вопрос о степени государственного участия в сфере регуляции межнациональных и межэтнических отношений остается дискуссионным. По данным массового телефонного анкетирования (N= 4070 чел. в возрасте от 18 лет, проживающие более чем в 400 городах), проведенного в 2013 г. агентством социальных технологий «Политех» при содействии Института этнологии

и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга EAWARN, русские считают, что государство должно принимать самое активное участие в регулировании межнациональных отношений, в то время как титульные жители Северного Кавказа (в первую очередь, Чечни, Ингушетии и Дагестана), напротив, «негативно относятся к вмешательству государства в сферу межнациональных отношений, и в большинстве своем считают, что государство и общество должны игнорировать этничность как аспект самых различных сфер жизни социума – экономики, политики, криминала, миграции и т.д.» [5, с. 160].

Системный анализ социально-экономической и социально-политической ситуации в сфере межэтнических отношений в субъектах ЮФО проведен научным коллективом под руководством проф. Г. С. Денисовой [6]. В докладе отмечается, что достаточно высокая степень этнической и конфессиональной однородности населения региона не является гарантией отсутствия межнациональной напряженности и конфликтов. Следовательно, по мнению авторского коллектива, в ЮФО, как и в СКФО, необходима система этнополитического мониторинга, которая должна быть органически встроена в административный менеджмент межэтнических отношений в интересах деэскалации межэтнической напряженности. Институтом подобного мониторинга в ЮФО выступает Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем.

На примере Ставропольского края Д. В. Волобуева выделяет комплекс причин неэффективности административных решений в сфере межэтнических отношений: недостаточное внимание к национально-культурным потребностям и гражданским правам, недооценка конфликтогенного потенциала в молодежной среде, низкий контроль внутренней миграции. Среди рекомендаций автор указывает: «работу с общественным сознанием в молодежной среде; меры, направленные на адаптацию иноэтничных мигрантов, контроль за миграцией из соседних республик, таких как Чеченская республика, республика Ингушетия» [7, с. 29].

В заключение можно сделать вывод о том, что анализ управленческих практик в сфере межнациональных отношений в современной отечественной литературе, как правило, сводится к исследованию этносоциокультурных проблем, вставших перед страной в начале XXI в., исторических трендов развития этнокультурной ситуации и государственной этнополитики в России, нормативно-ценностных систем как возможных базовых факторов социокультурной интеграции общества, места и роли социальных взаимодействий и роли толерантности в них. Научное решение данных проблем во многом позволяет понять и описать репертуар социальных и правовых практик в сфере межнациональных отношений. Однако политика регулирования межнациональных взаимоотношений в современной России еще не стала предметом фундаментальных междисциплинарных исследований, предлагающих концептуально целостный взгляд на альтернативные модели нациестроительства в российском обществе [8].

Литература:

1. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
2. Абдулатипов Р. Г. Федералогия. СПб.: Питер, 2004.
3. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад; под общ. ред. В.А. Тишкова. М. – Ставрополь – Пятигорск: РНЦ Министерства образования и науки РФ, 2013.
4. Аствацатурова М. А., Тишков В. А., Хопёрская Л. Л. Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росин-формаагротех», 2010.
5. Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни / Под ред. М.В. Романова и В.В. Степанова. М.: Общественная палата РФ, 2013.
6. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Южного федерального округа. Экспертный доклад за первое полугодие 2014 г. / Под. ред. Г. С. Денисовой; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014.
7. Волобуева Д. В. Правовое регулирование в сфере межэтнических отношений в Ставропольском крае // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации. 2015. № 1 (16).
8. Волков Ю.Г., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых станах со сложной этнокультурной структурой Ростов н/д: Фонд науки и образования, 2015.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НА ЮГЕ РОССИИ: ОТ НАПРЯЖЕННОСТИ К СОГЛАСИЮ

С.М. Галбацев
соискатель
Южно-Российского института управления
- филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы
при Президенте Российской Федерации
г. Ростов-на-Дону

***Аннотация**. В настоящей статье исследуется проблема инкорпорации принципов устойчивого развития, рассматривающихся как основа преодоления межэтнической напряженности и формирования межкультурного согласия, в структуру межэтнических отношений на Юге России.*
***Ключевые слова**: межэтнические отношения, устойчивое развитие, согласие.*

Республика Дагестан в виду своей сложной полиэтничности и столкновению конкурирующих интересов целого ряда влиятельных групп подвержена серьезным рискам для устойчивого развития. Проблему возникновения рисков связанных с этническим фактором и межнациональным взаимодействием рассмотрим в связи с концепцией устойчивого развития.

Так, современный концепт устойчивого развития обращается к продвижению мира, равнодоступности справедливости, построению инклюзивных институтов (эффективных и ответственных) [1], мирного сосуществования, прав меньшинств.

Условием стабильность выступает равенство, равнодоступность лифтов и благ, сохранение идентичности.

Полиэтничность порождает конкуренцию, противостояние национальных клановых элит, этнополитическую напряженность, и в худшем варианте может привести к конфликту.

Так же полиэтничность здесь породила и сформировала высокую гражданскую идентичность, важную особенность дагестанцев.

Согласно опросу, проведенному в республике, «98% дагестанцев не видит себя вне России («без Росси мы ни что», «мы едины»)» [2, с. 129], «ответом, к кому себя Вы больше относите, 51% идентифицировали себя как «Россиянина», 43% как «Дагестанца», подчеркнув при этом, «проживающего в РФ», и всего лишь 5% как представителя конкретной нации» [3, с. 183].

Обще дагестанская коллективная идентичность сформировалась в городской культуре относительно недавно

Этнополитическая напряженность, внешний фактор, информационная среда актуализируют этнический фактор. Поэтому важно сохранить устойчивость межэтнических отношений, не допустить кипения, использовать опыт единения, идентификации совокупности частей как многосоставного целого.

Этноклановые отношения и межклановые противоречия выступают сложно разрешимой проблемой [4, с. 195-201]), и рассматриваются как причина нестабильности, к которой приводит политическая конкуренция этнических элит.

Другой уровень, связанный не с узкой группой лиц, а с интересами групп - конфликт интересов (земельный, территориальный, статусный и т.д.).

Наиболее острым вопросом является территория. Последствия депортация и массовых переселений на равнину, отразились на всех «выселяемых» и «переселенных». Взаимные территориальные претензии не способствуют достижению стабильности, являются болезненным и не разрешаемым вопросом для региона [5, 149-154].

Последствия депортации, земельные конфликты, разница в воспитании, культуре и менталитете, порождают споры и напряженность, недовольство коренных жителей равнины. Так и возникла латентная конфликтность, которая, при усилии лидеров этнических движений и средств массовой информации способна к разрастанию и переходу в более острую фазу конфликта.

Противоречия, связанные конфликтом интересов разрешить очень сложно, так как практически не возможно их разрешить, не ущемив интересы одной их сторон.

В республике межнациональная напряженность имеет разные уровни.

Для достижения стабильности важно учитывать этнические интересы, способствовать переводу на уровень низкой интенсивности конфликтогенных факторов, осуществлять мониторинг.

Полиэтничность, территориальные споры, противоречивость и множественность интересов, активность этнических элит, ошибки национальной политики Советского периода, неготовность к компромиссу во многом затрудняют решение проблем и являясь препятствием для перехода от конфликта к согласию.

Литература:

1. Sustainabledevelopment.Режимдоступа: https://sustainabledevelopment.un.org/
2. Сиражудинова С.В. Современные социально-политические процессы в Республике Дагестан // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. - 2015. - №1. - С. 128-133.
3. Саидов А.А. и др. Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты: Монография. Изд-во «Перо», 2014 – 196 с.
4. Сиражудинова С.В. Власть и ожидания в Республике Дагестан // Власть. - 2015. - № 2. - С. 195-201.
5. Галбацев С.М.,Сиражудинова С.В. Этнополитическая конкуренция и роль структур гражданского общества в устойчивом развитии Республики Дагестан // Власть. 2016. № 2. С. 149-154.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ[1]

С.А. Глушкова
аспирант
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
г. Ростов-на-Дону

Аннотация*. В статье раскрываются теоретико-методологические особенности изучения этнокультурного образования как фундаментального компонента регионогенеза Юга России.*
Ключевые слова*: этнокультурное образование, регионогенез, этнокультурная рефлексия.*

Словосочетанием «Юг России» достаточно широко оперировали в начале прошлого столетия, тогда как в советский период оно оказалось забытым. В 1990-е гг. термин был вновь реанимирован, первоначально в научном знании, несколько позже и в системе государственного управления, на что в немалой степени повлияло учреждение института федеральных округов. Стоит отметить, что именно на Юге «сетка» окружного деления наиболее корректно оконтурила уже реально сформировавшуюся в ходе почти пятивекового регионогенеза территориальную социально-экономико-культурную целостность, так называемый макрорегион, который стал высоко проблемным, а в связи с этим и весьма значительным в условиях современной России [1].

В связи с тем, что Юг России становится средой конфликтов идентичностей, актуальность осмысления их баланса и факторов толерантности в пределах полиэтничного региона возрастает. В современной отечественной литературе уделяется особое внимание научной проблематике, связанной с изучением этнической идентичности и также реальных практик ее конструирования на Юге России. В силу того, что ранее обзор литературы по данной теме не предпринимался, критический анализ работ, посвященных конструированию этнической идентичности на Юге России, представляет особый научный интерес, в том числе и для научно-исследовательских практик в России.

Если мы говорим об этнокультурном образовании как процессе приобщения молодежи к наследию своего народа, то оно

[1] Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности»

должно быть ориентировано, главным образом, на развитие национального самосознания и межкультурную толерантность путем освоения ценностей культур, направленных на развитие и нахождение себя в себе.

Молодежь, по причине причастности в ряды наиболее влиятельных социально-политических сил региона, претерпевает процесс осознания своей роли в обществе. Осмысливая роль, значение и положение молодого поколения в современных условиях, следует учесть, что молодежь фактически считается не только потенциалом грядущих перемен, но и фактором социальной нестабильности. По причине возможных волнений и негативных последствий, воспитание личности должно происходить в условиях этнической толерантности, компетентности и уважения других культур.

Одним из наиболее действенных механизмов гармонизации межэтнических отношений на Юге России, в частности, может служить этнокультурное образование, этнокультурное воспитание. Как полиэтническое общество, как многонациональная страна, Российская Федерация представляет собой общество социального разнообразия, где представители разных этнических сообществ стремятся сохранять, развивать и распространять среди молодого поколения свои культурные особенности посредством контакта друг с другом. Именно использование потенциалов полиэтничной среды образования, социокультурного окружения, обмен познавательными, культурными интересами является важным условием реализации этнокультурного воспитания.

В разное время к проблеме этнокультурного образования и воспитания обращались такие исследователи, как Б.Т. Лихачев, Т.А. Костюкова, Т.В. Поштарева, Г.Н. Волков, А.С. Каргин. Они рассматривали этнокультурное образование как помощь детям и студентам в овладении культурой своего народа и во взаимодействии с представителями других национальностей [2, 3, 4, 5, 6].

Теоретическую базу также составили работы, выявляющие культурологические основания образования и проблемы национальной школы (Д.М. Бурхинов, С.И. Гессен, П.Ф. Каптерев, В.И. Матис, В.К. Шаповалов и др.) [7, 8, 9, 10, 11]; этнокультурные особенности образования (Т.И. Березина, Г.Н. Волков, Т.Н. Петрова и др.) [12, 13]; проблему этнопедагогической подготовки учителя (В.В. Мирошниченко, М.А. Николаев, М.Г. Харитонов и др.) [14, 15].

Дадим определение понятию этнокультурного образования. В его трактовке будем опираться на определение, выработанное Афанасьевой А.Б. Этнокультурное образования это «длительный и целостный процесс изучения, практического (деятельностного) освоения этнокультурного наследия (ценностей традиционной этнокультуры) и воспитания личности на этнокультурных традициях, процесс становления личности в осмыслении синхронных и диахронных информационных связей, учитывающих полиэтническую горизонталь географического пространства и историко-временную вертикаль развития своего этноса и суперэтноса в структуру развития мировой культуры» [16].

В научной среде пока не сложился единый теоретико-методологический подход к формулировке целей, функций, содержания этнокультурного образования (ЭКО) русской молодежи в регионах с так называемой «этнокультурной мозаикой», которые обеспечивают многоуровневую идентификацию личности. Педагогическая наука при столкновении с противоречиями между стандартной общепринятой миссией образования и усилением процесса «этнизации» на региональном уровне, который находит свое проявление в увеличении дисциплин с ярко выраженным национально-региональным компонентом, которые отражают историю и культуру коренных народов, не готова предоставить равных условий в вопросе удовлетворения этнообразовательных интересов и запросов общества. Десоциализация личности, которая возникает при обострении противоречий, вызванных рассогласованием этнических интересов среди молодежи, выражается в нарушении баланса между осознанием своей этнической принадлежности, самодостаточности, национального достоинства и оценкой культурных традиций соседних народов.

Краевский В.В. определил содержание этнокультурного образования, в структуре которого можно выделить следующие компоненты: «этнокультурологический компонент, лингвистический компонент, полиэтнический компонент, историко-культурологический компонент, региональный компонент, этнопсихолого-педагогический компонент». Целедостижение оптимальных коэффициентов на каждом из уровней будет способствовать формированию этнокультурной компетентности личности, которая предполагает приобретение совокупности представлений, знаний о родной и чужой этнокультурах, их месте в отечественной и мировой культуре, опыте овладения этнокультурными ценностями, способности к диалогу культур, их сопоставлению, что проявляется в знаниях, умениях, навыках, моделях поведения в полиэтнической среде [17].

Тимошенко Л.Г. утверждает, что только через познание своей традиционной культуры осуществляется процесс воспитания толерантного отношения к культуре других народов, интерес к творческой деятельности и потребность в этнокультурной рефлексии [18].

Таким образом, в современных условиях глобальных перемен и также в условиях внедрения Федерального государственного образовательного стандарта должна быть обеспечена целостность российского образовательного пространства. Данный факт будет способствовать сохранению полиэтничной среды и одновременно обеспечивать равные права на получение качественного образования представителями различных этносов.

Литература:

1. Розин М.Д., Сущий С.Я. Юг России: этнодемографические и миграционные процессы (конец XX – начало XXI века). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. 338 с.
2. Лихачев Б.Т. Национальная идея и содержание гражданского воспитания // Педагогика. 2007. №9. С. 60-65

3. Костюкова Т.А. Региональный компонент содержания образования: традиции и перспективы // Региональный компонент содержания образования в сельской школе. 2000. С. 5-12
4. Поштарева Т.В. Воспитание с опорой на национальные традиции // Начальная школа плюс до и после. 2008. С. 9-11;
5. Волков Г.Н. Этнопедагогика. М.: Академия, 1999. 168 с.
6. Каргин А.С. Прагматика фольклористики: сборник статей, докладов, эссе. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. 384 с.
7. Бурхинов, Д. М. и др. Народная педагогика и современная национальная школа / Д. М. Бурхинов. — Улан-Удэ: Белиг, 1993. 134 с.
8. Гессен, С. И. Педагогические сочинения / С. И. Гессен. Саранск: Красный окт. — 2001. — 566 с.
9. Каптерев, П. Ф. История педагогики: Курс лекций / П. Ф. Каптерев. — Ижевск: Изд. Удмуртского университета, 1996. 188 с.
10. Матис, В. И. Проблема национальной школы в поликультурном обществе / В. И. Матис. Барнаул, гос. пед. ун-т. — Изд. испр. и доп. - Барнаул, 1997.-327 с.
11. Шаповалов, В. К. Этнокультурная направленность Российского образования / В. К. Шаповалов. Дис . доктора пед. наук. - Ставрополь, 1997.-311 с.
12. Березина, Т. И. Русская народная педагогическая культура в практике управления в современной школой. (На материале истории Сибири) / Т. И. Березина. Дис. .д-ра . пед. наук: 13.00.01. Новосибирск, 1998 -443 с.
13. Волков, Г. Н. Этнопедагогика / Г. Н. Волков. М.: Академия, 2000. - 176с.; Петрова, Т. Н. Отстаивание национальной идеи: история этнопеда-гогики / Т. Н. Петрова. М: Просвещение, 2000. — 201 с.
14. Мирошниченко, В. В. Профессиональная подготовка учителей начальных классов к работе в национальной школе в поликультурном регионе (на материале Республики Хакасия) / В. В. Мирошниченко. Дис . канд. пед. наук: 13.00.08. Барнаул, 2003. - 198 с.
15. Харитонов М. Г. Этнопедагогическое образование учителей национальной школы /М. Г. Харитонов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Чуваш, гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, НИИ этнопедагогики. -Чебоксары: ЧГПУ, 2004. 329 с.
16. Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование в России: теория, история, концептуальные основы: монография. – СПб.: Издательство «Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области», 2009. – 296 с.
17. Краевский В.В. Общие основы педагогики: учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.
18. Тимошенко Л.Г. Этнокультурное образование в условиях современного социума // Научно-педагогическое обозрение. 2013. № 1. С.46-51

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ГРЕКОВ НА ЮГЕ РОССИИ[1]

И.В. Губарев
аспирант
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
г. Ростов-на-Дону

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию специфики этнодемографического воспроизводства греческого народа на Юге России посредством анализа естественного и механического движения греческого населения в субъектах ЮФО и СКФО.*
Ключевые слова*: этнодемографическое воспроизводство, греки, Юг России.*

Подписание Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным 25 октября 2014 года распоряжения №336-рп «О проведении Года Российской Федерации в Греческой Республике и Года Греческой Республики в Российской Федерации» [1], а также последующая встреча Владимира Путина и премьер-министра Греческой Республики Алексисом Ципрасом в Москве в апреле 2015 года [2], имели положительное влияние на исполнение Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года (утвержд. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года №1666), одной из основных целей которой является «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России» [3]. Греки, на протяжении всей российской истории, имели не только тесные культурные связи с Россией, но и были активно вовлечены в социально-политические сферы жизни страны. Особые взаимоотношения у эллинов складывались с Югом России, где они появились еще в период античного времени [4]. Греческая диаспора России является одной из самых древних.

На данный момент, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года, на территории Российской Федерации проживает 85640 человек. Анализ результатов переписи населения РСФСР и РФ 1989, 2002 и 2010 гг. по трем субъектам (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край) – основным местам проживания греков на Юге России, а также статистические данные миграции населения между Греческой Республикой и Российской Федерацией, показали некоторые противоречия в динамике этнодемографического воспроизводства греков в регионе.

Так, для Ставропольского края характерен прирост численности греков. Так, по данным переписи населения 1989 года, на территории края проживало 28458 человек, что составляло 1,01% от общей численности

[1] Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

населения [5]. В 2002 году греческое население субъекта увеличилось на 19,75% и составило 34078, но уже в 2010 году наблюдается убыль, которая составила -1.48% (505 человек) [6]. На фоне общих демографических процессов, происходивших в Ставропольском крае за период с 1989 по 2010 гг., доля греков в этнодемографическом составе региона была 1,2% (33573 человека), а прирост составил 17,97% [7].

В Ростовской области и Краснодарском крае наблюдается совершенно противоположная этнодемографическая ситуация, с небольшим различием, в аналогичный период времени. Если в Ростовской области отмечалась непостоянная динамика воспроизводства греков, то в Краснодарском крае происходила постоянная демографическая убыль. В 1989 году на территории области проживало 2746 греков (0,06%) [8]. В начале первого десятилетия XXI века их численность увеличилась на 14,86% и составила 3154 человека. Стоит отметить, что демографический рост фиксируется и в целом по субъекту, равнявшийся 2,5% (4292291 человека – 1989 год и 4404013 человека – 2002 год) [9]. Через 8 лет демографическая картина поменялась кардинальным образом: численность греческого населения области уменьшилась на 21,15%, тем самым подтвердив отрицательную динамику демографического воспроизводства в целом по региону, которая составила -2,86% (4277976 человек) [10]. По данным последней всесоюзной переписи населения, в Краснодарском крае проживало 29898 греков (0,59%) [11]. Последующие две переписи выявили демографическую убыль греческого населения в крае (на 11,23% в 2002 г.[12] и на 14,86% в 2010 г.), которое насчитывает 22595 человек, на фоне общерегионального прироста населения за последний 21 год, составившего 3,44% [13].

Можно выделить две основные причины депопуляции греков на Юге России, которые совпадают с общими тенденциями этнодемографической убыли других европейских диаспор:

1. Миграция;
2. Ассимиляция.

Анализ данных миграции Федеральной службы государственной статистики России показал, что за период с 1997 по 2015 гг. из Российской Федерации эмигрировало в Греческую Республику 5004 человека, а вернулось на территорию РФ 6642 (+ 1638) [14]. Это подтверждается данными Греческой переписи населения 2011 года: мигранты из РФ, прибывшие за период 2006-2011 гг., составляют 1,4% (2751 человек) от всего миграционного потока [15]. Кипр, являющийся частью «Греческого мира» за 2014 год принял 600 мигрантов из России, что составило 40,5% от общего числа [16]. К сожалению, этническая принадлежность не учитывается при внешней миграции. Таким образом, можно сделать вывод о том, что превалирующим фактором демографической убыли греческого населения на Юге России (Ростовская область и Краснодарский край) является ассимиляция.

Почему же в Ставропольском крае эти факторы не работают? Сохранение этнической идентичности классической диаспоры при условии низкого уровня культурной и социальной дистанции с основной частью населения происходит преимущественно через мобилизацию по политическим и экономическим мотивам. В частности экономическими.

Литература:

1. Распоряжение Президента РФ «О проведении Года Российской Федерации в Греческой Республике и Года Греческой Республики в Российской Федерации» № 336-рп от 25 октября 2014 года // Электронный ресурс URL: http://kremlin.ru/acts/bank/38946 (дата обращения: 1.11.2016 г.)
2. Встреча Президента РФ Владимира Путина с Премьер-министром Греции Алексисом Ципрасом // Электронный ресурс URL: http://kremlin.ru/events/president/news/49217 (дата обращения: 1.11.2016 г.)
3. Указ Президента РФ «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 года №1666 // Электронный ресурс. URL: http://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 1.11.2016 г.)
4. Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 35-47;
5. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. Ставропольский край // Электронный ресурс. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=44 (дата обращения: 1.11.2016 г.);
6. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Ставропольский край // Электронный ресурс. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=39 (дата обращения: 1.11.2016 г.);
7. Всероссийская перепись населения 2010. Население по национальности и владению русским языком по субъектам российской федерации // Электронный ресурс. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 1.11.2016 г.);
8. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. Ростовская область // Электронный ресурс. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=45 (дата обращения: 1.11.2016 г.);
9. Распределение населения Ростовской области по национальности. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический сборник. – Ростов-на-Дону: Ростовстат, 2005. – 202 с.
10. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник. – Ростов-на-Дону: Ростовстат, 2012. – 79 с.
11. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Краснодарский край // Электронный ресурс. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=43 (дата обращения: 1.11.2016 г.);
12. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Краснодарский край // Электронный ресурс. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=38 (дата обращения: 1.11.2016 г.);
13. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Т.4: Национальный состав и владение языками, гражданство. – Краснодар: Краснодарстат, 2013. – 467 с.
14. Федеральная служба государственной статистики. Международная миграция (обновлено 08.07.2016) // Электронный ресурс. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 1.11.2016 г.);
15. Απογραφή Πληθυσμού-Κατοικιών 2011. Μεταναστευση // Ελληνικη Δημοκρασια Ελληνικη Στατιστικη Αρχη. Πειραιάς, 5 Σεπτεμβρίου 2014. С. 5-9;
16. Eurostat. Acquisition of citizenship statistics // Table 3: Main countries of previous EU and non-EU citizenships of persons acquiring citizenship in the EU-28 and EFTA countries, 2014 (in

absolute numbers and as a percentage of the total EU/ non-EU previous citizenships of persons acquiring citizenship)Source: Eurostat // Электронный ресурс. URL:http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Acquisition_of_citizenship_statistics (дата обращения: 1.11.2016 г.).

ЭТНИЧЕСКИЕ ИГРЫ НАРОДОВ АДЫГЕИ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ

А.М. Дауров
старший преподаватель,
ГБОУ ВО СГПИ,
г. Ставрополь

А.В. Агеев
кандидат исторических наук, доцент,
ГБОУ ВО СГПИ,
г. Ставрополь

Аннотация*. В статье раскрывается роль этнических игр народов Адыгеи в процессе консолидации поликультурного региона, анализируется влияние этноспорта в гармонизации межнациональных отношений в России.*
Ключевые слова*: этнические игры, консолидация, этноспорт.*

Наша страна представляет собой уникальнейшее явление в мире: в Российской Федерации живут представители более ста народов. Республика Адыгея является одним из многонациональных субъектов РФ. На её территории проживает более 20 нации и народностей [1, 3].

В последнее время тема этнических игр вызывает повышенный интерес в спортивном и культурном сообществах. Прошедшие с 3 по 8 сентября в Киргизии вторые всемирные игры кочевников подтвердили это утверждение. Чем вызван такой интерес к этническим играм? На чём он основан? На наш взгляд, это обусловлено оживлением процессов этнического самоопределения, ростом национального самосознания.

Культура каждого народа, независимо от продолжительности его существования на земле, численности населения, представляет собой уникальное неповторимое синкретичное целое. Она проявляется в языке, труде, традициях, обычаях, физической культуре, в том числе в этнических играх [2].

Под этническими играми в научной литературе принято понимать этноспорт. Этноспорт (народные виды спорта, национальные виды спорта, традиционные виды спорта) – это формы традиционных игр и состязаний, являющихся телесным и духовным выражением адаптации человека к природной и культурной среде, специфической телесной моторики, которая служит механизмом воспроизводства идентичности этнокультурной общности. Этноспорт – явление общее для всех народов,

представленных в нем, но не единообразное [5].

Фестивали этноспорта и сами традиционные игры можно проводить в городских парках в дни традиционных праздников. В России в последнее время проведено немало игр, среди которых татарский Сабантуй в Сургуте, мордовский Тюштян налксемат и бурятский Салган в Москве, а русский праздник Красная Горка был организован сразу в трёх городах – в Москве, в Зерновом Ростовской области и Тамбове [4, с. 470].

Народы, проживающие в Адыгее, издревле любили различные состязания и игры. Как отмечает Н.И. Понамарёв, во времена палеолита «у мальчиков и девочек преимущественно использовались охотничьи и военные игры, бег, прыжки, метание, борьба ит.д. У девочек и девушек – игры, танцы» [7].

И.И. Мансуров считает, что игры народов Адыгеи, как и всего Кавказа, начали развиваться с развитием физической культуры. Например, у адыгов (черкесов) большую любовь вызывали игра «конники», игры в мяч, игра в волчок, подбрасывание шапки, у абазин – стрельба, конные состязания. Но особо важное значение у народов имели военные игры как способ подготовиться к защите от врагов. Например у адыгов (черкесов) известна военная игра диюр [5].

Происходящие в последние десятилетия события в жизни народов Российской Федерации, особенно проживающих в Северо-Кавказском регионе, породили немало проблем, связанных с межнациональными отношениями. Мы считаем что на современном глобализационом этапе развития общества этнические игры приобретают важное значение для малых народов. Изучение и развитие этнических игр актуально для дальнейшего развития межнациональных отношений на Северном Кавказе, для выработки научных основ национальной политики. Игры народов очень схожи по своей сути и характеру. Как отмечает Е.А. Покровский, «в России существует бесконечное количество игр, из которых иные напоминают собой ещё греческие, другие сходны с современными европейскими и, наконец, многие можно назвать характерными русскими. Многие из них рассчитаны на довольно сильные физические движения, другие – на правление внешних чувств, третьи на быстроту и ловкость. Многие игры, песни своеобразные отсчитывания детей до поразительного сходства повторяются у различных народов, смотря по местности и столетиям» [8].

На сегодняшний день этнические игры народов Адыгеи, как и всего Кавказа, проходят на уровне институтов на ежегодных Кавказских играх. В программу этих игр входят: легкая атлетика, армспорт, перетягивание каната, борьба на поясах, лазание по канату, передвижение на ходулях, перенос тяжести на дистанцию, поднятие тяжести, прыжковое двоеборье, силовое троеборье, стрельба из лука, мини-футбол.

Этнические игры и состязания всегда занимали особое место в жизни народов Адыгеи. Игры для каждого народа являются важнейшей составляющей его культуры, истории и философии. Они пред-

ставляют собой универсальный способ реализации мечты каждого человека о самосовершенствовании – возможности быть смелым, быстрым, ловким, интеллектуально и духовно богатым. И в этом заключается воспитательный, познавательный, нравственный аспект этноигр. Таким образом, развитие и возрождение этнических игр и традиций позволяет сохранить богатый исторический опыт народов Адыгеи, закрепленный в традициях, обычаях, обрядах, дает возможность избежать конфликтов, обусловленных процессами глобализации, формирует у людей такие ценности, как патриотизм, толерантность, справедливость, взаимоуважение, а также укрепляет гражданскую ответственность.

Литература:

1. Адыгская (Черкесская) энциклопедия = The Circassian encyclopedia / гл. ред. М. А. Кумахов. – Москва: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. – 1247с.
2. Волков, Г.Н. Этнопедагогика: учебник для студ. Сред. И высш. Пед. Учеб.заведений / Г. Н. Волков. – м.: академия, 1999. – 168с.
3. Григорьев, В.М. Народные игры и традиции в России 2-ое издание, дополнение.: [В 2 ч.] / В. М. Григорьев. - М.: ОДИ-international, 1994. –165с.
4. Кыласов А.В. Этнокультурное многообразие спорта // наука о спорте = энциклопедия систем жизнеобеспечения / [юнеско и др.]; гл. Ред. А. Д. Жуков. – М, 2011. – С. 462–491.
5. Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (на примере Северного Кавказа) – Карачаевск: изд-во КЧГПУ ,2011. –416 с.
6. Магомедов, Р. Р. Институционализация Этноспорта в профессиональном пространстве / Р.Р. Магомедов, А.М. Дауров // Гуманитарные науки научно - практический журнал №4(32) / 2015 главный редактор А.Гузман. – г. Ялта. С. 166-188.
7. Понамарёв Н.И. Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания: автореферат дис. На соискание учёной степени доктора пед.наук/ гос. Центр. Ин-т физ. Культуры. – М., 1967.
8. Покровский, Е.А. Детские игры: Преимущественно русские / Е. А. Покровский. – М.: Изд. центр "Терра": Кн. лавка–РТР, 1997. 407с.

ЭТНИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП – ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Л. А. Делова
кандидат социологических наук,
ГБУ РА «АРИГИ имени Т. М. Керашева»
г. Майкоп

Аннотация. *В данной статье автор раскрывает конструктивный потенциал этнического стереотипа в оценке и анализе состояния межэтнических отношений, что приобретает особую значимость в условиях поликультурного пространства с высокой степенью интенсивности межэтнической коммуникации.*
Ключевые слова*: этнический стереотип, межэтнические отношения, этноцентризм.*

Этнический стереотип – устойчивый, эмоционально насыщенный, обобщённый образ этнической группы.

Этнический стереотип, будучи разновидностью социального стереотипа, обладает его общими признаками в превосходной степени: он жестко фиксирован, эмоционально насыщен, трудно поддается произвольному изменению.

Интерпретация поведения представителей собственной или иной этнической общности обусловлена комплексом экономических, идеологических и культурных факторов, определяющих характер межэтнического общения, и формулирует различную степень субъективной близости и отдаленности этнических групп друг от друга.

Этнические стереотипы складываются в исторической практике межэтнических отношений, что находит свое отражение в авто- и гетеростереотипах.

Многие работы, посвященные этническим стереотипам, находятся под влиянием теории этноцентризма, согласно которой представители иноэтнических групп воспринимаются негативно (отрицательный гетеростереотип) при положительном автостереотипе.

Это определяет понимание природы этнических стереотипов как основанных на якобы изначально присущих представителям этнических общностей чувствах превосходства, враждебности или отчужденности по отношению к представителям иных этнических общностей или групп.

Тем не менее этнические стереотипы (гетеростереотипы) далеко не всегда несут в себе негативное отношение к представителям иных этнических групп, хотя они возникают на основе субъективного восприятия представителей иноэтнических обществ. Субъективизм восприятия основан на феномене противопоставления. Его реализация осуществляется на базе психологического принципа "всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет".

Количество межэтнических контактов оказывает определенное воздействие на восприятие представителями разных этнических групп друг друга, на оценочные критерии познания представителей иных этнических групп.

Исследованиями доказано, что чем чаще контакты представителей данного этноса с другими в процессе деятельности, тем более высок уровень толерантности, тем более терпимы они к представителям других этносов.

В эмпирическом исследовании при изучении толерантности нами применялись методики выявления авто- и гетеростереотипов.

Оценивая позитивные (этноинтегрирующие) и негативные (этнодифференцирующие) компоненты авто- и гетеростереотипов, исходным были положения о том, что:

- преобладание негативных компонентов гетеростереотипа и одновременно позитивных автостереотипа - о вхождении ее носителя в свою этническую общность, об этноцентризме его носителя, об этнической интолерантности (нетерпимости);

- преобладание позитивных компонентов гетеростереотипа при одновременном сохранении положительной направленности автостереотипа - об этнической толерантности его носителя;

- преобладание позитивных элементов гетеростереотипа и одновременно - негативных элементов автостереотипа - свидетельствует о вхождении его носителя в иную этническую общность, о выходе из своей этнической среды, об отрицании ценностей своего этноса.

Для изучения авто- и гетеростереотипов применена модифицированная методика Катца и Брели, согласно которой необходимо было назвать 5-6 определений, характеризующих представителя своей и иной этнической общности. Оценивалась их позитивная и негативная направленность. Применение этих методик позволило в нашем исследовании определить этническую толерантность лиц, создавших мононациональные и межэтнические семьи[1, с. 87– 89].

Таким образом, этнические стереотипы являются и эффективными психологическими регуляторами межэтнических отношений, и одновременно отражают содержание и динамику этих отношений, выступая чутким индикатором их состояния, диагностируя возникновение напряжённости во взаимоотношениях или указывая на их стабильность и благополучие.

Литература:

1. Делова Л. А. Межэтническая семья в поликультурном социуме.– Майкоп: ООО «Полиграф-Юг», 2009.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА[1]

З.А. Жаде
доктор политических наук, профессор,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

***Аннотация**. В статье анализируются социокультурные и политические особенности влияния миграции на интеграционный потенциал современного российского общества как полиэтничного пространства в условиях нарастания глобальных вызовов.*
***Ключевые слова**: миграция, интеграционный потенциал, российское общество.*

Миграция является важной составляющей глобальных изменений в мире, роль которой в современных сложных и противоречивых процессах возрастает. В миграционные потоки включены миллионы людей разного возраста, этнокультурной и конфессиональной принадлежности. Более того, миграционные процессы приводят к непрерывному преобразованию условий межэтнического взаимодействия на уровне социально-территориальной общности и являются важными факторами национальной безопасности.

В контексте рассматриваемой проблемы, с нашей точки зрения, необходимо вести речь о том, что политические и социально-экономические процессы последнего десятилетия обусловили активизацию миграционных процессов и привели к глобальным изменениям в исторических судьбах народов. Нестабильность обстановки в ряде независимых государств, отсутствие в них гарантий безопасности, внутренние и межгосударственные конфликты, нетерпимость к инонациональному населению, межэтническая разобщенность, дискриминация по признакам национальности, вероисповедания, языка, политических убеждений и принадлежности к определенной социальной группе являются основными причинами, вызывающими приток вынужденной миграции во многих регионах России.

Не вызывает сомнений, что составной частью радикальных перемен, происходящих в Российской Федерации в последние годы, стало формирование совершенно новой миграционной ситуации. С одной стороны, миграция населения является одной из важнейших проблем современного мирового развития и ее следует рассматривать как сложный процесс, затрагивающий различные аспекты социально-

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

экономической, общественно-политической, этнонациональной, нравственно-психологической, религиозно-духовной жизни целых стран и народов. С другой стороны, миграция, включая ее законодательное регулирование, относится к разряду комплексных общенациональных проблем, требующих учета всей суммы факторов, влияющих на современную ситуацию.

Известный российский исследователь в области миграции В.А. Волох, исследуя сущность миграции, отмечает, что формирование миграционной политики включает в себя деятельность государственных и общественных организаций, связанных с разработкой политики и оптимизацией собственной миграционной политики, осуществляемую органами власти, а управление миграционными процессами, как реализация миграционной политики – деятельность государственных и общественных организаций, связанных с реализацией этой политики, и ответную реакцию мигрантов на действия властей [2, с. 161].

Следует подчеркнуть, что в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ 13 июня 2012 г., определены следующие цели государственной миграционной политики Российской Федерации:

«а) обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения Российской Федерации;

б) стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации;

в) содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей» [3, с. 5].

31 октября 2016 года на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, посвященном актуальным вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики России, было подчеркнуто, что миграционные процессы стали естественной характеристикой современного общества. Стабильно устойчивый, высокий объем миграционных потоков в России является одним из ключевых рисков роста социальной напряженности, что указывает на необходимость реализации комплексных мероприятий, направленных на повышение правовой грамотности мигрантов, формирование уважения к российской нации, ее истории и культуре. Общее количество иностранных граждан, подпадающих в России под категорию мигрантов, по некоторым оценкам, составляет около 10 миллионов человек. Это эквивалентно 7 процентам населения.

Главная особенность миграций состоит в том, что они существенно расширяют этнокультурную мозаику и, вместе с тем, обостряя противоречия между различными группами населения, вызывают социальные напряжения. Поэтому актуальной задачей государства становится поиск новых форм отношений с прибывающим, особенно иноэтничным, населением для того, чтобы адаптировать его к местным

нормам повседневного поведения и ориентировать принимающее население на толерантное взаимодействие с мигрантами.

Особую актуальность эта проблема приобретает для ряда регионов России, занимающих особое геополитическое положение, имеющих внутрирегиональные различия в типах воспроизводства, этнического состава населения и т.п. Одной из слагаемых такой ситуации является концентрация мигрантов в достаточно густонаселенных регионах с благоприятными природно-климатическими условиями, к которым относится Юг России. Динамика миграционных процессов здесь не отличается, по основным своим параметрам, от общероссийской ситуации.

Современный этносоциальный вид Юга России является во многом результатом миграционных процессов, под влиянием которых наблюдаются новые тенденции в этнической структуре населения региона. Подробно комплекс вопросов, возникающих в сфере межэтнических отношений под влиянием миграционных процессов, рассматривался нами ранее [4].

В данной статье использованы результаты экспертного опроса/интервью; опрошено 52 эксперта – специалисты по региональным конфликтам, занимающиеся межэтническими проблемами. В ходе анализа данных, полученных в результате опроса, были обобщены экспертные оценки и сделаны выводы. На наш взгляд, опрошенные дали достаточно точную диагностику основных причин межэтнической напряженности. Из предложенного списка факторов межэтнической напряженности на Юге России в постсоветский период (нужно было проранжировать степень их значимости) на первое место они поставили экономические факторы, на второе – этноконфессиональный фактор, на третье – неконтролируемые миграционные процессы.

Как показывают результаты экспертного опроса, именно с мигрантами связывается напряженность в межэтнических отношениях. Среди основных причин напряженности в отношениях между людьми разных национальностей эксперты назвали увеличение доли мигрантов в регионе. К числу наиболее заметных изменений в этносоциальной обстановке в последнее время респонденты отнесли также концентрацию людей по этническому принципу в отдельных районах.

Некоторые эксперты полагают, что миграционные процессы оказывают влияние на состояние межэтнической напряженности, в том числе и в качестве «раздражителя». Для регулирования необходим комплекс мер – правовых, экономических, образовательных, культурных и т.д.

По высказыванию одного из экспертов, миграционный фактор – основной источник межэтнической напряженности в регионах «русскоязычного пояса» Юга России. Среди основных причин следует отметить культурную дистанцию между мигрантами и принимающим старожильческим населением, их конкуренцию на региональном рынке труда, а также отсутствие государственной политики адаптации мигрантов. При этом институт диаспоры зачастую выступает эффективным инструментом, снижающим остроту противоречий между мигрантами и местным населением, но к его потенциалу власти

прибегают чаще всего в условиях уже обострившегося конфликта.

Обозначенной позиции придерживается и другой эксперт, полагающий, что воздействие миграции на состояние межэтнической напряженности в регионе негативное, поскольку на Юге России (впрочем, и почти по всей стране) преобладает этническая миграция, она часто ведет к капсулированию переселенцев, к конфликтам интересов и идентичности.

Рассматриваемую проблему можно вписать и в более широкий контекст. Эксперты говорят о вероятных последствиях миграции для этносоциальной структуры населения. По их мнению, этнополитическая ситуация может ухудшиться в связи с массовым перемещением граждан, огромными потоками беженцев и переселенцев в многонациональные регионы. Такие притоки населения повышают межгрупповую конкуренцию в распределении ресурсов и социальных благ, создают дополнительные культурно-психологические барьеры, резко меняя общественно-политическую ситуацию и провоцируя межнациональную напряженность и конфликты.

По мнению большинства экспертов, необходимо регулировать миграционные процессы, особенно внешнюю миграцию, направляя мигрантов в регионы в зависимости от готовности их принять, а также снижать коррупционную составляющую в регулировании миграционных процессов.

Главными шагами по снижению напряженности от мигрантов, по мнению экспертов, являются: работа по адаптации мигрантов в принимающее сообщество (адресная работа с каждым мигрантом при погружении (язык, культура, обычаи, традиции), контроль СМИ (препятствие этнизации бытовых проблем, преступности и т.д.), строгое соблюдение закона, который должен стать единым для всех и противодействие коррупции.

Следует отметить, что по результатам опроса подтверждена зависимость миграционного притока и межэтнической напряженности от уровня экономического развития региона и его социальной привлекательности. Чем выше уровень благосостояния в регионе и его социальная привлекательность, тем сильнее миграционный приток и выше уровень межэтнической напряженности, обусловленной перераспределением социальных ресурсов и вытекающими отсюда ухудшением этносоциального самочувствия местного населения и восприятием мигрантов в качестве угрозы своему социальному благополучию.

Таким образом, экспертное сообщество в целом, за некоторым исключением, солидарно в том, что в настоящее время миграционные процессы играют значимую роль в динамике этносоциального развития Юга России. Эта тенденция сохранится и в ближайшей перспективе. В этой ситуации пристальное внимание должно быть уделено проведению целенаправленной миграционной политики, главная задача которой состоит в том, чтобы преодолеть стихийность миграционных процессов, свойственную для 1990-2000-х годов. Другая существенная задача состоит в том, чтобы в реализации национальной политики обратить внимание не только на проблемы адаптации мигрантов в прини-

мающее сообщество, но также на положение и самочувствие коренного населения. В этой связи необходима дополнительная система мер, направленная на его адаптацию к новой этносоциальной ситуации, обусловленной притоком мигрантов.

Подводя итоги, следует отметить, что на Юге России современные миграционные процессы имеют этническую компоненту, оказывая влияние на общественную интеграцию. Особенность тенденции усиления взаимозависимости миграционных и этнических процессов проявляется, с одной стороны, в политизации миграционных, с другой стороны, в детерминированности этнических процессов миграцией. Исследование этносоциальных процессов и факторов, влияющих на их состояние и динамику, становится актуальным в условиях растущего расслоения населения и увеличения миграционных потоков. Сфера взаимосвязанных миграционных и этнических процессов, оказывающих значительное влияние на развитие страны, требует обстоятельного изучения и своевременного реагирования со стороны органов власти.

Литература:

1. Волох В.А. Новая Россия: политика и управление миграционными процессами. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2015. 192 с.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г. // Ваше право. Миграция. 2012. № 13. С. 3-6.
3. Жаде З.А., Шадже А.Ю., Ильинова Н.А. Экспертное сообщество об этносоциальных процессах и причинах межэтнической напряженности на Юге России // Теория и практика общественного развития. 2016. № 7. С. 9-15.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ[1]

Н.А. Ильинова
кандидат социологических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация*. Настоящая статья посвящена проблеме изучения влияния экономического развития Северокавказского региона и Юга России на динамику межэтнической напряженности.*
Ключевые слова*: экономическое развитие, регион, межэтническая напряженность.*

Глобализационные процессы, охватившие все стороны социальной жизни, сегодня можно охарактеризовать как сложные и противоречивые. Следствием глобализации в сфере этносоциального взаимодействия выступают такие разновекторные явления как интеграция с одной стороны, и этнокультурная фрагментация, локализация – с другой. Поэтому можно говорить как о сближении и унификации народов и этносов, так и об их относительном обособлении. Также следует отметить, что ответом на этнокультурную унификацию и ассимиляцию очень часто выступает стремление этнических сообществ к возрождению традиций, поддержанию их своеобразия. Ю.В. Арутюнян говорит об этом следующее: «Вопреки принятому у нас стереотипу, растущее сходство социальных черт наций отнюдь не приводит, как это прогнозировалось, к их "слиянию". Скорее, наоборот, такое "сходство" усиливает автономию, взаимную социальную независимость народов и стремление к свободному самовыражению» [1]. Описанные Арутюняном взаимодействия, на наш взгляд, можно охарактеризовать как предпосылки для возникновения межэтнической напряженности.

Межэтническая напряженность воспринимается как одна из характеристик современных этносоциальных процессов. Россия - это страна регионов, поэтому рассмотрение региональных этносоциальных процессов позволяет предметно исследовать напряженность межэтнического взаимодействия. Регион представляет собой определенную социальную среду, действующую в конкретных пространственно-временных границах, определяющих условия жизни и деятельности людей, его населяющих. Регион, рассматриваемый в качестве субъекта Российской Федерации, выступает не столько административным округом, сколько социально-

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

культурным компонентом российского социума. Региональная жизнедеятельность характеризуется спецификой исторических условий формирования, этническим составом жителей, бытовыми особенностями их жизни, экономической специализацией производства и т.д. Оценка межэтнической напряженности на уровне региональной общности позволяет подвести под реализацию управленческих решений по увеличению интеграционного потенциала этносов научную основу, минимизировать риски деструктивных конфликтных ситуаций. В связи с чем считаем рассмотрение межэтнической напряженности в разрезе регионального социума значимым фактором консолидации всего российского сообщества, определяющим его социально-психологический климат.

Межэтническая напряженность рассматривается с позиции разных факторов. Сегодня Юг России ассоциируется с конфликтогенностью, обусловленной этносоциальными и этноконфессиональными факторами. Этот образ выстроен в связи с тем, что рассматриваемый регион особенно разнообразен с позиций этничности и межкультурных связей. А духовная сфера в современных условиях стала одним из определяющих аспектов обеспечения национальной безопасности. Данную работу мы хотели бы посвятить рассмотрению межэтнической напряженности с позиции экономического фактора.

Сегодня в экономическом плане Юг России можно охарактеризовать как один из наиболее кризисных регионов Российской Федерации. По основным параметрам экономического развития, уровню жизни населения показатели республиканских административных округов значительно отстают от среднероссийских. Неудовлетворенные экономические притязания вызывают социальную напряженность, разновидностью которой выступает межэтническая напряженность. Поэтому можно отвести значительную роль в повышении уровня межэтнической напряженности экономическому фактору. Следует отметить, что экономические причины выступают одним из главных факторов эскалации межэтнической напряженности. В ситуации экономического благополучия, трудовой занятости населения, эффективной государственной экономической политики конфликты, как правило, не носят этнический характер. В настоящее время определяющими являются те факторы, которые начали действовать уже в последние годы 20 века. Это экономические проблемы, проблемы в межконфессиональных отношениях, внешнеполитическая ситуация. Межэтнические взаимодействия определяется уровнем экономики того или иного региона. Даже знание языка определяется уровнем экономики того или иного государства.

Важнейшим аспектом экономического кризиса с начала 90-х гг. XX века, затем кризиса 2008-2010 гг., и, наконец, нынешнего кризиса, является высокая безработица населения национальных республик Юга России. Можно предположить, что актуализация этнической идентичности - также результат действия экономического фактора, распада интернациональных трудовых коллективов.

У проблемы безработицы есть различные причины, среди которых можно выделить традиционный тип демографического воспроизводства и устойчивую профессиональную ориентацию местного населения на вторичный и третичный сектор экономической деятельности (сфера посредничества, услуг и торговли). Последняя особенность существенно сокращает возможности решения проблемы республиканской безработицы через организацию новых производств. Речь скорее должна идти о комплексе мер по оптимизации социопрофессиональных предпочтений населения. А данное направление, в свою очередь, взаимоувязано с масштабным процессом социокультурной, социопсихологической модернизации Северного Кавказа.

Экономические интересы получают определенное ценностное обрамление, основывающееся на интерпретации фундаментальных вопросов взаимоотношения человека и общества, индивида и государства, личной свободы и общественной необходимости, роли государства и границах рынка и т.п. Каждое экономическое состояние характеризуется определенным размещением ресурсов и распределением результатов экономической деятельности. Соответственно, состояние экономики можно сравнивать с точки зрения эффективности размещения ресурсов и справедливости распределения продуктов, полученных при использовании этих ресурсов. В связи с этим выдвинет гипотезу о том, что этнонационализм и этнические конфликты конструируются, а не возникают стихийно. Они – итог сознательных интересов и борьбы за ресурсы. Юг России – приграничный макрорегион, поле острой геополитической конкуренции. Но, в то же время, и ареал традиционализма, а подчас и архаизации общества. В Псковской или Костромской областях тоже живут бедно, но террористов там нет. Значит, «разруха в головах, а не в доходах». «Лидеры мнений», претендующие на роль этноэлит, могут использовать экономический фактор для упрочения своего положения, выдвигать требования от имени этнических групп и, тем самым, стимулировать этнизацию населения.

Опасность дезинтеграции национальной экономики, ослабления целостности общества и государства, нарастания региональных кризисов и межрегиональных конфликтов во многом связана с усилением региональной дифференциации. Экономический фактор, проявляющийся в дисбалансе уровней жизни в различных регионах Юга России и конкуренции на рынке труда, усиливает социальную дистанцию между этногруппами и провоцирует рост национализма. Особенности экономического положения субъектов Юга России и действия политических элит способствуют усилению этнических аспектов идентичности россиян, что создает угрозу для национальной и социальной безопасности. В то же время низкий уровень институционального доверия и современные социально-экономические проблемы приводят к тому, что жители южных регионов видят в этнической идентификации более эффективный инструмент социальной адаптации.

Неравенство, в том числе и распределения, является не абсолютным, а относи-

тельным конфликтогеном. Как объективно невозможно существование абсолютно равномерного размещения производств по территории страны и региона, так и невозможно достижение абсолютного равенства в распределении ресурсов. Поэтому в данном случае речь должна идти о межрегиональных различиях общих уровней экономического развития и уровней (качества) жизни.

Экономический фактор действует во всех видах напряженности: межличностной, межэтнической, социальной, но его значимость различна: он может играть определяющую роль, быть одной из причин напряженности, отражать реальное социально-экономическое неравенство, мнимую дискриминацию или экономические интересы узких групп, например, политических элит.

Практически любое недовольство в полиэтничных республиках Северного Кавказа может быть трансформировано в сферу межэтнических отношений, так как сфера этносоциальных процессов наиболее уязвима и чувствительна, именно в ней накапливаются противоречия, родившиеся и в экономике.

Литература:

1. Арутюнян Ю.В. (1990) Социально-культурное развитие и национальное самосознание //Социологические исследования. – 1990. - № 7. - С. 48.

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА КОНФЛИКТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ

А.Р. Каспаров
адъюнкт
университета Министерства внутренних дел РФ
г. Краснодар

Р.Ю. Сетов
соискатель кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета
г. Майкоп

***Аннотация**. В данной статье авторы выявляют характерологические особенности влияния этнической идентичности на генезис, динамику и последствия конфликтов в профессиональной среде правоохранительных органов.*
***Ключевые слова**: этническая идентичность, социальный конфликт, профессиональная группа.*

Одним из аспектов выявления конфликтологического потенциала в профессиональных сообществах полиэтничного региона являются этноидентификационные маркеры, которые в той или иной степени влияют на межличностные отношения в коллективе. В связи с этим нами была проанализирована специфика этнической идентичности и ее проявления в профессиональной деятельности сотрудников полиции.

В анкетном опросе, проведенном нами среди сотрудников подразделений органов внутренних дел Республики Адыгея, содержался ряд вопросов, касающихся этнической идентичности, влияния этнических традиций и этнической культуры в целом. Первоочередные задачи сводились к тому, чтобы, во-первых, показать особенности этностеретипов сотрудников полиции; во-вторых, выявить конфликтные зоны риска на межэтнической почве; в-третьих, определить ценностные ориентации членов коллектива; в-четвертых, показать степень открытости или локальности эмоциональных проявлений к представителям другой этнической культуры; в-пятых, проанализировать возможности внутренней политики руководства подразделений по снятию межэтнической напряженности в коллективе, если такая наблюдается.

Приведем результаты, полученные при опросе сотрудников полиции русской, адыгской и армянской национальностей, поскольку, в основном, представители этих народов попали в нашу выборку.

Численность распределилась следующим образом: из 250 опрошенных – 112 русских, 77 адыгов, 63 - представители других национальностей.

На первый вопрос «Что для Вас является Родиной?» ответы респондентов разделились. Большая часть русских и представителей других этносов выбрали вариант «Россия», при этом они также выбирали в качестве родины Адыгею. Подавляющее большинство адыгов, как и ожидалось, выбрали второй вариант. Это объясняется тем, что они живут на своей исторической родине и, таким образом, в большей степени проявляют свою этническую идентичность. Что интересно, все группы респондентов отметили и вариант третий, когда в качестве ответа выбирали и то, и другое. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что в среде сотрудников полиции республики постепенно формируется общегражданская идентичность, которая занимает важное место в многоуровневой идентичности россиян [2].

Для выяснения уровня сформированности этнической идентичности в анкету был включен вопрос «Какое значение для вас имеет принадлежность к своему этносу?». Были получены следующие ответы: 65% адыгов ответили, что этническая принадлежность имеет большое значение, при этом лишь 32% русских и 28% представителей других этносов выбрали этот вариант ответа. В то же время 57% русских и 46% представителей других этносов ответили, что этническая принадлежность является в их жизни значимой, но не определяющей. Также стоит отметить, что 6% русских и 11% представителей других этносов выбрали вариант ответа «не имеет никакого значения», среди адыгов этот показатель равен 1,4%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что этническая идентичность у адыгов, являющихся сотрудниками ОВД республики, выражена гораздо сильнее, чем у сотрудников других национальностей, что, скорее всего, обусловлена обычаями и этнокультурными традициями, в которые адыги включены с самого рождения.

О более выраженной этнической идентичности у адыгов свидетельствуют и ответы на вопрос о роли этнического фактора в жизни современного человека. Так, 63% опрошенных сотрудников-адыгов считают, что современный человек обязательно должен ощущать сопричастность к своему этносу, этот вариант ответа выбрали лишь 39% русских и 49% представителей других этносов. 54% русских, участвовавших в опросе, посчитали, что на современном этапе развития общества принадлежность к той или иной национальности не имеет значения. С этим утверждением согласились лишь 24% адыгов и 28% представителей других этносов.

На вопрос «Что является главным признаком при определении этнической принадлежности?» респонденты-русские выбрали:

1 – знание языка (86,2%),

2- знание истории своего народа (79%),

3 – традиции и обычаи (66,4%),

4 – религию (60,8%),

5 – национальные черты характера (57%).

Среди респондентов-адыгов ранжирование ответов несколько отличается и выглядит так:

1 – знание языка (84,3%),

2 – традиции и обычаи (78%),

3 – знание истории своего народа (68%),

4 – национальные черты характера (54,2%),

5 – религия (35%).

Представители других этносов представили такую иерархию ответов:

1 – знание истории своего народа (74,1%),

2 – язык (67,4%)

3 – традиции и обычаи (59%),

4 – национальные черты характера (42,5%),

5 – религия (32%).

Любопытен тот факт, что все группы респондентов поставили на третье место традиции и обычаи, хотя очевидно, что в полиэтничном регионе, каким выступает Республика Адыгея, именно по этому параметру (как и по знанию родного языка), происходит этническая дифференциация.

Сохранение и следование культурным традициям этноса – одно из основных условий, при котором функционирует этническая идентичность, что видно по данным нашего эмпирического исследования.

Также можно обратить внимание и на позицию «история своего народа». Действительно, этническая история, историческое прошлое и историческая память – это те ключевые параметры, которые в значительной степени питают этническое самосознание. Возможно, с этим и связано то, что все группы респондентов выбрали эту позицию в качестве одной из ключевых.

В анкету был вопрос о противоречиях и конфликтах в подразделениях полиции на межнациональной почве. Обращает на себя внимание тот факт, что 53% респондентов отмечают наличие противоречий и конфликтов в подразделениях на межнациональной почве: самое большое число ответов – «крайне редко» - выбрали 34% респондентов, 16% отметили, что противоречия и конфликты случаются иногда, постоянный характер подобных конфликтов отметили лишь 3% респондентов. При этом 42% респондентов посчитали, что в их коллективе никогда не происходит межнациональных конфликтов. На эти цифры, на наш взгляд, следует обратить руководителям подразделений полиции, поскольку специфика профессиональной деятельности сотрудников подразделений органов внутренних дел такова, что подобные конфликты недопустимы, поскольку негативным образом влияют на микроклимат в коллективах и, следовательно, на выполнение сотрудниками полиции своих служебных обязанностей.

Что касается конфликтов на религиозной почве, то подавляющее большинство респондентов – 83% - отметили, что таких конфликтов в их подразделении не случается никогда. Если добавить в качестве позитивного результата 8% респондентов, выбравших ответ «крайне редко», то можно сделать вывод, что, в отличие от межэтнических, этот вид конфликтов в подразделениях ОВД республики почти отсутствует. Эти данные имеют большое значение, поскольку Республика Адыгея

представляет собой, как уже было отмечено, не только полиэтничный, но и поликонфессиональный регион, а, соответственно, религиозная идентичность сотрудников полиции республики также достаточно разнородна.

Здесь стоит привести точки зрения экспертов по этому вопросу. Так, эксперты единодушны в том, что большинство конфликтов на межнациональной почве в коллективах ОВД Республики Адыгея носят латентный характер и достаточно редко перерастают в открытое конфликтное противостояние. Уровень правовой культуры сотрудников полиции достаточен для того, чтобы потенциально конфликтное противостояние снимать на начальной стадии. По мнению экспертов, тот факт, что в республике на протяжении нескольких столетий сосуществует большое количество этнических культур, выработавших устойчивый механизм этнического согласия, толерантности и диалога, в значительной мере определяют и толерантное сознание полицейских, и ценностные установки терпимости и взаимоуважения в их личной культуре.

Мнение экспертов в целом подтверждается и данными из таблицы 1, в которой, согласно методике, предложенной З.В. Сикевич [1], содержатся результаты, позволяющие определить уровень толерантности сотрудников подразделений ОВД республики. Респонденты по 14 позициям должны дать ответы по 5-ти бальной шкале (от 1 до 5 возрастает степень солидарности с высказыванием).

Таблица. Уровень толерантности сотрудников ОВД РА

Позиция	Средний показатель		
	русские	адыги	др. этносы
1. Необходимо уважать традиции не только своего народа, но и любого другого	4,9	4,7	4,7
2. Хорошие и плохие люди есть в каждом этносе	4,3	4,4	4,2
3. Предпочитаю в своем окружении представителей своего этноса	2,4	2,5	2,1
4. Лучше не допускать межнациональных браков	3,7	4,2	3,9
5. Каждый должен жить на своей родной земле	2,4	3,5	3,4
6. Не имеет значение национальность главы государства (региона)	3,4	2,7	3,0
7. Готов встать на защиту представителя любой национальности, если будут унижаться его честь и достоинство	4,5	4,7	4,5
8. Каждый человек должен обладать равными правами с другими людьми, независимо от этнической принадлежности	4,8	4,7	4,8
9. Межэтнические конфликты исчезнут в процессе ассимиляции этносов	3,2	2,1	2,3
10. Мой этнос не является агрессивным, есть этносы по своему характеру более агрессивные	3,9	4,1	3,3
11. История моего этноса содержит страницы ксенофобии и нетерпимости со стороны других национальностей и этносов	3,4	4,6	4,2
12. Необходимо следовать религиозным традициям своих предков	4,0	3,6	3,7
13. Процесс приспособления мигрантов и принимающей стороны должен быть обоюдным	3,3	3,5	3,7
14. Чем меньше мигрантов других этносов, тем спокойнее в регионе	2,3	2,5	2,5

Как видим, большинство высказываний оценены респондентами с позиций достаточно высокого уровня толерантности (1, 2, 7, 8). Однако ряд высказываний, предполагающих отрицательное восприятие толерантного человека (3, 4, 5, 9, 10,11, 14), демонстрируют тот факт, что среди респондентов-адыгов и представителей других этносов сильны позиции этнической идентичности.

Надо сказать, что ситуация среди сотрудников полиции Республики Адыгея отражает картину, сложившуюся в республике в целом. Каждый этнос, проживающий на этой территории, демонстрирует свои национальные черты, однако многовековой опыт совместного сосуществования, использование традиционных механизмов уважения и доверия, которые содержатся в каждой культуре, позволяют представителям всех наций и народностей жить в мире и согласии. Культуры этнических групп не мешают взаимодействию как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности, поскольку в целом демонстрируют взаимное уважением. При этом очевидно, что общегражданская, российская идентичность требует дальнейшего развития и укрепления, особенно, если речь идет о многонациональном, полиэтничном регионе России.

Обращаясь к мнению экспертов, стоит отметить, что они высказываются за воспитание в профессиональной среде сотрудников полиции не только толерантного, но и диалогового мышления. При этом 4 эксперта из 5 убеждены в том, что толерантность не должна идти в разрез с исполнением служебного долга и служебных обязанностей, для чего необходимо четкое знание норм закона и правовых требований и установок.

Возвращаясь к диалоговому мышлению, надо отметить, что российский опыт дает интересную историю решения проблем на основе диалога/монолога. Что касается нашего регионального опыта, то диалог, диалогическое мышление проявлялись не столько через слово, сколько через дела. Здесь считаем важным обозначить одно положение, которое помогает прояснить новые культурно-ценностные смыслы, связанные с рассматриваемой проблемой. Диалог имеет свою специфику в том или ином обществе. Поэтому диалог может быть воспринят лишь в той мере, в какой эта мера сформировалась в предшествующей культурно-исторической традиции. В связи с этим хотелось бы отметить, что социокультурная основа формирования диалога на Юге России связана с выявлением и оценкой его значимости в сознании и поведении индивида. Здесь диалог способен варьировать ситуацию в целом.

Вспомним, что «в процессе совместного проживания народов и их взаимного сотрудничества в регионе исторически выработаны диалогические институты, являющиеся социокультурными ценностями. Это – ментальная совместимость различных человеческих сообществ, мирное сосуществование этносов и конфессий, осознание того, что разнообразие – это реальность современной жизни, умение понимать, доверять и помогать друг другу, ценить общение и сотрудничество. Все это и определило ценность диалога в обществе. И, пожалуй, такое понимание диалога стало смыслом существования людей» [5].

Диалог находит разные формы своего существования у разных северокавказских этносов, владеющих умением слушать и слышать и, советуясь со старшими, находить компромиссные решения. Важно отметить, что здесь исторически формировались этнокультурные ценности, позволившие понимание диалога как средство нахождения согласия, снятия напряженности и мирного разрешения конфликтов. Сегодня мы редко вспоминаем тот факт, что даже во время Великой Отечественной войны функционировал комитет стариков Северного Кавказа, который обсуждал текущие дела и разрешал некоторые спорные вопросы с помощью диалога. Это была региональная форма проявления диалога.

Понятно, что обращение к этнографическим сюжетам покажется архаичной с сегодняшней точки зрения, поскольку мы живем в другой реальности. «Современность диктует новые формы диалога, наряду с которыми важно использовать культурно-ценностное содержание этнокультурных традиций и социокультурных практик. Для этого необходимы анализ диалога в контексте методологии современной науки и выявление его эвристического потенциала с преломлением в политическую плоскость» [4]. Отсутствие такой работы создает напряженность на разных уровнях. Конфликтные ситуации, напряженность, вытекающие из политических условий и создаваемые некоторыми политиками, идеи ряда политических (и общественных) организаций настраивают один народ против другого. Такие ситуации активизируются и в связи с имеющимися проблемами и противоречиями в России и российских регионах.

Роль диалога возрастает в полиэтноконфессиональном регионе. Именно здесь явно проявляется ценность диалога: он уменьшает негативные тенденции благодаря тому, что диалогическое взаимодействие, выступая как средство, нацелено на сосуществование с другим, на взаимодействие с ним, регулирование межэтнической и межконфессиональной напряженности. Известно, что национальная политика государства должна быть построена на диалоге и представлять собой постоянный диалог с его народами, нацеленный на согласование их интересов. Нет диалога – нет национальной политики. Между тем отсутствие готовности вести подлинный диалог приводит к межэтнической и межконфессиональной напряженности.

Осмысливая понятие «межкультурный диалог» и его интерпретации, О.Н. Астафьева отмечает, что «требуется теоретическое обоснование новых форм межкультурного диалога для выстраивания на этих основаниях инновационной концепции культурной политики в России. Проблема межкультурного диалога на уровне повседневности не может быть решена без общественного поощрения социокультурных практик, основанных на идеях лояльности, толерантности и открытости» [3].

Ныне в рассматриваемом регионе, как и в России, множество проблем. Региональные проблемы усугубляются новыми проблемами, вызванными современной глобализацией, социокультурными рисками. И социально-экономических трудностей

немало. Однако не следует их использовать для дихотомического противостояния «мы – они». Куда сложнее и важнее проявление корректности, мудрости, толерантности и способствование взаимопониманию на основе диалога.

Почему мы сочли возможным включить в данный параграф рассуждения о диалоге и диалоговом мышлении? Думается, что речь о диалоге должна возникать всегда, когда идет речь о напряженности или конфликте как на уровне всего общества, так и на уровне социальной группы.

На наш взгляд, низкая конфликтность на межэтнической почве в полиции Республики Адыгея во многом связана с общекультурными установками толерантности, межнационального согласия и общественной стабильности населения республики, с государственной политикой, которая ведется органами государственной власти и общественными институтами по развитию и укреплению российской идентичности в этом регионе.

Таким образом, органы внутренних дел конкретного региона следует рассматривать в качестве социального института, обладающего региональной спецификой, которая, в свою очередь, обусловлена социокультурными характеристиками и этносоциальными особенностями региона, отражающимися как в повседневной профессиональной деятельности полицейских с населением, так и во взаимоотношениях между собой, внутри коллектива.

Литература:

1. Сикевич З.В. Социологическое исследование. Практическое руководство. – С.-Пб.: изд-во Питер, 2005.- 320 с.
2. Жаде З.А., Куква Е.С., Ляушева С.А., Шадже А.Ю. Многоуровневая идентичность. - М.: Российское философское общество. - Майкоп: ООО «Качество», 2006. – 245 с.
3. Астафьева О.Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: материалы междунар. конф. Москва, РАГС, 13–16 сентября 2007 г. М., 2008. С. 63, 123.
4. Ляушева С.А., Шадже А.Ю. Диалог: методология формирования межэтнического согласия в регионе // Социально-гуманитарные знания. 2015, № 9. С. 154.
5. Шадже А.Ю. Эвристический потенциал диалога // Вестник Адыгейского государственного университета. Регионоведение. 2008. № 2.

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

И.А. Каратабан
кандидат социологических наук,
Майкопский государственный
технологический университет
г. Майкоп

***Аннотация**. В данной статье отмечаются социально-политические факторы, оказывающие воздействие на формирование и распространение идеологии экстремизма в полиэтничной молодежной среде.*
***Ключевые слова**: экстремизм, молодежь, социальные практики.*

Экстремизм характеризуется обычно как приверженность различных субъектов общественных отношений к крайним с точки зрения общества взглядам и мерам для достижения определенных целей.

В условиях, когда приверженность таких субъектов к крайним взглядам и мерам имеет достаточно широкое распространение, она сопровождается формированием соответствующих идеологий, доктрин, учений, а также общественных практик. В определенных обстоятельствах – созданием тех или иных организационных структур для претворения в жизнь соответствующих идеологических установок и практических намерений. Экстремизм может характеризоваться как относительно устойчивый социальный феномен, как распространенное общественно опасное социальное явление.

В современных условиях экстремистский характер тех или иных идеологий и практической деятельности различных субъектов экстремизма принято идентифицировать с применением нелегитимного насилия и других крайних мер, а также с соответствующей организационной и агитационно-пропагандистской деятельности [1].

В зависимости от идеологической направленности экстремистских организационных структур и практической деятельности экстремистского характера в общей системе экстремизма выделяют такие достаточно устойчивые, долговременные разновидности (направления), как политический, этнонациональный, религиозный, в молодежной среде и другие виды. Указанные разновидности экстремизма взаимосвязаны друг с другом и нередко трансформируются один в другой.

Как социальное явление экстремизм обусловливается различными социальными противоречиями, не получившими своевременного разрешения и приобретшими острую конфликтную форму.

Наряду с различными социальными факторами, имеющими объективный и субъек-

тивный характер и порождающими экстремизм, важную роль в его распространении играют те социальные условия, которые благоприятствуют, способствуют формированию экстремистских взглядов и идеологии, созданию экстремистских организаций, осуществлению экстремистских действий. Это, например, распространение в обществе правового нигилизма, недостаточная эффективность правоохранительных органов, значительный уровень социальной напряженности и др.

Основными чертами экстремизма, в которых выражается его социальная сущность, являются: социально-политическая направленность идеологии и практики данного социального явления; использование нелегитимного насилия как основного метода достижения целей субъектов данного явления; агрессивность идейно-политических установок и практических действий последних; повышенная общественная опасность.

Политическая направленность экстремизма в молодежной среде выражается, прежде всего, в основных целях и объектах экстремизма, что предполагает ведение борьбы его субъектами за власть – за ее завоевание или сохранение, за изменение социально-политического устройства общества или политики государства, за устранение или ослабление их политических противников и т.д.

Применение нелегитимного насилия как сущностная черта экстремизма в молодежной среде обусловливает деструктивный характер данного явления, его повышенную опасность, несовместимость с морально-нравственными и правовыми основами современного демократического общества.

Агрессивность экстремизма в молодежной среде выражается в бескомпромиссности деятельности его субъектов, порождается нетерпимостью, а нередко и фанатизмом последних, неадекватной оценкой ими собственных и противника потребностей и интересов. Она обусловливает пренебрежение к интересам и правам противостоящей стороны, полное отсутствие или крайне малый диапазон готовности идти на поиск путей разрешения противоречий на основе компромиссов и соглашений [1].

Повышенная общественная опасность экстремизма в молодежной среде, обусловливаемая, прежде всего, присущим ему нелегитимным насильственным характером разрешения социальных противоречий и конфликтов, выражается в многочисленности и чрезвычайной остроте угроз рассматриваемого явления для жизненно важных интересов личности, общества и государства, для их безопасности.

Таким образом, экстремизм в молодежной среде можно рассматривать как неадекватный способ разрешения социально-политических противоречий некоторой части молодежи в области классовых, межэтнических, религиозных и иных социальных отношений соответствующими субъектами последних.

При этом в силу своего преимущественно насильственного характера, экстремизм в молодежной среде представляет серьезную угрозу для государственной безопасности – важнейшего элемента национальной безопасности [1].

Экстремизм в молодежной среде как негативное социально-политическое явление характеризуется сложной структурой. Ее основными составляющими, при относительно высоком уровне развития данного явления, выступают идеологический, деятельностный и организационный аспекты.

Идеологический аспект экстремизма в молодежной среде выражается в тех или иных теориях, концепциях (и т.п.) экстремистской направленности (прокоммунистического, неонацистского, анархистского характера и др.), предназначенных для идейно-политического объединения экстремистски настроенных лиц, обоснования выдвигаемых ими целей борьбы и необходимости использования для их достижения противоправных форм и методов деятельности, а также приобретения единомышленников и завоевания поддержки общества.

Организационный аспект экстремизма в молодежной среде служит для организационно-политического объединения тех или иных сил определенной экстремистской ориентации, предполагает выработку стратегических и тактических основ их деятельности, управление ими, финансовое и материально-техническое обеспечение экстремистской деятельности и т.п.

Деятельностный аспект экстремизма в молодежной среде, или его практика, выражается в непосредственном экстремистском воздействии на противников экстремистов – объектов рассматриваемого явления в различных формах нелегитимного насилия и других крайних мер и т.д. Он носит целенаправленный характер и выражается в широком комплексе экстремистских акций [2].

Взаимодействие упомянутых выше структурных элементов экстремизма в молодежной среде призвано обеспечить реализацию целей и задач его субъектов.

В настоящее время достаточно четко проявляются такие сформировавшиеся виды угроз экстремизма в молодежной среде, как негативные социально-политические процессы экстремистской направленности, целенаправленная деятельность тех или иных экстремистских структур, а также конкретные общественно опасные действия исполнителей конкретных экстремистских акций.

Формулируя подходы к исследованию проблемы экстремизма в молодежной среде, следует учитывать, во-первых, социальный контекст, т.е. роль среды, социальных условий, определяющих формы экстремистского поведения. Во-вторых, следует исходить из специфики формирования и развития личности молодого человека. Именно во взаимосвязи внешних и внутренних факторов, их отражения на каждом из этапов развития личности (социализации), подчиненных жесткой закономерности, проявляется стремление к радикализму. При этом следует обратить внимание, как на общие, так и на специфические условия развития личности молодого человека в современных условиях.

Наиболее важной особенностью, отражающей специфику условий формирования молодого поколения новой России, является в основном негативный социально-экономический фон.

С точки зрения причин возникновения экстремистских проявлений в молодежной среде, можно выделить следующие особо значимые факторы:

1. Обострение социальной напряженности в молодежной среде (характеризуется комплексом социальных проблем, включающем в себя проблемы уровня и качества образования, «выживания» на рынке труда, социального неравенства, снижения авторитета правоохранительных органов и т.д.).

2. Криминализация ряда сфер общественной жизни (в молодежной среде это выражается в широком вовлечении молодых людей в криминальные сферы бизнеса и т.п.).

3. Изменение ценностных ориентаций (значительную опасность представляют зарубежные и религиозные организации и секты, насаждающие религиозный фанатизм и экстремизм, отрицание норм и конституционных обязанностей, а также чуждые российскому обществу ценности).

4. Проявление т.н. «исламского фактора» (пропаганда среди молодых мусульман России идей религиозного экстремизма, организация выезда молодых мусульман на обучение в страны исламского мира, где осуществляется вербовочная работа со стороны представителей международных экстремистских и террористических организаций).

5. Рост национализма и сепаратизма (активная деятельность молодежных националистических группировок и движений, которые используются отдельными общественно-политическими силами для реализации своих целей).

6. Наличие незаконного оборота средств совершения экстремистских акций (некоторые молодежные экстремистские организации в противоправных целях занимаются изготовлением и хранением взрывных устройств, обучают обращению с огнестрельным и холодным оружием и т.п.).

7. Использование в деструктивных целях психологического фактора (агрессия, свойственная молодежной психологии, активно используются опытными лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности).

8. Использование сети Интернет в противоправных целях (обеспечивает радикальным общественным организациям доступ к широкой аудитории и пропаганде своей деятельности: размещения подробной информации о своих целях и задачах, времени и месте встреч, планируемых акциях и т.д.).

Масштабность, острота и многообразие экстремистских проявлений и сложность порождающих их факторов повышают общественную опасность экстремизма, его дестабилизирующее влияние на социально-экономическую и общественно-политическую обстановку в стране.

Литература:

1. Авдеев Ю.И. Политический экстремизм в современной России // Реформирование России: от мифов к реальности. Монография / под редакцией Г.В. Осипова, В.К. Левашова. Изд. ИСПИ РАН 2001 г., том 1, стр. 343.

2. Кравченко А.И. Социология общественного мнения: учебное пособие / И.А Кравченко. - М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. - 640 с.: Режим доступа: http://znanium.com/

СОЦИЕТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ РОССИИ: ПРАВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Л.В. Клименко
кандидат социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

***Аннотация**. В настоящей статье осуществляется социетальная интерпретация этносоциальных процессов на Юге России посредством эмпирического анализа правокультурных специфики регионального развития.*
***Ключевые слова**: этносоциальные процессы, социетальное измерение, правокультурный аспект.*

В российском социуме за относительно небольшой временной период произошли серьезные социальные трансформации, сопровождающиеся глубокими изменениями основы социетального воспроизводства. На этом фоне регионализация социально-политического пространства постсоветской России обострила проблему интеграции многосоставных регионов в общее социально-экономические и политическое пространство российского общества. Юг России в последние десятилетия является наиболее сложным по этническому составу и социально-конфликтным макрорегионом нашей страны. Здесь происходят изменения этнического и социально-демографического состава населения, наблюдаются значительные отличия уровня экономического развития различных субрегионов, когда в северокавказских республиках сворачивается индустриальный и архаизируется аграрный секторы экономики, нарастает теневизация социально-экономических практик, происходит обособление этнокультурной жизни населения республик. Все это делает чрезвычайно актуальным изучение современного содержания и вектора динамики социетальной сферы Юга России, в которой сконцентрированы основания и проявления интегративных процессов в макрорегионе.

Результаты этносоциальных и этнополитических исследований на Юге России с 90-х гг. прошлого века фиксируют процессы институционализации этничности, углубления этносоциальной дифференциации, увеличения миграционной подвижности населения, расширения сепаратистских настроений в северокавказских республиках, архаизацию социальной жизни. Можно утверждать, что данные процессы вызывают изменения социетальной сферы макрорегиона, ценности и нормы которой обеспечивают интеграцию и целостность Юга России.

Формирование и воспроизводство интеграции в обществе реализуется посредством социализирующих и регулирующих функций базовых социальных институтов (семья, право, государство, образование, религия, экономика). Системные рыночные реформы сопровождались трансформацией институциональной структуры, составляющей основу социетального воспроизводства, что вызвало противоречия в содержании консолидирующих ценностей населения макрорегиона. На Юге России фиксируется расхождение между традиционными ценностями этнических культур народов Северного Кавказа, социоцентрическими ценностями советского периода и современными индивидуалистическими ориентациями рыночного общества. При этом подобные противоречия наблюдаются как внутри этнических сообществ и локульных культур, так и на уровне территориальных сегментов макрорегиона.

Исходя из данных условий, а также в силу особого геополитического положения (пограничное положение с Грузией, Азербайджаном, Абхазией, Украиной и Казахстаном) Юг России по-прежнему остается одним из наиболее конфликтоопасных территорий России. К концу первого десятилетия XXI века произошло обновление угроз и рисков региональной стабильности. При этом сохраняют свое влияние «старые», действовавшие, как минимум, на протяжении всего постсоветского периода, угрозы и риски, а также формируются новые. Эти обстоятельства актуализируют задачу оптимизации политики, направленной на стабилизации этнокультурного и социального пространства южно-российского макрорегиона, что требует значительных усилий от органов власти всех уровней, научно-экспертного сообщества, политических и общественных деятелей. Важным ресурсом при этом выступает уже сложившийся уровень социокультурной интеграции Юга России и отслеживание тенденций его динамики.

Анализ социетального содержания правовой сферы осуществлялся с опорой на результаты ряда прикладных социологических исследований: 1) «Формирование правового сознания учащихся Северного Кавказа: факторы формирования и ценностные ориентиры». 2001 г. Социологический опрос среди титульного населения Кабардино-Балкарской республики (балкарцы, N=188 чел.), Республики Адыгея (адыгейцы, N=138 чел.), Республики Северной Осетии-Алании (осетины, N=172 чел.). 2) «Правовая культура населения Юга России». 2010-2011 гг. Социологический опрос в Ростовской области (N=374 чел.), Республике Адыгея (N=210 чел.), Республике Ингушетия (N=254 чел.).

Общий вектор реформ российского общества предполагает распространение либеральных гражданско-правовых ценностей и правовой культуры активистского типа, Проведенные эмпирические замеры в 2001 г. и в 2011 г. фиксируют несовпадение, образовавшееся между ценностями и правовыми формами организации современного государства, с одной стороны, и знанием и понимание этих ценностей и правовых норм – с другой. Выявляется низкий уровень конкретных правовых

знаний (о признаках правового государства, принципах федеративного устройства, допустимом сроке задержания без предъявления обвинений, об ответственности за отказ от дачи свидетельских показаний и пр.) во всех рассматриваемых этнотерриториальных группах в разное время проведения опросов.

Знаниевые маркеры гражданско-активистского типа правовой культуры не проявляются как доминирующие в ответах опрошенных жителей разных по типу территориальных сегментов Юга России ни в начале 2000-х годов, ни десятилетие спустя. На этом фоне хронологически более раннее исследование в северокавказских республиках, относящихся по критерию модернизированности к «переходному» типу, фиксировало меньшую выраженность в правовых представлениях населения охранительных коннотаций, указаний на иерархичность отношений, властную вертикаль и зависимость органов самоуправления (табл. 1).

Абсолютная значимость гражданских прав не является ценностной максимой для большинства опрошенных жителей макрорегиона на разных этапах исследования. Общим местом в правовом поведении различных этнотерриториальных групп является слабая выраженность гражданско-правовой мотивации правового поведения, когда в сознании респондентов с начала 2000-х годов до настоящего времени сохраняется устойчивая связь закона как поведенческой нормы с традицией и наказанием (табл. 1).

Таблица 1. Правовые маркеры динамики социетальной сферы полиэтничного Юга России

<table>
<tr><th>Индикаторы</th><th>Ростов. обл.</th><th>Адыгея</th><th>Ингушетия</th></tr>
<tr><td rowspan="2">уровень знания и понимания правовых ценностей и норм</td><td colspan="3">фрагментарность правовых представлений, невысокий уровень конкретных правовых знаний</td></tr>
<tr><td>гражданственные и этатистские ориентации</td><td colspan="2">установка на охранительную функцию правой системы и иерархичность взаимодействия с госуд. властью</td></tr>
<tr><td rowspan="2">степень выраженности обычно-правовых или гражданско-правовых ценностей</td><td colspan="3">готовность к ограничению прав человека со стороны государства с целью достижения безопасности и порядка</td></tr>
<tr><td colspan="2">значимость гражданско-правовых ценностей, но не абсолютная</td><td>декларативность конституционных ценностей и приоритет традиционного права</td></tr>
<tr><td rowspan="3">характер проективных поведенческих установок</td><td colspan="3">слабая гражданская мотивация правового поведения</td></tr>
<tr><td colspan="2">продвижение к гражданскому типу правовой активности</td><td rowspan="2">актуализация этнических традиций в правовом поведении в ущерб следованию законодательным установлениям</td></tr>
<tr><td>более высок уровень внеинсти-туционального индивидуализма правовых установок</td><td>рост гражданственных поведенческих установок</td></tr>
</table>

Окончание таблицы 1.

Индикаторы	Ростов. обл.	Адыгея	Ингушетия
воспроизводство правой культуры	приоритет институтов современного общества	ориентация на модернистские институты и уменьшение этнич. традиций	приоритет этнических правокультурных традиций
характер принятия правовых ценностей	консенсусный тип принятия правовых ценностей		вынужденный тип принятия правовых ценностей
степень синхронности трансформации компонентов правовой культуры	тенденция трансформации ценностного и поведенческого компонентов правовой культуры в сторону усиления гражданственной составляющей при запаздывании когнитивной сферы		архаизация правовой культуры, когда система обычного права выступает в качестве этнического маркера

Анализ поведенческих установок в области права (источники реальных политико-правовых практик, степень совпадения законов и этнических традиций, мотивация правового поведения, уровень доверия к правовым институтам) в комплексе показывают тяготение современных жителей Ростовской области и Адыгеи к гражданскому типу правовой активности. Причем за анализируемый период в поведенческих установках адыгейского населения заметно усиливаются ориентации на общероссийские законодательные установления. В то же время институционализация этничности, восстановление в скрытой (а в некоторых случаях и открытой) форме норм адатно-шариатного судопроизводства оказали влияние на жителей Ингушетии, в правовом поведении которых чаще всего актуализируются этнические традиции (табл. 1).

Таким образом, повторно-сравнительные социологические исследования позволяют зафиксировать асинхронность трансформации правового измерения социетальной сферы Юга России по основаниям содержания и степени совпадения правокультурных ценностей, знаний и поведенческих установок, что проявляется в более выраженном продвижении территорий с преимущественно русским населением в сторону гражданско-активистского типа правовой культуры и воспроизводстве обычно-правовых норм в республиканском сегменте, но с разными векторами: традиционализации – в Ингушетии и модернизации – в Адыгее.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ

В.П. Ливанова
студент 4 курса направления «Социология»,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

***Аннотация**. Данная статья посвящена социально-экономическому анализу перспективы развития туристической отрасли Республике Адыгея посредством дальнейшего распространения смешанного туризма и модернизации туристско-рекреационного комплекса в Майкопском районе.*
***Ключевые слова**: туризм, туристский потенциал, смешанный туризм.*

На сегодняшний день внутренний туризм России стремительно набирает популярность. Это связано с различными социально-экономическими и социально-политическими факторами, которые в современных условиях очень часто изменяют свой вектор. Но, также, существует и неизменный факт – территория России охватывает различные природно-климатические зоны и включает в себя различные регионы, создавая огромный потенциал для развития туристской области. И одними из наиболее популярных туристских регионов являются Юг России и Северный Кавказ.

В данной работе рассматривается туризм Республики Адыгеи, имеющий определенные особенности развития и тенденции. Данная проблема актуальна по причине того, что Республика Адыгея имеет высокий туристский потенциал, территориальную близость к Краснодарскому краю, Ростовской области и регионам Северного Кавказа, а также резкое увеличение спроса на внутренний туризм.

Рассуждая об особенностях развития туристской сферы в Республике Адыгея, были выделены следующие позиции:

1. Республика Адыгея считается регионом смешанного туризма, что значит, в свою очередь, наличие различных видов туристского отдыха: лечебный (оздоровительный), экскурсионный, спортивный, экстремальный и т.д. Это обуславливает большой поток туристов, так как охватывает различные интересы и потребности активно путешествующих групп.
2. Республика Адыгея территориально близко расположена по отношению к Краснодарскому краю и Ростовской области – крупным и экономически развитым регионам, наиболее расположенным к туристской активности в Адыгее. Так, например, за 2012 год в Республику Адыгея прибыло более 287 тысяч человек. Две трети путешественников — жители Краснодарского и Ставропольского края, Ростовской области [1]. На сегодняшний день данным регионам наиболее удобен и доступен «тур выходного дня» в Адыгею

по предложению какой-либо туристической фирмы или же самостоятельно, на личном автомобиле. Поэтому целесообразно поддерживать и улучшать транспортное соединение с данными субъектами, путем строительства качественных автомобильных трасс, введением экспресс-рейсов автобусов и маршрутных такси, а также прямого железнодорожного соединения.

3. Туризм в Адыгее также условно может быть разделен на зону спортивного туризма, зону с развитой туристской инфраструктурой и зону культурно-этнического туризма. Подчеркнем, что деление является условным, так как некоторая горная часть Республики формально относится к Краснодарскому краю.

В зону спортивного туризма включена туристская активность в ее традиционном понимании – поход в горы на несколько дней. Популярность данного экстремального и спортивного вида отдыха будет стремительно расти в связи с популяризацией такого вида туризма как экологический (подразумевает посещение тех мест отдыха и зон, которые «нетронуты человеком»). Так, Республика Адыгея и Краснодарский край имеют высокий потенциал для развития именного этого аспекта туристской активности: г. Фишт, г. Оштен, г. Большой Тхач, г.Чугуш и т.д.

В зону с уже развитой инфраструктурой включены такие туристские объекты как водопады Руфабго, Хаджохская теснина, Казачий камень, скалу Монах, ущелье Мишоко и т.д.

Возможность функционирования культурно-этнического туризма на территории Республики Адыгея также является одной из особенностей туристической сферы региона. Под культурно-этническим туризмом понимается разновидность отдыха, при котором осуществляется знакомство с обычаями, традициями, архитектурой, и культуры исторически проживающего этноса в регионе. Как известно, Адыгея славится своей богатой историей и особой национальной культурой, традициями. На территории имеются музеи и другие культурные учреждения, отражающие особенности национальной культуры и региона (Национальный музей Республики Адыгея, Краеведческий музей Майкопского района имени супругов Жерноклевых и т.д.).

Также, одной из особенностей и основ развития туризма в Адыгее, по мнению И.В. Бормотова, является необходимость применения рекреационного районирования. Под данным термином понимается членение территории по принципу однородности признаков, характеру рекреационного использования. Автор считает необходимым применение рекреационного районирования для перспективного планирования развития сельского хозяйства, гидромелиорации, горнодобывающей и лесной промышленности, развития туризма [2].

Подводя итог данной работе, можно говорить о том, что туризм на территории Республики Адыгея имеет ряд особенностей, связанных различными факторами. Факт того, что туристская деятельность Адыгеи относится к смешанному виду туризма, позволяет выделить такую особенность позитивного характера, как широкое предложение видов отдыха: лечеб-

ный, познавательный, спортивно-экстремальный, этнический туризм и другие. Это является дополнительным фактором привлечения туристского спроса, так как может удовлетворить туристские потребности различных слоев населения. Также, одной из особенностей является то, что Республика Адыгея имеет особое территориальное расположение: Республика территориально близко расположена по отношению к таким регионам как Краснодарский край, Ростовская область, Ставропольский край. По этой причине необходимо дальнейшее развитие трансфера между данными регионами, улучшать состояние туристских объектов и инфраструктуру. Также, можно говорить о богатых природных и культурно-исторических ресурсах изучаемого региона, которые привлекают туристские потоки, что, в свою очередь, позволяет условно разделить туризм Республики Адыгея на несколько подвидов, зон: зона спортивного туризма, зона с развитой туристской инфраструктурой и зона культурно-этнического туризма. Указанными особенностями данная сфера не ограничивается, рассматриваемая проблема требует более детального изучения. Выявление особенностей в данном вопросе позволит учесть круг преимуществ и проблем, что будет способствовать развитию туристской сферы Адыгеи и ее экономической ситуации в целом.

Литература:

1. Адыгея привлекает любителей активного отдыха в горах//12 апреля 2013 – Travel.ru[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.travel.ru/news/2013/04/12/215851.html (дата обращения 07.11.2016)
2. Бормотов И.В. Рекреационное районирование как основа для развития туризма Адыгеи//Новые технологии – 2006 - №2 - Научная библиотека КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rekreatsionnoe-rayonirovanie-kak-osnova-dlya-razvitiya-turizma-adygei (дата обращения 07.11.2016)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ : РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Е.А. Лобовикова
кандидат социологических наук, доцент,
Луганская государственная академия
культуры и искусства
имени М. Матусовского
г. Луганск

***Аннотация**. В представленной статье на примере ЛНР и ДНР рассматриваются региональные особенности выстраивания диалога культур в условиях обострения межэтнических отношений и поиска парадигмы гармонизации межнационального взаимодействия.*
***Ключевые слова**: диалог культур, межэтнические отношения, аккультурация.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в мультикультуральной среде современности возникает реальная угроза - проявлений не толерантности, неприятия и неуважения отдельными людьми или этническими сообществами людей других национальностей, другого вероисповедания (о чем явно свидетельствуют отдельные трагические события на Ближнем Востоке, на Донбассе и др.). Вышеизложенное позволяет предположить, что в условиях глобализации диалог культур должен выступать в качестве основы межэтнических отношений, формирующих культурное пространство современных обществ.

В широком смысле понятие «диалог культур» отражает специфику отношений между людьми, принадлежащими к разным культурам. Эдвард Холл в работе „Немой язык” (The Silent Language, 1959 г.) доказал тесную связь культуры с коммуникацией. Автор утверждал, что коммуникация - это культура, а культура - это коммуникация.

П.А.Сорокин, рассматривая структуру социокультурного взаимодействия, определяет культуру как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [1, с.218].

Методологию изучения культур разных народов разработали американские ученые К.Клакхон и Ф.Стродбек. Основные различия культур можно определить по отношению индивидуальных культур к таким концептам, как оценка человеческой природы, отношение человека к природе, отношение к концепту времени, оценка активности/пассивности.

Взаимодействие культур двух субъектов (актеров) или индивида с группой (группы

с группой), в результате которой происходит приспособление одних ценностных ориентаций и норм поведения к другим, их взаимовлияния, поглощения или вытеснения и замена одних другими есть ничто иное, как диалог культур.

Рассматривая диалог культур на региональном уровне, следует отметить, что сегодня национальный уровень межкультурной коммуникации возможен лишь при наличии национального единства. Национальная культура представляет собой совокупность традиций, норм, ценностей и правил поведения, общих для представителей одной нации, государства, она охватывает субкультуры различных социальных групп, которых может не быть в отдельной этнической культуре. Полагаем, что открытие памятника князю Владимиру (крестителю всей Земли Русской) в День народного единства в Москве весьма символично.

Во время взаимодействия различных этнических культур возможно проявление двух тенденций: аккультурации (взаимное усвоение элементов культуры) и декультурации (потеря основной, сущностной части родной культуры). Аккультурация благоприятствует интеграционным процессам, взаимному культурному обмену и обогащению культур. При этом происходит процесс усиления национального (этнического) самосознания, попытки закрепить национальную (этническую) специфику. Когда при длительной коммуникации с другой культурой происходит декультурация, возникает явление неуверенности и нестабильности, что приводит к определенным социокультурным проблемам. Их можно усиливать или же необходимо создавать соответствующие условия для «примирения».

Субъектом межкультурного общения всегда выступает человек, который является носителем определенной этнической культуры. Каждый человек входит в состав той или той общественной группы, которая тоже в свою очередь имеет определенную культуру, которая влияет на поведение. Поведение человека определяет система общественных отношений и культура, в которые она включена, но каждый участник межкультурной коммуникации имеет свою собственную систему правил, которые влияют на его поведение.

Согласно исследованиям В.Н.Щербины, в процессе коммуникации происходит не только обмен сообщениями, передача информации от одного участника к другому, которая обуславливает определенную реакцию и является синтезом воспринятой и присущей им культуры, но и удовольствие (или неудовольствие) полученными результатами процесса такого взаимодействия путем сравнения с теми результатами, которые ожидались на момент вступления в коммуникацию. На основе такого синтеза происходит «понимание» или «непонимание» участников коммуникации. Но всегда во время диалога возникают взаимовлияния и стремление «договориться» или «сосуществовать», которые в условиях повторяемости создают «третью культуру». Эта «третья культура» в современных условиях имеет виртуальный характер, она является неустойчивой

и не имеет значение для процессов социализации и механизмов социального контроля [2].

Диалог культур дает возможность его участникам выразить некоторую внешнюю по отношению к самим участникам информацию, внутреннее эмоциональное состояние, а также социальные статусы и социальные роли, которые они выполняют относительно друг друга, что также подтверждает их «культуру». Требования, ожидания, обусловленные социальным статусом и социальной ролью, формируются в общественном сознании под влиянием общекультурных норм, ценностей и традиций, определенной общественной системы, социальной группы. Если ценностные ориентации и нормы поведения человека характеризуют его культуру, то любое общение (коммуникацию) между людьми можно отнести к диалогу культур [3, с.167-176].

Конструктивной формой диалога культур можно считать идею синтеза различных этнических культур, что является объединением культурно различных элементов: ориентиров, ценностей, норм, типов поведения, при котором возникает качественно иное образование. Синтез имеет место, когда социокультурная система перенимает и усваивает опыт других обществ в сферах, которые являются недостаточно развитыми в ней самой, но при этом сохраняет собственную, присущую ей основу, которая позволяет говорить о ее самобытности, способности поддержания целостности и стабильности [4, с.4].

Так сложилось, что наша земля, Донбасс - это территория, где исторически представлены разные этнические культуры. В довоенном Луганске проблема обострения межэтнических отношений не возникала; хотя в городе, например, было много студентов - иностранцев, так, только в Луганском государственном медицинском университете численность студентов из восточных стран составляла чуть менее 50-ти процентов от общего контингента. В социологии используется шкала Богардуса для измерения национальных и расовых установок и определения социальной дистанции. Согласно результатов социологических исследований в довоенное время для нашего региона был характерен достаточно высокий уровень толерантности к представителям разных национальностей, населявших нашу территорию.

На въезде и выезде из любого населенного пункта ЛНР и ДНР находится православный Крест, самый важный атрибут Православной культуры. Символические коды, представляющие другие конфессии также представлены на нашей территории. В Республике действуют русский и украинский театры, где представления до сих пор проходят на русском и украинском языках. В отличие от Украины, в нашей Республике никому и в голову не пришло сносить памятники Ленину, Тарасу Шевченко - а это, наверное, самые значимые показатели диалога культур для нашего региона. Идентичность молодого поколения Луганской Народной Республики формируется в особых условиях, в сложное военное время, но следует отметить, что происходит этот процесс на основе диалога различных культур.

Выводы. Диалог культур - это отражение межкультурных связей определенных групп людей в определенный исторический период его развития. Каждой этнической культуре присущи свои ценностные ориентации и нормы поведения, которые предопределяют характер коммуникации в обществе. Содержательной составляющей диалога культур является достижение определенного согласия между представителями различных типов социокультурных систем в решении важнейших проблем современной цивилизации. В диалоге культур актуализируются и решаются как в теоретическом, так и практическом планах проблемы формирования новой методологии сочетания общечеловеческих ценностей с системами ценностей, особыми для каждой культуры и для каждой личности как представителя определенной этнической культуры.

Литература:

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
2. Щербина В.М. Діалог культур: комунікативний аспект.//Соціологічні дослідження: збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету.- 2011.- № 11.- Луганськ: Вид-во Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. – С. 30.
3. Слющинський Б.В. Міжкультурна комунікація як метод соціального пізнання. // Нова парадигма. – 2005. – Випуск 45. – С. 167 - 176.
4. М'язова І. Ю. Міжкультурна комунікація: зміст, сутність та особливості прояву (соціально-філософський аналіз) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. 09.00.03 "Соціальна філософія та філософія історії" / І. Ю. М'язова. – К.: КНУ ім. Т. Шевченка, 2008. – С.

ЦЕННОСТНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

А.В. Лубский
доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

Аннотация*. В данной статье осуществляется анализ методологических возможностей интердисциплинарных научных исследований в изучении ценностной политики как способа регулирования межэтнических отношений.*
Ключевые слова*: ценностная политика, межэтнические отношения, интердисциплинарные научные исследования.*

Методологический конструкт интердисциплинарных научных исследований является продуктом методологического сознания ученого, в котором происходит проектирование способов научной деятельности и конкретных исследовательских действий, направленных на производство новых научных знаний о социальной реальности.

Интердисциплинарные исследования – это постановка и решение научных задач, лежащих на пересечении предметных полей различных научных дисциплин. Когнитивная стратегия интердисциплинарных исследований нацелена на получение целостного научного знания, дающего холистское представление о социальной реальности [1; 2]. Основой интердисциплинарного подхода является неоклассическая модель научного исследования, предполагающая переход от одномерных интерпретаций социальной реальности к многомерным [3; 4]. Такой переход возможен на основе создания многомерных методологических конструктов междисциплинарных научных исследований.

Критика современных теорий государственного управления в сфере межэтнических отношений в странах со сложной этнокультурной структурой в настоящее время сопровождается формированием концепции «менеджмента публичных ценностей», в рамках которой обосновывается необходимость перехода к ценностной политике, направленной на реализацию политических проектов национальной интеграции [5].

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Ценностная политика как особый вид управленческой деятельности в сфере межэтнических отношений опирается на публичные ценности [6]. В структуре этих ценностей как коллективных предпочтений, носящих бинарный характер, можно выделить нерефлексивные «предпочтения-верования» и рефлексивные «предпочтения-мнения». Нерефлексивные структуры публичных ценностей устойчивы и реактивны, они «дремлют», но как только возникает подходящая ситуация, активизируются, часто вопреки желанию и воле. Нерефлексивные структуры публичных ценностей более или менее однородны, они присущи в той или иной мере всему социуму и с трудом поддаются изменениям. Рефлексивные структуры публичных ценностей, присущие различным социальным, в том числе и этническим общностям, разнородны и изменчивы. Большое влияние на их изменение оказывают такие факторы, как смена этносоциальных ситуаций, рефлексия по поводу повседневного опыта этнических взаимодействий, состояние этносоциальных коммуникаций, воздействие на них символического капитала государственной власти и этновласти.

Трансформируя рефлексивные структуры публичных ценностей, можно в короткий срок изменять ценностные ориентации той или иной этнической группы, добиваться легитимации государственной власти и этновласти, поднимать рейтинги политических лидеров, оказывать влияние на электоральные предпочтения граждан. Если нерефлексивные структуры публичных ценностей выполняют в обществе идентификационную функцию, то рефлексивные структуры являются основой его ценностной дифференциации.

Представления о бинарном характере публичных ценностей как коллективных предпочтениях позволяет сделать вывод о том, что ценностная политика как управленческая деятельность может осуществляться, не только опираясь на актуальное состояние коллективных ценностей, но и целенаправленно диверсифицируя в контексте диалога государства и этнических сообществ рефлексивные структуры этих ценностей.

В целом содержание ценностной политики в сфере межэтнических отношений в странах со сложной этнокультурной структурой, таких, как Россия, может быть сведено к следующему: 1) эффективное государственное управление должно опираться, с одной стороны, на публичные ценности в национальном сообществе, с другой – на коллективные этнические ценности и генерировать в этнических сообществах такие ценности, которые будут способствовать национальной интеграции; 2) такого рода коллективные этнические ценности должны быть легитимными, т.е. одобряться как политическими деятелями, так и широкой общественностью в процессе ценностного диалога; 3) эффективность использования коллективных этнических ценностей в политике должна постоянно контролироваться; 4) государственные и общественные организации должны понимать, артикулировать и пересматривать, если это требуется, как национальные публичные, так и коллективные этнические ценности.

Коллективные ценности в сфере межэтнических отношений в России не могут

сформироваться без участия государства. Но при этом государство должно не навязывать этническим сообществам свои приоритеты, а привлекать их к сотрудничеству. Поэтому формирование коллективных ценностей и предотвращение ценностных конфликтов в сфере межэтнических отношений в России может быть результатом только сложных аксиологических компромиссов. В определении коллективных ценностей и в решении ценностных споров в публичной политике общественность должна играть значимую роль, но непосредственное участие общественности в России должно быть специально организовано, чтобы она могла эту роль исполнить.

Для обеспечения ценностной политики в России специалисты в области государственного управления должны быть способными идентифицировать и обосновывать соответствующие коллективные ценности в сфере межэтнических отношений. Обосновывая коллективные ценности, они должны обладать также способностями разрешать ценностные конфликты в этой сфере, помогая создавать коллективные ценности, предотвращая в российском обществе со сложной этнокультурной структурой «ценностный провал». Ценностная политика в сфере межэтнических отношений в России должна опираться на гуманитарные технологии, направленные на гуманизацию системы управления и повышение эффективности межэтнических коммуникаций.

Таким образом, в рамках междисциплинарных научных исследований ценностная политика в сфере межэтнических отношений в России рассматривается как такой вид управленческой деятельности, которая не только ориентируется на публичные этнические ценности, но и формирует эти ценности в качестве основы эффективного государственного управления, направленного на гармонизацию межэтнических отношений в контексте национальной интеграции [7]. В этом случае ценностная политика не противостоит диалоговой политике, поскольку ценностная политика в странах со сложной этнокультурной структурой включает диалог как общественную ценность, предполагающую, что коллективные ценности должны идентифицироваться как национальными политическими деятелями, так и этноэлитами, а также широкой общественностью в процессе публичного дискурса. Такое представление о ценностной политике предполагает политическую субъектность акторов государственного управления в качестве необходимого условия ценностной политики, направленной на регуляцию межэтнических отношений в странах со сложной этнокультурной структурой, таких, как Россия.

Литература:

1. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3–11.
2. Лубский А.В. Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность // Научная мысль Кавказа. 2011. № 4 (68). С. 19–28.
3. Лубский А.В. Неоклассическая модель социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. С. 112–120.

4. Лубский А.В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1. С. 21–30.

5. Lubsky A.V., Lurje A.G., Popov A.V., Serikova I.B., Zagutin D.S. Russia in Search of National Integration Model // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. N 4. Supplement 4. P. 209–214.

6. Bedrik A.V., Chernobrovkin I.P., Lubskiy A.V., Volkov Y.G., Vyalykh N.A. Value Policy: Conceptual Interpretation of Research Practices // Indian Journal of Science and Technology. Vol. 9 (5). February 2016.

7. Bairamov V.D., Isakova Y.I., Kumykov A.M., Lubskiy A.V., Volkov Y.G. Conceptual Interpretation of Modern Value Policy in the Context of Scientific Research Practices // American Journal of Applied Sciences 2016, 13 (4). P. 400–407.

МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ - СИСТЕМНОЕ СВОЙСТВО ИЛИ ФАКТОР НАПРЯЖЕННОСТИ[1]

С.А. Ляушева
доктор философских наук, профессор,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

З.З. Хот
кандидат социологических наук,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация*. В данной статье раскрываются амбивалентные свойства современных миграционных процессов, которые рассматриваются как системная характеристика мир-системы, способная трансформироваться в фактор напряженности.*
Ключевые слова*: миграция, системность, напряженность.*

Поскольку прибывающее в Российскую Федерацию население значительно дифференцировано, возникает необходимость оказания помощи со стороны государства наиболее уязвимым категориям мигрантов, что перегружает систему социальной защиты населения, и без того не достаточно сильную. За счет большого числа детей и нетрудоспособных членов, семьи мигрантов нуждаются в бюджетных субсидиях на оплату жилищно-коммунальных услуг, детских пособиях, пенсионном обеспечении и т.д. В развитых странах мигранты имеют доступ ко всем социальным пособиям, что вызывает неприязнь к ним коренного населения. Готт и Джонстон подсчитали, что за 1999-2000 финансовый год в Великобритании общие затраты на иммигрантов составили 28,8 млрд фунтов. В эту сумму включены расходы на социальное обеспечение, образование, здравоохранение, пособия на жилье и т.д. В Германии абсолютное число заявок на социальную помощь и различные пособия от иностранцев в период с 1980 по 2003 год возросло с 70 [1] тыс. 523 до 624 тыс. 472, а среди получателей социальной помощи количество «не-немцев» увеличилось с 8,3 до 22,3 % [2]. Политики высказывают опасения, сможет ли «государство всеобщего благоденствия» выдержать наплыв мигрантов. Простые граждане обеспокоены снижением пособий в связи с кризисом социального государства.

По сообщениям СМИ, до 2020 года Минфин ФРГ планирует выделить на эти цели около 93,6 млрд евро. В эту сумму включены не только расходы на проживание и

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

интеграцию беженцев, но и средства на устранение причин бегства из кризисных регионов. По оценкам Минфина ФРГ, в 2016 году в страну прибыли 600 тысяч, в 2017 году прибудут- 400 тысяч, а далее - по 300 тысяч беженцев в год. В 2015 году в Германии было зарегистрировано около миллиона мигрантов: 477 тысяч из них подали ходатайство о предоставлении убежища [3].

Периодически мировое сообщество сотрясают сообщения о развитии эпидемий «птичьего», «свиного» гриппа, порождая еще одну причину мигрантофобий. В то же время по данным ВОЗ в мире существует ряд заболеваний, так или иначе связанных с миграцией населения: чума, холера, малярия, туберкулез и т.д. Источниками этих заболеваний для нашей страны выступают, в большей степени, мигранты из Южной, Центральной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки. Таким образом, культурные и экономические связи выступают каналами распространения болезней.

Кроме социально-экономических проблем рост миграций порождает проблемы совместного существования представителей различных этнических и религиозных культур – размывание национальной идентичности принимающей страны, формирование этнонациональных анклавов, живущих по собственным законам, Если прежние иммигранты стремились к адаптации и ассимиляции к культуре страны проживания, то нынешняя иммиграция принципиально настаивает на сохранении этнокультурной самобытности, поселяясь отдельно от других этносов. Поддержка ряда национальных традиций, регуляция поведения в соответствии с ними ведут к размыванию единого правового пространства принимающей страны. Например, установленный по закону брачный возраст принимающих стран зачастую выше, чем обычный возраст невесты, вступающей в брак в этнических группах. Сосуществование групп с доминированием различной формы нормативной регуляции также разрушает единство правового регулирования.

Суммируя негативные последствия и проблемы, создаваемые миграцией, политики и коренные граждане принимающих стран высказываются за сокращение объема миграции, ужесточение иммиграционного законодательства. Например, в США, стране, созданной иммигрантами, не протяжении всего исторического периода существования государства наблюдалось постепенное ужесточение иммигрантского законодательства. Если в самом начале, практически единственным ограничивающим законом был закон о враждебных иностранцах, принятый в 1798 г., то на протяжении XIX-XX вв. вводятся количественные ограничения на въезд иммигрантов в зависимости от политико-экономической ситуации. В XIX в. предпринимались усилия по поддержанию этнического баланса, в XX в. более значимы были факторы политического и экономического характера, в соответствии с которыми менялось число квот, предоставляемых тем или иным странам. В настоящее время снижение числа квот, введение моратория на иммиграцию, вплоть до закрытия границ с Мексикой становится одним из наиболее популярных предвыборных лозунгов некоторых

политических сил. После 11 сентября 2001 года высоко оценивается риск инфильтрации террористов [4]. В некоторых странах подобные идеи сокращения миграции, вплоть до закрытия границ стабильно собирают до 20 % голосов избирателей (например, во Франции).

Аргументы против миграции сталкиваются с вполне убедительными аргументами за нее. Так, международная миграция, т.е. «межгосударственное территориальное перемещение населения на основе спроса и предложения рабочей силы на рынке труда» [5], считается одним из механизмов регулирования мирового рынка и фактором его развития: рабочая сила перетекает из регионов с высоким предложением и низким спросом на рабочую силу в регионы с высоким спросом и низким предложением.

Позитивные последствия миграции связывают с повышением качества рабочей силы, заселением и освоением отдаленных и труднодоступных регионов. Рабочие-мигранты соглашаются на выполнение работы за меньшую цену, снижая стоимость рабочей силы в общих издержках.

Многочисленные экономические эксперты еврозоны давно обеспокоены проблемой нехватки трудовых ресурсов. Большинство государств Старого Света испытают острую потребность в рабочей силе уже в ближайшие десятилетия. Если решением вопроса не заниматься прямо сейчас, через каких-то 15 лет немецкий рынок труда испытает кризис в виде нехватки 10 млн. наёмных рабочих. Стратегии целенаправленного привлечения столь большого количества кадров у Германии пока нет, поэтому волна нахлынувших беженцев в каком-то смысле пришлась как нельзя кстати [6].

Если немецкому правительству и парламенту удастся разработать совместный эффективный план действий в оперативном порядке, сотни тысяч беженцев достаточно быстро превратятся в отряды квалифицированных трудовых мигрантов, способных обеспечить положительный экономический эффект.

Аналогичную нехватку трудовых ресурсов через 10–15 лет испытает не только Германия, но и другие европейские государства, в частности, стареющая Венгрия. Но в отличие от своего более зажиточного западного соседа, официальный Будапешт уже сегодня не справляется с текущими затратами и вынужден нести серьёзные убытки.

Реализация проекта забора, возведённого на границе с Сербией, обошлась Будапешту в 29 млрд. форинтов. По мнению председателя торгово-промышленной палаты страны Л. Паррага, неблагоприятная ситуация однозначно скажется на потребительском секторе государства и ухудшит и без того не слишком благоприятный инвестиционный климат [6].

Для стран – экспортеров рабочей силы существуют позитивные последствия миграции: 1) приобретение работником новой квалификации; 2) сокращение дефицита платежного баланса; 3) ослабление напряжения на внутреннем рынке труда; 4) облегчение структурной и технологической перестройки производства. Позитивными последствиями для стран, принимающих рабочую силу, выступают: 1) обес-

печение рабочей силой регионов, использование дефицитной рабочей силы; 2) использование работников, проживающих в данной местности на более квалифицированных работах; 3) снижение стоимости рабочей силы и общих издержек в условиях привлечения мигрантов; 4) торможение роста цен, благодаря склонности работников-мигрантов к сбережениям.

Позитивный смысл международной миграции видят в решении демографических проблем ряда стран и мирового сообщества в целом – сокращение и постарение населения развитых стран, перенаселенность развивающихся. Поток миграции в современном мире направлен на выравнивание демографического баланса.

Литература:

1. Менц Г. «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния // Прогнозис. Журнал о будущем. 2007. № 1. С. 127, 129.
2. Ноздрина Н.Н. Мигранты на рынке жилья в городах России (по материалам социологических опросов). Доклад на VIII Национальном Конгрессе по недвижимости. М., июнь 2004 г. (http: / www. ecfor.ru/pdf.php?id=pub/noz08)/
3. http://obozrevatel.com/politics/20745-vo-skolko-obhoditsya-soderzhanie-bezhentsev-v-germanii.htm
4. Кучеренко А. Контроль над миграционными процессами в США: тенденции эволюции // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 76-77.
5. Кислицина М.В. Проблемы государственного управления и перспективы совершенствования внешней (международной) трудовой миграции. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. М., 2007. С. 12.
6. http://gir-magazine-ru.ghost.io/vliianiie-biezhientsiev-na-ekonomiku-ievrozony

ИСТОКИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ЮГЕ РОССИИ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

К.Г. Малова
студент 4 курса направления «Социология»,
Институт Социологии и Регионоведения
Южного Федерального Университета
г. Ростов-на-Дону

***Аннотация**. Настоящая статья посвящена проблеме выявления полифакторных оснований межэтнических конфликтов на Юге России и обоснования необходимости использования системного инструментария для их разрешения.*
***Ключевые слова**: межэтнический конфликт, многонациональность, локалитет.*

Российское государство с самого своего образования сложилось как многонациональная держава. На пути его становления произошло большое количество войн. В том числе национальное неравенство на почве разрозненности интересов, религиозной нетерпимости, но отличалось Российское государство также и стремлением к добровольным объединениям. В истории России основополагающим фактором выступали долговременное совпадение интересы народов, которые так или иначе консолидировались даже на обширных просторах Европы и Азии. Многие народы осознавали необходимость объединяться с российской державой для сохранения и развития.

Национальные регионы присоединившиеся к российскому государству, органически встраивались в него, сохраняя все свои национальные особенности. Об органичности расширения государства свидетельствуют относительно длительные сроки присоединения национальных территорий. Длительные процессы межнационального сотрудничества и интеграции сформировали Россию как многонациональное государство, где народы сохраняли свою самобытность независимо от господствовавших политических режимов [1].

После развала в начале 90-х годов политической системы СССР внутрироссийские политические процессы привели к ослаблению центральной власти, ухудшению социально-экономической ситуации в стране. Вместе с тем демократические процессы раскрепостили национальную энергию, в значительной мере сдерживаемую ранее тоталитарными механизмами. Качественно изменилась ситуация в межнациональных отношениях, со всей силой стали проявляться этнонациональные интересы и устремления и вышли на свет межнациональные противоречия [1].

Межнациональные конфликты в Российской Федерации имеют таким образом как

конкретно-исторические объективные, так и субъективные причины. Причинами могут быть общественно-политические, социально-экономические проблемы – нарастание социальной напряженности, политическая борьба, коррумпированность бюрократических структур, паралич власти, ущемление прав и свобод, национальных меньшинств. Межнациональный конфликт имеет свои этапы, стадии механизмы развития и решения. Наибольшую опасность для общества представляют вооруженные конфликты. Также истоком и основой межнационального конфликта могут быть столкновение интересов этносов. Вначале они могут иметь разные побудительные причины, но в своем развитии они неизменно приобретают характер межнационального противоречия [2].

Общероссийский опрос общественного мнения ВЦИОМ показал, что актуальность межнациональной проблематики ощущает не только федеральная и региональная власть, но и граждане страны: почти каждый третий россиянин (30%) отмечает, что за последние 15 лет отношения между людьми разных национальностей в стране ухудшились; улучшение отмечает каждый четвертый (24%), отсутствие изменений в отношениях— 38% [3].

Более половины россиян (57%) считают, что многонациональность приносит России больше пользы, чем вреда. С обратной точкой зрения согласны 26%, т.е. каждый четвертый видит в многонациональности скорее проблему для страны, чем благо. Приблизительно такое соотношение мнений (с заметным перевесом в сторону положительного восприятия полиэтничности и довольно большим числом затруднившихся) стабильно фиксируется и в других общероссийских опросах населения на протяжении последних трех лет [3].

Одним из самых привлекательных регионов для миграции является Краснодарский край. Не для кого не секрет, что в данном локалитете собрано великое множество культур, которые тесно взаимодействуют друг с другом.

Краснодарский край имеет ключевое значение для геополитики России на Черноморском направлении. Вследствие выгодного расположения и экономической успешности регион привлекателен для миграции. Проведение в г. Сочи зимних Олимпийских игр 2014 г. привлекло внимание инвесторов, но усилило риски этнополитических конфликтов и терроризма.

Основными причинами межэтнических конфликтов является нарушение норм и обычаев принимающего сообщества другими этническими группами, переросшее в конфликт ценностей; ухудшение социально-экономической ситуации, межэтническая конкуренция на рынке труда; латентная межэтническая напряженность; этнизированные оценки конфликтов в массовом сознании. Краснодарский край имеет сравнительно низкий по среднероссийским меркам уровень доходов жителей, но высокий уровень плотности населения. Ввиду аграрной и курортной специализации главным конфликтогенным узлом может стать контроль над землей. Повышенный уровень миграции чреват для Кубани социально-экономическими дисбалансами. Продолжение сверхкон-

центрации трудовых мигрантов в крупных городах и курортных местностях Краснодарского края непродуктивно. Желательно стимулирование дисперсного размещения переселенцев в соответствии с экономической и социальной пользой для края, на основе законодательства. Новым фактором миграционной ситуации является приток беженцев из Донбасса и других регионов Украины, нарастающий с апреля 2014 г.

Сейчас действует Долгосрочная краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013–2017 годы», принятая в 2012 г. Цели и задачи Программы – гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур; обеспечение взаимодействия исполнительных органов власти края и местного самоуправления с национально-культурными объединениями; профилактика экстремизма и терроризма; поддержка и распространение идей духовного единства и межэтнического согласия. Речь должна идти о финансировании масштабных социологических и конфликтологических исследований, об организации постоянного мониторинга тенденций этнических отношений, их прогнозирования и профессионального консультирования органов власти. Необходимо создать в структуре краевой и муниципальных администраций, представительных органов более влиятельные, чем сейчас, структурные подразделения, специализирующиеся на этнополитике и состоящие из профессионалов [4].

Что же необходимо сделать, чтобы направить межнациональные отношения на вектор положительного развития, в том числе нейтрализовать все негативные проявления агрессии между культурами, которые только мешают установлению межнационального мира и согласия?

Прежде всего необходимо глубокое, объективное и всестороннее исследование происходящих в стране процессов, независимо от политической обстановки. Только тогда мы получим полную картину происходящего в нашей стране, что позволит найти необходимые правильные пути решения данной проблемы. Упор исключительно на работу правоохранительных органов, на силовые методы никаким образом в полной мере не решит проблему вражды и нетерпимости на национальной или религиозной почве. Необходимо принять комплекс мер общегосударственного масштаба: в политической, социально-экономической сфере в системе образования и просвещения, в области культуры и СМИ. При этом нельзя игнорировать исторический опыт добрососедского сосуществования носителей различных культур и религий в многонациональной России на протяжении многих веков. Вместе с тем важное место в деле достижения межнационального мира и согласия в России, должны занять общественные институты и традиционные российские религиозные конфессии.

Идею ценности российской многонациональности четко сформулировал президент Российской Федерации В. В. Путин: «Россия богата не только ресурсами, она богата своей многонациональной культурой. Может быть, это ее самое большое достояние. Может быть, именно это де-

лает ее трудно уязвимой и непотопляемой. Поэтому забота об этом культурном многообразии, в том числе языковом многообразии должна стать одним из приоритетов государства».

Литература:

1. Киреев Хасан Саидович Межэтнические конфликты в России: истоки и решения // Власть. 2007. №10. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskie-konflikty-v-rossii-istoki-i-resheniya (дата обращения: 07.11.2016).
2. Мамаев М. И. Некоторые проблемы межэтнических отношений на юге России в конце XX - начале XXI вв // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2010. №1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-mezhetnicheskih-otnosheniy-na-yuge-rossii-v-kontse-xx-nachale-xxi-vv (дата обращения: 07.11.2016).
3. Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей//Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 97—110.
4. Баранов А. В. Краснодарский край в 2014 г. : мониторинг межэтнических отношений // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. №4. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/krasnodarskiy-kray-v-2014-g-monitoring-mezhetnicheskih-otnosheniy (дата обращения: 07.11.2016).

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Е.М. Малышева
доктор исторических наук, профессор,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация*. В данной статье рассматриваются особенности и перспективы этносоциальных трансформаций в поликультурном пространстве России, отмечается, что в условиях постсоветского транзита обостряется проблема воссоздания диалектического единства национальной и цивилизационной идентичности.*
Ключевые слова*: этносоциальные трансформации, полиэтничность, российское общество.*

Россия – полиэтничная страна, по национально-государственному устройству не имеющая аналогов в мире: в ней проживает свыше 130 народов, большую часть населения, до 80%, составляют русские. По итогам микро переписи 1994 г. в российском многонациональном государстве 170 этносов нерусского населения составляют около 18%.

Среди субъектов Российской Федерации 32 имеют статус национально-территориальных, для которых автохтонными, или , как их называют, «коренными», являются более 40 этносов. Около 7% населения, а это около 130 этносов и этнических групп, не имеют национально-территориальных образований в России.

Межнациональные взаимоотношения наряду с заложенными противоречиями и периодически возникающими конфликтами, всегда тяготели к сотрудничеству. Любое ущемление национальных интересов, не говоря уже о дискриминации отдельных наций, как правило, порождают чрезвычайно сложные конфликты.

В современных геополитических условиях социализация российского гражданского общества проявляется в сложной многосоставной динамике «множественной идентичности», сопряженной с балансом гражданской и этнической идентичности русских и других российских национальностей [1. С. 9-24].

Термин государственно-гражданской идентичности, по мнению Дробижевой Л.М., наиболее адекватно отражает представления россиян о гражданской идентичности на современном этапе. Общая государственность является основным связующим сегментом гражданской и этнической идентичности как у русских, так и у иных национальностей. Но представление о желаемом государстве отличается в разных социальных и этнических сообществах и требует внимания общества и власти для поддержания лояльности государству как «общему дому многих народов».

Полиэтничный состав населения России складывался на протяжении более полутора тысячелетия. Интеграция в состав

России других народов происходила не в результате насильственной колонизации, как это было в европейских странах, и русификации. Этносы сумели сохранить культуру, языки, религию. Причём, отметим отличительную особенность становления российского государства в отличие от Запада

В то время, когда Европа (это характерно 16 в.) являла из себя противоборствующие феодальные княжества, когда на её территории свирепствовали религиозные войны, Россия уже была объединена в единое государство. В ней уже произошло в общих чертах становление нации, до чего Европе предстояла ещё дистанция долгого пути.

Инстинкт самосохранения вёл российские народы к возданию единого государства и империи. В отличие от Запада, здесь не было устранения языков и рас. Разнородные национально-этнические, религиозные и культурные общности в российской цивилизации не были колониями в традиционном смысле этого понятия. Они инкорпорировались в российское государство, создавая своего рода сплав. Общее жизненное пространство в своём полиэтничном многообразии, межрегиональные экономические связи, культурное взаимовлияние исторически были достаточно серьезными сплачивающими факторами.

Сегодня практически общепризнано, что развал СССР в конце XX в. оказал деструктивное влияние на социально-экономическую, политическую и духовную сферы общественной жизни. Эти глубоко негативные изменения приобрели, и изначально носили системный характер, однако социологами они определялись как «трансформация общества». Среди различных аспектов «трансформации» одним из наиболее значимых стал процесс изменения этносоциальной структуры общества, активизировавший многообразные виды неравенств. Современный этап кризиса высветил ключевые проблемы самосохранения наций, в том числе и кризис гражданской идентичности россиян.

В условиях постсоветского транзита довольно остро встаёт вопрос о сложной диалектике национальной и цивилизационной идентичности. Трансформируется в социологической науке и в общественном сознании страт социума представление о политической идентичности, о содержательном наполнении российской идентичности и вообще, проблеме формирования и понимания «национального». Насущной становится необходимость переосмысления содержательных характеристик национальной идентичности, которая связана с повышением порога рисков и угроз неуправляемого развития. Ориентация на развитие должна стать консолидирующим основанием современных наций, основанием гражданского согласия [2. С. 9-12].

Изучение механизмов социальной трансформации в современной России позволяет прогнозировать тенденции стратификационных процессов в стране. При этом следует иметь в виду, что в такой полиэтничной стране как Российская Федерация на социальное неравенство накладывается этническое многообразие населения, вследствие чего можно говорить об этносоциальных неравенствах в постсоветской России [3. 268].

В современном трансформирующемся российском социуме достаточно рельефно наметились этнические черты. Они обнаруживаются в таких социальных явлениях как этнические конфликты, этносоциальные миграции, формы предпринимательства, в проявлениях отдельных видов преступности и т.д. Эти характерные черты оказывают влияние на социальную стратификацию российского общества, приобретая выраженные этнические характеристики.

Консолидация в процессе формирования гражданской идентичности и полиэтничной нации в России строится на основе складывавшихся веками традиций регулирования межэтнических конфликтов.

На постсоветском пространстве советская идентичность доминировала в в конце 90-х и начале XX века., например, в Белоруссии, Казахстане и ряде других постсоветских государств. В настоящее время здесь складывается своя идентичность. В сознании новых поколений идёт процесс осознания новых форматов самоидентификации. В Казахстане власть проводит политику формирования многосоставной идентичности (включающей этническую, национальную), в целях стабилизации социальной и политической обстановки. Ситуация в Украине в социальной сфере становится все более конфликтной и контрпродуктивной. Здесь наблюдается нарастание протестного движения, обусловленного углублением социального и этнического расслоения, поляризацией интересов социальных страт, ведущих к потенциальному коллапсу украинской государственности. Эти процессы, по мнению известных политологов Пантина В.И. и Лапкина В. В., подтверждают тезис о том, что «политизация этносоциальных и межнациональных противоречий обладает огромным разрушительным потенциалом, особенно на постсоветском пространстве» [4. С. 75-93].

По мнению Тишкова В. А, проявления этнической «нетерпимости» и её рост в регионах России, является результатом политической практики этнического национализма, доставшегося республикам в наследство от бывшего СССР (Тишков, 1994), а также следствием закономерного распространения негативных явлений в сферу межэтнических отношений [5]. Причины многообразны, но в первую очередь, это экономические и социальные издержки, стимулирующие рост интолерантного общественного поведения представителей как русской нации, так нерусских этносов.

Как утверждает Солдатова Г.У., при оценке жизненной ситуации русские в целом проявляют не больше терпения – важнейшего реалистического механизма решения критических жизненных ситуаций, чем титульные народы. В современной этнополитической ситуации в республиках России этническая терпимость русских – вынужденный защитный механизм. Учёный утверждает, что «объективная ситуация ставит их в такие условия, когда приходится в целях адаптации стремиться к пониманию интересов титульных народов» [6].

Во всём мире, в том числе и в России, существующие межнациональные конфликты инициируются различными причинами, такими как территориальные

споры, сепаратизм, проявления дискриминаций в отношениях между нациями и т. п. Международное сообщество при решении межнациональных конфликтов исходит из приоритета государственной целостности, нерушимости сложившихся границ, недопустимости сепаратизма и связанного с ним насилия.

При разрешении межнациональных конфликтов международные правовые нормы исходят из признания необходимости соблюдения гуманистических принципов в межнациональных отношениях, отказа от насилия и принуждения. Поиск согласия на основе консенсуса всех участников конфликта на основе признания прав и свобод человека становится важнейшей ценностью мирном урегулировании спорных проблем.

Литература:

1. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России. – Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9-24.
2. Семененко И. С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения. – Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 8-23.
3. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология в поисках научной парадигмы Ставрополь, 2001. - Ставрополь' Изд-во СГУ, 2001. - 268 с.
4. Пантин В. И., Лапкин В. В. Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины)./ Полис, 2015.№ 5. С.75-93
5. Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации: Доклад на заседании Президиума Российской Академии Наук 23 февраля 1993 г. - М., 1993.
6. Солдатова Г.У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия. // http://www.tolerance.ru/VT-1-2-toler-intoler.php

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Н.А. БЕРДЯЕВА

Л.И. Мухтарова
магистрант,
Луганский национальный университет им. В. Даля
г. Луганск

О.Е. Осипенко
магистрант,
Луганский национальный университет им. В. Даля
г. Луганск

С.А. Титаренко
доктор философских наук, профессор,
Луганский национальный аграрный университет
г. Луганск

Аннотация*. Целью настоящей статьи является поиск оснований и определение символического своеобразия этнонациональной специфики языковой личности в творческом наследии русского философа Н.А. Бердяева.*
Ключевые слова*: антропоцентрический подход, эзотерика, языковая личность.*

Значимость русской культуры конца XIX - начала XX-х веков очень тесно связана с особенной постановкой и решением проблем человека. Особый методологический подход к этой тематике разработал Ю.Н. Караулов. Он развивал концепцию языковой личности и акцентировал внимание на русской языковой личности [1]. Используя его методологию антропоцентрического подхода к анализу языковой среды попытаемся проанализировать языковую личность Николая Александровича Бердяева.

У Бердяева возникает особая конструкции языковой личности и она опирается на православные традиции. Приобщению к глубине Божественного мешает многословие, а удаление от неё, но при сохранении к ней внимания допускает обширное описание, но лишь языком символов. Так полагал Св. Дионисий Ареопагит.

В XIX в. в русской культуре был совершён поворот к энергийной символичности под воздействием идей немецких романтиков. С точки зрения романтизма человек находится в центре культуры. Это культурное обоснование было принято на Западе, начиная с эпохи Возрождения. Но западное богословие, и в католической и в

протестантской версиях, в какой-то момент отдалилось от культуры и это противостояние не принималось как факт относительного знания. Как и в эпоху Средневековья богословы все так же продолжали унижать человека, возвышая Бога. Поэтому у культурной элиты Европы появились новые тенденции. Так Ницше провозгласил такой лозунг: «Бог умер». Он же продолжил – «да здравствует сверхчеловек»! В дальнейшем эту мысль поддержали и Маркс, и коммунисты, и фашисты. Русские представители культуры попытались исправить эти ошибки. Достоевский, Соловьёв, Несмелов, Бердяев яркие представители нового гуманизма – христианского. Эти мыслители хотели спасти человека с Богом, а не без Бога и не против Бога. Язык для них – не просто средство общения между людьми, но и, прежде всего, язык личного молитвенного обращения к Богу и путь обретения знаний, полученных таким путем.

Будучи молодым, Бердяев столкнулся с информацией, переданной с помощью символического языка. Это вызвало у Николая Александровича отталкивающую реакцию. Символическое слово как бы напитывалось энергией внеличной информации и подчиняло себе личность. Это делало её средством говорения. Личность теряла свою верховную значимость, и, как считал мыслитель, происходил её распад. А это противоречило его убеждениям этого времени. Поэтому Бердяев идет по пути приоритетного формирования тезаурусного, когнитивно-понятийного уровня своей языковой личности.

Под воздействием С. Булгакова и своей жены Л. Рапп к 1905 году философ приобщается к опыту молитвенного общения. Для его натуры принятие христианской молитвы было естественным моментом. В молитве присутствует элемент личного человеческого существования. Она является не монологом Бога, а личным вопрошанием и диалогом. Христианская молитва сохраняет свободу человека. Именно обращение к молитвенному опыту изменяет языковую среду Бердяева, выдвигая на первый план символические конструкции. Это происходит не сразу, постепенно.

Следующим этапом, который побудил философа к дальнейшему изменению контуров языковой личности, явилось то, что, вопреки его ожиданиям, социальная революция в России не переросла в революцию духовную. Осознание невозможности быстрых духовных изменений приводит его к переориентации от интереса к внешней реальности, реальности мирового бытия, к построению своей особой виртуальной реальности. Он превращается из утописта в изотерика. Язык текста мыслителя тоже претерпевает изменения.

Тексты делятся на две группы. И это зависит от того, кому они посвящены. Первая группа – это тексты всеобщего восприятия. В них автор зашифровывал свои позиции и изъяснялся с помощью тезаурусного уровня языковой личности. Это делалось для того, чтобы избежать критики. Вторая группа – «немногие книги и интимные беседы». Не для всех. Здесь философ реализовывал символический уровень. Именно в этой группе текстов речь

шла о мистическом понимании и о Боге. В них он выражал свое подлинное «я».

Но реалии 30-х годов привели Бердяева к убеждению в необходимости постоянного перехода от символизма к духовному реализму. Он становится резким противником символических сакрализаций. Его мысли были полностью насыщены эзотерикой.

Таким образом, в процессе языкового творчества философа можно выявить эволюцию от размышления вслух и декларации собственных позиций к убеждению и призывам, затем к совместному вслушиванию и всматриванию и, наконец, приход к невыговариваемому, которое можно изрекать лишь через отрицание инакового. Это эволюция от катафатики к апофатике. Это путь от аподиктического, через проблематическое - к сокровенному, от тварного– к нетварному. Так постепенно менялись структуры языковой личности Бердяева. Но что же оставалось неизменным? Неизменна, прежде всего, та протоформическая реальность смыслотворчества, которую он пытался выразить в языке.

Многие идеи Бердяева повторяются в основных работах. Эти идеи можно назвать ключевыми. Каждый раз эти мысли облекались во все новые словесные оболочки. Слова как символы подбираются им для передачи одной и той же реальности.

Бердяев с помощью поиска смыслового значения языка пытался объединить духовные начала русской языковой личности, западного культурного начала, а также с мудростью востока.

Сопричастность внешнего мира внутреннему «я» человека, в чём выявляется лиричность, дополняется соположенностью этого «я» лично-трансцендентному – Богу, что возможно лишь символически, не по сущности, а лишь по энергии. В результате образуется трёхмерное языковое пространство. Первый уровень сенсорно-эмпирических отражений, употребляя тонкие определения учёного-языковеда Л. Н. Синельниковой [2], как бы «втягивается» во второй уровень – внутреннего отношения «я», уровень ментальный, создавая лирический дискурс, и всё это затем «вытягивается» на третий уровень – символической отнесённости к высшему, Богу.«Я» оказывается в ситуации «балансирования» между низшим и высшим, и перевода низшего в высшее, с целью достижения сопричастия высшего низшему. При этом в качестве словесных концептов при переходе на третий уровень иногда используется язык перцепций, но это носит уже символический характер, и это – символизм обратных отражений. Здесь верх – это глубина, а низ – внешняя плоскость, революция и творчество, это полнота и абсолютность, а развитие и эманация (истечение) –иссякание и перераспределение, здесь будущее это смерть, а смерть это вечность, здесь сила в вынесении насилия, а насилие – это слабость бессилия. Это тварное слово о нетварном, которое возникает путём отрицания тварного, путём апофатики. Это – предел говорения как личного участия в сверхличном. Таким образом, особый характер языковой личности русского философа задаётся именно её лирическим символизмом, что мы проследили на примере языковой личности Николая Бердяева. Именно выявление особой языковой структуры текстов

Бердяева позволяет по-новому выявить специфический характер его творчества, вскрыть его специфику, заключающуюся в особой духовной нацеленности. Особый язык задаёт уникальную коммуникативную языковую среду, которая в свою очередь задаёт новые параметры воздействия текста на читателя.

Литература:

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов– М., –1987.– 264с.
2. Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках. Монография / Л.Н. Синельникова– Луганск, –1993. – 188с.

ОСОБЫЕ ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ У Н.А. БЕРДЯЕВА

О.Е. Осипенко
магистрант,
Луганский национальный университет им. В. Даля
г. Луганск

Л.И. Мухтарова
магистрант
Луганский национальный университет им. В. Даля
г. Луганск

С.А. Титаренко
доктор философских наук, профессор,
Луганский национальный аграрный университет
г. Луганск

Аннотация*. Данная статья посвящена проблеме смыслопоиска духовно-нравственных истоков феномена свободы в творчестве Н.А. Бердяева.*
Ключевые слова*: свобода, богообщение, личность.*

В современном мире происходит духовный перелом. Он связан с переходом от индустриального типа развития общества к постиндустриальному. Каждой социальной эпохе соответствует свой тип духовности. Как нам кажется, в постиндустриальной эпохе России соответствуют духовные начинания, истоки которых можно найти в русской религиозной философии серебряного века. Одним из ярчайших представителей этой традиции является Н.А. Бердяев. Это и обуславливает актуальность обращения к психологическим истокам его творчества. Цель работы показать как внутренний мир русского философа переплавлялся в философские идеи и принципы. Как считал сам Бердяев: «В философское познание философ всегда вкладывает полноту своей человеческой природы и своего человеческого существования» [1, 2].Эту мысль он высказал в своем докладе на IX философском конгрессе, где анализировал природу философского творчества.

Обратимся к факту. Бердяев от своих предков по отцовской линии получил в наследство эмоциональную неуравновешенность, а ход своей жизни старался организовать как борьбу со своим эмоциональным началом. О результатах этой борьбы он откровенно писал, что в нём «задавлена лирическая стихия», а пейзаж

своей души он представлял в виде «безводной пустыни со скалами». Орудием борьбы с эмоциональной стихией выступал смыслопоиск, проводимый философией. Можно сказать, что Бердяев вытеснил свою бурную эмоциональность в философское творчество. Там он пытался её подавить. Вначале его философского пути это проявляется как попытка переведения эмоционального опыта в рациональное знание.

Благодаря увлеченности в раннем юношеском возрасте немецкой классической философией, прежде всего Кантом, русский философ приобрёл строгость рассуждений отвлеченного разума (по Канту). Именно это свойство философского характера выступило сдерживающим барьером от потоков сознания, бурлящих эмоциональным опытом. Сила эмоций была такова, что постоянно смывала всё на своём пути, заставляя Бердяева постоянно менять свои философские барьеры, перестраивать свою систему и, в конце концов, прийти к новым, непонятийным формам мысли.

Приведем некоторые примеры. Философ пользовался ароматами сильных одеколонов, потому что запахи окружающего мира вызвали в нём отвращение. Очень любил оставаться в своем личном кабинете, в своем мире, где самостоятельно всё организовал. Он любил находиться в местах, к которым привык. Также любил природу. Это происходило не без влияния природной лирики русской литературы и идей романтизма, более живой и реальной, чем мир городского быта его повседневного существования.

Пессимизм, укоренённый в борьбе с эмоциями, не давал ему пленяться красотой реального мира. Он не мог насладиться жизнью в этом мире и жаждал выхода из него. Особую трагичность в его жизни представляла мимолетность очарований, и он сразу предчувствовал неизбежность их конца.

Бердяев придумал свой мир, где красота абсолютна и поэтому наслаждение реальной красотой ему не приносит удовлетворения. Он наслаждался миром литературного вымысла, поэзии, произведений искусства. Этот мир был для него более реальным, чем окружающий мир.

Мир собственной фантазии казался Бердяеву самым реальным. В этом мире он окружал себя символами. Так он отгородился от мира окружающей действительности, которая могла разбалансировать его эмоциональность. В этом мире его эмоции были под контролем, и сам мир являлся результатом его собственного творчества.

Вместе с тем духовный мир Бердяева-философа не оказался собранием пустых фантазий, вызванных борьбой с болезненной эмоциональностью. Мы считаем, что не особая сила чувств и эмоций, а именно выработанные механизмы их сдерживания приводили к раскрытию в личности Бердяева особой потенции – мистического видения. Это напоминает молитвенный опыт покаяния священников, реализуемых в борьбе с дурными чувствами.

Сам Бердяев считал, что мистический опыт является увеличенным по интенсивности художественным опытом, т.е. опытом переживаний. Философ полагал, что

мистическое видение возникает в переживании и, хотя и не исчерпывается им, но родственно ему. Поэтому оно и подвергалось сдерживанию. По мнению мыслителя, отсутствие контроля чревато диссоциацией человеческой личности. Сам же Бердяев не всегда вырабатывает адекватные формы этого контроля и часто переводит данные своего мистического опыта в рациональные конструкции.

Впоследствии, обращаясь в сторону христианства Бердяев создает новую версию. В процессе духовной эволюции она постепенно вытесняет первую. В период этапа полного отказа от онтологизма (примерно к 1933 году) и вовсе замещает её. По духовной практике Бердяева данные мистического опыта должны быть согласованы с некоторыми догматами. Они являются актами личного осознания опыта богообщения, достигнутого в рамках христианства. Сами догматы являются для Бердяева относительными этапами осознания, и они сменяются новыми, более углубленными догматами, приобретёнными в постоянной ориентации на данную духовную практику. Базовые установки, а не ценности и идеи, выступают источником роста потенциала личности, содействуют его совершенствованию. То, что ведет к этому, не может быть навязано извне, а должно быть осознано и принято лишь самой этой личностью. Можно сказать, что Бердяев занимает позицию трансцендентного эгоизма, которая вытекает из его рационализации мистического опыта. И хотя философ в своих работах неоднократно подвергал критике гностические концепции за их рационализм, сам он не смог избежать этого рационализма до конца, поскольку не отказался от мышления в понятиях, даже воспринимая их как символы. Как следствие, и это типично для представителей гностицизма, Бердяев растворяет жизненный мир своей личности в своём мировоззрении. Отсюда и указание на наличие в своей личности многого чуждого ей, с которым необходимо вести постоянную борьбу, подчёркивание многопланости личности, в которой некоторые планы не имеют решающего значения, признание болезненности своих душевных проявлений при абсолютном здоровье духа.

В жизни Бердяева существовало одно сильное переживание. Оно преследовало философа всю жизнь. В процессе его подавления он наиболее радикально впал в гностический уклон. Как свидетельствует в своей автобиографии Николай Александрович [2], в детстве он пережил тяжёлое заболевание энцефалитом. Эта болезнь на год приковала его к постели. Последствием этого заболевания, стали часто повторяемые кошмары во сне, сопровождавшиеся удушьем. Сны вспоминались после пробуждения как провалы в бездну. Философ пытался подавлять данные эмоциональные переживания, а значит, по его методике сдерживания, он должен был переводить его в смысловую конструкцию. Её он встретил у Бёме и перевел в собственную смысловую теорию. Речь шла о рождении порядка из хаоса. В этом и заключается смысл его философии свободы. Таким образом «кухня мысли» Бердяева это скрытый и засекреченный эмоциональный опыт, и лишь на поверхности находятся развернутые смысловые концепции.

В целом же, Бердяева можно представить как такую личность, которая резко ощутила трагизм своего существования, но не смогла благостно принять вытекающих из него страданий и пыталась всячески отгородиться от них путём создания рациональных конструкций, что приводило к дьявольским соблазнам.

Но всё же натура Бердяева была праведнее этой установки. И именно поэтому философ неоднократно указывает, что его жизнь была наполнена не только идеями, но и событиями. Он не жил «жизнью метафизика».Николай Александрович настаивает, что он испытывал полноту жизненных ощущений. Философ проявил опыт жизни своей личности как опыт поиска неких новых форм мысли. Именно мистический опыт и приводил к созданию особых форм мысли, сочетающих в себе элементы образа и понятия, позволявших схватить энергетическую полноту. Данные формы мысли мы называем протоформами.

Литература:

1. Бердяев Н. А. Философ и существование. Доклад, прочитанный на IX международном конгрессе в Сорбонне. Париж 1937г. Машинописная копия. РГАЛИ ф. 1496 оп. 1 ед. хр. 98
2. Герцык Е.К. Николай Бердяев// Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии).- М.: Книга, 1991.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК КАНАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ[1]

Ю.С. Панфилова,
аспирант,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
г. Ростов-на-Дону

Аннотация*. В статье исследуются интеграционный потенциал системы образования в процессе формирования гражданской идентичности в полиэтничном пространстве современной России.*
Ключевые слова*: образование, гражданская идентичность, полиэтничный регион.*

Переход России в 90-е годы к принципам рыночной экономики и созданию основ правового государства обусловил необходимость конструирования гражданской идентичности как структурного компонента общероссийской идентичности. Гражданская идентичность – это ценностное измерение гражданства как правового статуса по отношению к государству; это не только причисление себя к определенной политии, а потому и знание своих прав, но и обязательство и установка на участие в жизни этого сообщества (нации) [1, с. 64]. Гражданская идентичность не возникает стихийно – это результат сознательного формирования в процессе информационного взаимодействия, что предполагает наличие определенных каналов ее конструирования (СМИ, образование, молодежная политика и т.д.).

Одним из наиболее действенных и эффективных каналов конструирования гражданской идентичности выступает система образования. При этом этносоциальная структура полиэтничных регионов, к которым относится и Юг России, предопределяет особую конструкцию его реализации. Гарантией существования демократического государства и гражданского общества в стране является становление полиэтничной и многонациональной по составу, но единой по гражданскому сознанию нации россиян. Поэтому, как отмечают Р.Д. Хунагов и З.А. Жаде, одной из необходимых основ формирования гражданской идентичности является такая система образования, которая «способна транслировать от поколения к поколению национальную культуру, обеспечивая открытость для взаимодействия с дру-

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, проект № №16-03-00545 "Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности"

гими культурами и современное цивилизационное развитие нации» [2, с. 7-8]. Наиболее полно данные принципы воплощены с системе поликультурного образования.

В настоящее время в многонациональных регионах России в образовании складывается ситуация культурного многообразия. Это актуализирует усиление поликультурной направленности его содержания. Сложившиеся условия, с одной стороны, требуют учитывать в образовании этнокультурный фактор, с другой – создавать условия для познания и понимания культуры других народов, воспитания толерантного отношения между людьми, принадлежащими к различным этносам и конфессиям. Все это обусловило введение в научный оборот отечественной наукой понятия «поликультурное образование» и использование его на практике.

Как отмечают исследователи, поликультурное образование – это познание человеком поликультуры, возможность его самореализации в поликультурном мире при сохранении взаимосвязи с родным языком, культурой, что в итоге способствует бесконфликтной идентификации личности в многокультурном обществе и еѐ интеграции в поликультурное мировое пространство [3, с. 142]. Процесс воспитания в контексте поликультурного образования направлен на формирование таких элементов гражданской идентичности как социальная инициатива, способность к осуществлению собственной оценочной деятельности, самостоятельная выработка жизненной позиции, толерантность. Приоритетным направлением конструирования гражданской идентичности в системе поликультурного образования является формирование мировоззрения, основанного на знании и понимании самобытности культур разных народов, уважении национальных ценностей, осознании необходимости сохранения культуры мира.

Основополагающим принципом поликультурного образования выступает принцип диалога и взаимодействия культур, сохранения и создания новых культурных ценностей. Образование, с одной стороны, должно способствовать осознанию человеком своих корней и определению места, которое он занимает в мире, а с другой – привить ему уважение к другим культурам. Исследования Т.И. Баклановой, С.С. Балашовой, С.Б. Рыжих и др. показали, что в основе поликультурного образования лежит управляемое познание этнической культуры. Таким образом, поликультурное воспитание предполагает формирование таких гражданских качеств как осознание равенства культур, наций и этносов, положительного отношения к поликультурной среде любого сообщества наряду с четкой этнической идентификацией и любовью к своей родной культуре.

Из этой цели вытекают следующие конкретные задачи поликультурного образования: глубокое и всестороннее овладение учащимися культурой своего народа; формирование у обучающихся представлений о многообразии культур в современном обществе, воспитание толерантности, позитивного отношения к культурным различиям; создание площадок постоянного взаимодействия представителей различных культур, в рамках которых возможно

развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия, диалога.

Как отмечает Л.И. Молодинашвили, содержание поликультурного образования многоаспектно и отличается высокой степенью междисциплинарности; последнее позволяет рассматривать проблемы поликультурного образования как в составе основных учебных курсов (гуманитарного, естественнонаучного, художественно-эстетического циклов), так и в специальных факультативах по истории и культуре отдельных народов, в частности через изучение родных языков этих народов [4, с. 38]. Содержание образования при этом должно содержать гуманистические идеи, характеризовать уникальные самобытные черты в культурах различных народов России и мира, показывать общие черты в культурах российских народов, которые позволяют им жить в мире и согласии, раскрывать ускоряющийся процесс глобализации, взаимозависимости стран и народов.

Таким образом, поликультурное образование – важная часть системы образования в полиэтничных регионах России, способствующая усвоению обучающимися знаний о других культурах, духовных ценностях народов, формированию толерантности и культуры межкультурного общения. Оно является основой для формирования гражданской идентичности личности, одной из первых ступеней к непрерывному совершенствованию своих навыков, умений, знаний и различных видов деятельности в современном обществе.

Литература:

1. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Гражданская и этническая идентичность жителей ЮФО: социологический анализ // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство; право и управление. 2011. № 3. С. 63-68.
2. Хунагов Р.Д., Жаде З.А. Система образования как институт формирования гражданской идентичности молодежи // Власть. 2014. № 12. С. 5-9.
3. Зинченко Е.О. Поликультурное образование как основа формирования профессиональной, социальной и личностной идентичности // Сборники конференций НИЦ «Ноосфера». 2013. № 22. С. 142-143.
4. Молодинашвили Л.И. Поликультурное образование как фактор сохранения культурного многообразия // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 15. С. 37-41.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮГЕ РОССИИ (1917 – 1921 гг.): ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Н.А. Почешхов
доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация*. В представленной статье автор рассматривает социально-исторические особенности гражданской войны в 1917 – 1921 гг.и ее влияние на социально-политическое положение Юга России в постреволюционный период.*
Ключевые слова*: гражданская война, историография, Юг России.*

В наши дни новые возможности для понимания проблем гражданской войны связаны с развитием «военной антропологии» и предпринимаемыми настойчивыми попытками ее теоретико – методологического обоснования. Применение аналогичного подхода при изучении истории войны на Юге России позволяет не только понять общие причины, но и характерные особенности, обусловившие гражданское противостояние в регионе и приведшие к социальному взрыву [1].

В целом события гражданской войны представляли часть системного кризиса, вызревавшего длительное время и проявившегося чрезвычайно резко, социально аффектированно [2]. Истоки противоречий разного уровня уходили в XIX век, ко времени реализации имперской экспансионистской политика России в этом регионе. В результате Кавказской войны и вхождения в состав России, традиционная система, регулировавшая общественную жизнь, была фактически разрушена, что обусловило кардинальные изменения в образе жизни и психологии людей. Естественно, что исторически сложившиеся противоречия не могли быть преодолены в течение 50 – 60 лет: в годы Гражданской войны они проявлялись самым непосредственным образом. В этой связи заслуживает внимания предпринятая Э.А. Шеуджен попытка исследования Кавказской войны на основе историко – антропологического подхода [3].

Одной из характерных особенностей новейшей российской историографии Гражданской войны в России является устойчивый интерес к мемуарной литературе, в том числе и русского зарубежья. По своему характеру, будучи источниками личного происхождения, воспоминания позволяют исследовать не только традиционные проблемы, но используя возможности антропологического подхода проанализировать физическое, психологическое, морально – нравственное состояние «человека войны».

Гражданская война, как и любая экстремальная ситуация, обнажала крайние сто-

роны человеческой натуры. Наряду с проявлением лучших человеческих качеств, война демонстрировала всю гамму психопатологии массового сознания. Антагонизм и противоречия находили выход в весьма типичных для России явлениях – поджогах и грабежах, массовых протестных выступлениях [4]. Эта проблема нашла отражение почти во всех воспоминаниях [5]. Гражданская война, с одной стороны, провоцировалась, а с другой – вызывала к жизни такие социальные явления, как миграция населения, эмиграция, деклассирование, дезертирство.

В современной отечественной историографии проблему «человека с ружьем» достаточно остро поставили П.В. Волобуев и В.П. Булдаков [6]. Человек воюющий – это особое явление, причем не только социальное, но и психологическое [7]. При таком подходе предметом изучения становится «человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, а также те аспекты жизни «гражданского», мирного общества, которые характеризуют его подготовку к подобного рода экстремальным историческим ситуациям и отражают их последствия» [8].

Именно этой стороне вопроса историки уделяют все больше внимания [9]. Исторические исследования тем самым приобретают новые критерии: в настоящее время, наряду с традиционным описанием событий гражданской войны, немалые усилия исследователей направлены на воссоздание человека в противоречивых условиях войны, с его переживаниями, с взаимодействием «культуры страха», «культуры стыда», «культуры вины».

Особое значение при обращении к проблемам гражданской войны приобретает проблема лидерства. В воспоминаниях, описывается реакция на гибель при неудачном штурме Екатеринодара генерал Л.Г. Корнилова: за которым шли «слепо, с восторгом, в огонь и в воду» [10].

Психосоциальная интерпретация гражданской войны заметно отличается от социально – политической. В любую эпоху человек проявляет свою деятельную, мыслящую, чувственную суть, в то время как в годы войны он неизбежно превращается в персонаж жизненной и исторической драмы. В значительной степени развитие и углубление гражданского противостояния зависело от отношения населения к разворачивающейся борьбе: его активности и даже пассивности [11].

В плане формирующихся новых исследовательских подходов все большее значение приобретает исследование групп населения, отторгавших гражданскую войну в принципе и безуспешно стремившихся сохранить нейтралитет. Современных историков все больше привлекает проблема психической пластичности человека в истории и, в частности, в экстремальной ситуации – ситуации войны. Ответ на этот вопрос требует объединения усилий нескольких научных дисциплин: истории, социологии, психологии, антропологии, учитывая, что все традиционно существующие в исторической науке измерения – демографические, экономические, социальные, политические и даже культурологические – не дают полного представления о человеческой жизнедеятельности.

Историко – антропологический анализ открывает принципиально новые исследовательские перспективы. Более того, влечет за собой переструктурирование привычной системы источников, выделение новых документальных рядов, и прежде всего тех, которые касаются массовой психологии [12]. Для понимания морально – психологической составляющей событий гражданской войны, особенно важна проблема террора. Еще в 20 – е годы предпринимались попытки осмысления белого и красного террора [13]. В последние годы предпринимаются попытки осмысления данного явления как в общероссийском [14], так и региональном масштабе [15]. В историографии достаточно остро ставится вопрос о терроре как о явлении, оказавшем непосредственное воздействие на морально – психологический климат в обществе.

В целом характерной особенностью развития исторического знания по проблемам гражданской войны в России и, в частности, на Юге Европейской России продолжает оставаться его чрезвычайная динамичность. Наряду с развивающимися традиционными подходами, все отчетливее проступает новые тенденции: в центре внимания находятся не только общие процессы, но и группы людей и даже отдельные индивиды.

Литература:

1. Сенявская Е.С. Военно – историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 12 – 13.
2. Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 30.
3. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы), XIX век: опыт применения историко – антропологического подхода. Москва – Майкоп, 2015.
4. Согласно статистическим данным к 1914 году русские составляли подавляющее большинство населения области 92,64 %, немцев 0,84 %, армян 0,69 %, поляков 0,14 %, калмыков и татар 0,07 %, евреев 0,07 %, грузин 0,05 % и др. (Кубанский сборник 1915 г. Екатеринодар, 1915. Т. XX. С. 13).
5. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20 – 70 годы XIX века): Сборник архивных документов. Нальчик, 2001. С. 456.
6. Булдаков В.П. Октябрь и XX век: теории и источники // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 33.
7. Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. М., 1992 и др.
8. Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 28 – 38; Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 208 – 217.
9. Зайцев А.А. Мемуарная литература как источник изучения социальной психологии казачества в годы гражданской войны // Казачество в революциях и гражданской войне. Материалы второй Всесоюзной научной конференции. Черкесск, 9 – 11 сентября

1986 года. Черкесск, 1988; Почешхов Н.А. Гражданская война в Адыгее: психологический аспект // Вопросы теории и методологии истории. Вып.1. Майкоп, 1995; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Тихвинский С. Л. Обобщающее исследование истории мировых войн XX века // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 18 – 35 и др.

10. Сенявская Е.С. Военно – историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 12 – 13.

11. Шеуджен Э.А. Революционная идея и изменение психологии личности // Гипнология и интегративная антропология на службе педагогической, спортивной, медицинской и психотерапевтической практики. Мат. Международной конференции 22 – 26 сентября 1994 г. Майкоп, 1994; Она же. «Окаянные дни»: взгляд «изнутри» // Интегративная антропология в решении задач здорового образа жизни. Мат. Научно – практической конференции 22 – 26 мая 1995 г. Майкоп, 1995.

12. Деникин А.И. Очерки Русской смуты. – Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918 г. Париж, 1922. С. 224.

13. Булдаков В.П. Октябрь и XX век: теории и источники // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 33.

14. Быстрянский В. Контрреволюция и ее методы (Белый террор прежде и теперь). Пб., 1920; Раенко – Туранский Я.Н. Адыги до и после Октября. Ростов – на – Дону – Краснодар, 1927 и др.

15. Левин М. Гражданская война: динамика и насилие // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1918 – 1922 гг. Казань, 1995; Он же. Красный и белый террор в России 1918 – 1922 гг. М., 2004 и др.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Н.И. Пшиканокова
кандидат экономических наук, профессор,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

В.В. Шалатов
кандидат экономических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

***Аннотация**. В настоящей статье авторы проводят анализ актуальных этносоциальных проблем трудовой миграции, среди которых выделяются неконтролируемая трудовая миграция и диспропорциональность территориального размещения мигрантов.*
***Ключевые слова**: этносоциальная структура, трудовая миграция, рынок трудовых ресурсов.*

Устойчивое и стабильное социально-экономическое развитие государства и его регионах зависит от ряда факторов и условий, одним из которых является эффективность регулирования миграционных процессов. В данном контексте актуализируются проблемы трудовой и иной миграции, обострение которых на сегодняшний день бесспорно.

Глобализация и, как следствие, интеграционные процессы в современном мире характеризуются интенсификацией трудовой миграции. Сложность механизма трудовой миграции заключается в модификациях: внутренней и внешней. Как правило, внутренняя миграция, при безусловной важности в народном хозяйстве, не вызывает особого отношения со стороны государственных органов управления. В то же время внешняя миграция требует проведения специальной государственной политики, основной функцией которой является регулирование рассматриваемых процессов.

Актуализация такой политики обусловлена расширением процессов нелегальной трудовой миграции. Размеры последней в настоящее время приобрели устойчивую тенденцию к росту. Свидетельством данного обстоятельства являются данные Международной организации труда: численность международных мигрантов составляет более 200 млн. человек, около 90% из которых – трудовые мигранты и их семьи.

Анализ миграционных процессов в России показывает, что необходимость регулирования внешней трудовой миграции возникла здесь в период образования независимых государств на постсоветском пространстве. С возрастанием масштабов стихийной трудовой миграции из стран центрально - азиатского региона эта необходимость еще более возросла. Именно из данного региона появился наибольший

поток трудовых мигрантов (около 80% от общей численности). Вследствие таких процессов Россия заняла второе место в мире по численности трудовых мигрантов.

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо отметить неготовность российского рынка труда адекватно реагировать на резко возросшее предложение рабочей силы. Существующий в стране механизм регулирования внешней трудовой миграции [1] больше характеризуется созданием барьеров, ограничивающих наем мигрантов: известная форма квоты на иностранную рабочую силу; неэкономические условия и другие. Такие ограничительные меры чаще не выполняют функцию защиты рынка труда, а заставляют мигрантов уходить в теневую экономику.

Диспропорции в соотношении спроса и предложения рабочей силы, обусловленные усилением потока беженцев из регионов с боевыми действиями, требуют создания более гибкой, способной быстрее реагировать на эти изменения, политики. Такая политика должна, по нашему мнению, решить такие проблемы как: устранение стихийности на региональных рынках труда; разработка целевых программ, ориентированных на решение задачи нехватки кадров на макроуровне в перспективе; выработка у населения толерантного отношения к мигрантам и недопущения конфликтов на этнической основе; борьба с бюрократизацией на мезоуровне.

Исследуя преимущества и недостатки трудовой миграции в современных условиях, следует отметить неоднозначность такой дилеммы. При наличии ряда негативных последствий слабо регулируемой политики трудовой миграции, можно резюмировать и положительные эффекты. В частности, для принимающей страны существенно сокращаются затраты на обучение мигрантов; снижение стоимости труда мигрантов способствует увеличению объема конкурентоспособной продукции. В качестве положительных последствий трудовой миграции можно отметить снижение уровня безработицы: при сокращении, кадров по причине ухудшения экономического положения фирмы, в первую очередь мигранты теряют работу. В то же время появляется возможность экономии трансфертных платежей (пенсий и иных социальных выплат).

Рассматривая соотношение плюсов и минусов трудовой миграции в России, отметим низкую мобильность коренной рабочей силы, которая характеризуется определенными приоритетами в выборе работы. Большая часть здесь отказывается от низкооплачиваемой и черной работы в пользу более престижных профессий. Данная ситуация чаще встречается в городах, где демографические проблемы и отсутствие прежней системы среднего профессионального образования обусловили провалы в производственном персонале. Как отмечено выше, трудовая миграция в этом контексте может осуществлять положительные функции.

Исследование процессов трудовой миграции показывает, что решение проблемы вакансии в сфере производства невозможно решать исключительно за счет трудовых мигрантов. Рассматриваемая группа, сохраняя свои этнокультурные

особенности, не могут ассимилироваться в нашей системе.

В заключение данного исследования, представляется возможным сформулировать основные направления оптимизации миграционной политики. Для решения этносоциальных проблем миграции необходимы условия, способствующие ассимиляции рассматриваемого контингента. Здесь важную роль могут играть работодатели, соблюдающие требования трудового законодательства России. Уместным представляется использовать зарубежный опыт решения подобных вопросов. В частности, существующий в США ранжированный подход к трудовым мигрантам. Такой метод основан на различиях специализаций, а также поведенческих аспектах мигрантов.

Рационализация миграционной политики, по нашему мнению, должна основываться на принципах контролируемости и пропорциональности территориального размещения мигрантов. Положительный эффект ожидается и от обучения мигрантов тем специальностям, по которым наблюдается наибольшее количество вакансий.

Таким образом, наличие в стране оптимальной (гибкой, последовательной) миграционной политики может обеспечить превращение минусов трудовой миграции в плюсы.

Литература:

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2012.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЁЖИ ЮГА РОССИИ

А.В. Рачипа
доктор социологических наук, профессор,
Институт управления в экономических,
экологических и социальных системах
ЮФУ
г. Таганрог

И.А. Янкина
доктор социологических наук, доцент,
Таганрогский институт управления и экономики
г. Таганрог

Аннотация. *Данная статья посвящена эмпирическому анализу восприятия этносоциальных процессов на Юге России в молодежной среде. На основе проведенного социологического исследования в 2016 году среди студентов Инженерно-технологической академии Южного федерального университета (г. Таганрог), делается вывод о нарастании в сознании молодых людей идеи мощной российской государственности.*
Ключевые слова: *этносоциальные процессы, молодежь, студенчество, Юг России.*

Полиэтничность российского пространства ставит перед органами управления сложную задачу предотвращения конфликтных ситуаций и преодоление недопонимания в процессе межэтнического взаимодействия. Большую роль в этом играет система ценностей, разделяемая россиянами. Особенно важны те социальные оценки, которые воспроизводит молодежь в рамках этносоциальных процессов. Исследование отношения молодёжи к культуре и традициям, патриотизму и истории «малой» Родины, национальной безопасности позволяет обнажить все грани поведенческих установок молодых россиян. Национальная культура и традиции с одной стороны выступают объединяющим началом, формирующим для молодежи образ малой Родины. С другой стороны они являются разобщающим фактором, подчеркивающим возможность формирования центробежных сил в динамике этносоциальных процессов. Исследования, проводимые в данном направлении, позволяют лучше понять мировоззрение мо-

лодёжи, её отношение к современной России и факторам развития этносоциальных процессов.

В связи с этим обратимся к результатам конкретного социологического исследования, проведённого в 2016 году в г. Таганроге среди студентов Инженерно-технологической академии «Южного федерального университета», представляющих молодежь юга России. Цель исследования – выявить ценностные установки российской молодёжи и восприятие исторических и культурных событий. Объектом исследования выступала российская молодёжь. Предметом исследования являлось отношение молодёжи к культурно-историческому наследию России. Сбор первичных данных проводился методом анкетирования представителей молодого поколения. Выборка составила 914 человек.

В результате опросов было выявлено, что больше всего молодежь проявляет интерес к истории и культуре России в целом (54%). В то время, как в отношении к своей «малой» Родине интерес в этой связи проявило всего 12% представителей опрошенной молодёжи. При этом, непосредственно историей государства интересуются 57%, а культурой и традициями – 46%. Каждый второй из числа опрошенной молодёжи хочет больше узнать об истории России, в то время, как про историю «малой» Родины – только каждый пятый (см. данные таблицы 1).

Таблица 1. Ранжирование ответов на вопрос «О чем из перечисленного ниже Вы хотели бы узнать больше, чем знаете сейчас? (не более 5 вариантов)»

Ответы	Масштаб группы
История России	50%
Мировая история в целом	33%
История Восточных цивилизаций (Китая, Японии и т.д.)	31%
История Вашей семьи	26%
История Вашей "малой Родины" (края, области, республики)	22%
Европейская история	19%
История исламских государств	11%
История США	11%

Самыми важными социокультурными ценностями, по мнению молодых респондентов, являются моральные нормы (61%), язык (54%) и обычаи/традиции (50%).

Особую важность для молодежи имеют нравственные ценности и патриотизм (см. таблицу 2).

Среди прочего суверенитет России выделяют в качестве ценности 41% опрошенных, а национальный суверенитет – всего 12%. Таким образом, вектор развития этносоциальных процессов направлен в сторону централизации власти, единой и неделимой России. Существенное значение молодежь уделяет национальной безопасности (на это указало 32% опрошенных). В целом, молодые респонденты чаще продемонстрировали объединяющее и сплачивающее начало, чем разъединяющее и сепаратистское.

Таблица 2. Ранжирование ответов на вопрос «Какие из приведенных ниже ценностей являются для вас наиболее значимыми? (не более 5 вариантов)»

Ответы	Масштаб группы
Нравственные ценности	75%
Патриотизм	52%
Суверенитет Российской Федерации	41%
Уровень духовно-нравственной культуры	38%
Национальная безопасность	32%
Общепризнанные герои	27%
Материальные ценности	18%
Общие праздники	16%
Национальный суверенитет	12%
Другое	8%

Россия у представителей молодого поколения ассоциируется, согласно данным таблицы 3, с патриотизмом (указали 70% опрошенных), силой (51%) и культурой (44%).

Таблица 3. Ранжирование ответов на вопрос «Что из приведенного ниже в наибольшей степени отвечает Вашим представлениям о России? (не более 5 вариантов)»

Ответы	Масштаб группы
Патриотизм	70%
Сила	51%
Культура	44%
Духовный мир	38%
Свобода	35%
Взаимопомощь	34%
Права человека	26%
Демократия	25%
Цивилизация	25%
Гуманизм	22%
Моральный упадок	17%
Благосостояние	9%
Насилие	9%
Наркотики	5%

Так как, по мнению молодого поколения, «каждая общность проходит свой путь» (указали 30%), то Россия «должна жить своим умом и идти своим путем» (57%) [1]. Помимо этого, 58% прогнозируют, что она «возродится в скором времени».

Итак, среди молодежи самыми популярными являются идеи формирования мощной российской государственности. Прослеживается желание принадлежать к большой и сильной державе, быть сопричастным к её величию и могуществу. Стремления к патриотизму и государственности преобладают над сепаратизмом. Эти настроения полностью согласуются с идеями федерализма, в то время как идеи националистического толка в ответах респондентов «прописаны» не четко и поддерживаются единицами среди представителей молодого поколения.

Литература:

1. Рачипа А.В., Янкина И.А. Историческая память: динамика ценностных ориентаций и оценок молодого поколения// Социально-гуманитарные знания. 2014. №7. С.210-215.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

А.В. Сериков
кандидат социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

***Аннотация**. В данной статье рассматривается специфика развития этноконфессиональных процессов в поликультурном пространстве Ростовской области, перспективы гармонизации межэтнического и межрелигиозного взаимодействия посредством выстраивания этноконфессионального баланса.*
***Ключевые слова**: этноконфессиональные процессы, поликультурный регион, религиозно-мировоззренческие группы.*

Исторически сложилось, что Ростовская область, как административно-территориальное образование, как субъект Российской Федерации имеет специфику поликультурного региона. В рамках совместного проживания и совместной деятельности представители различных этнических и этноконфессиональных групп вступают в отношения на межличностном уровне и реализуют коммуникационные стратегии в рамках публичного дискурса. В целом, как отмечают по результатам самостоятельного социологического исследования респонденты, ситуация стабилизировалась, снизилась напряженность (31,6%), но вызывает определенную обеспокоенность то, что 14,9% респондентов заявляет о том, что источником межэтнической напряженности является несовместимость норм и правил поведений представителей разных этнических групп, а 7,8% видят проблему в ущемлении прав на язык и культурное своеобразие.

Иными словами, Ростовская область, как поликультурный регион, испытывает влияние этнодифференциаций по культурному и религиозному маркерам, поэтому актуальным представляется определение векторности конфессиональных отношений, продуцируемых эффектов конфессионального дистанцирования, межконфессионального диалога, конфессиональной идентичности на политическую и социальную стабильность в поликультурном

[1] Данная работа подготовлена в рамках гранта РНФ 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

регионе. Исследования ситуации в Ростовской области является модальным, поскольку отражает тенденции, которые складываются в российском обществе при изменении этноконфессионального баланса, миграционных потоков, неоднозначных тенденций архаизации и модернизации в конфессиональных сообществах.

В связи с этим встают вопросы: в какой степени конфессиональные отношения вносят свой вклад в динамику межэтнического общения, в какой степени действуют традиционные механизмы культурной исторической общности российского народа, с какими негативными последствиями в контексте радикализации отдельных конфессиональных сегментов сталкивается общество, и какими видятся пути преодоления рискогенных явлений и ускорения процесса формирования российской (гражданской) политической нации в системе образования.

Этноконфессиональные отношения интегрированы в систему социальных взаимодействий, конфессиональные общности являются структурной единицей общества, межконфессиональное общение характеризует социальный психологический климат, снижает или повышает социальное самочувствие разных социальных и этнических групп. Соглашаясь с этим утверждением, можно констатировать, что в российском обществе наблюдаются противоречивые процессы, связанные, с одной стороны, с ростом интереса к религиозной традиции, к религиозной культуре, религиозной вере, с другой – нельзя говорить о клерикализации общественной жизни в той же степени, как нельзя утверждать, что в российском обществе формируется активный слой верующих, претендующих на участие в политической жизни и заявку на определение самостоятельной общественной политической ниши.

Как показывают исследования российских социологов под руководством М. К. Горшкова, конфессиональные отношения в российском обществе имеют два измерения: институциональное и повседневное. Для 50% россиян церковь представляется одним из наиболее важных социальных и политических институтов с высокой степенью авторитет и уровня поддержки [1]. По этим показателям церковь уверенно лидирует в верхней ступени институциональной иерархии по степени институционального доверия. В то же время необходимо внести уточнения, связанные с тремя моментами. Во-первых, учитывая традицию «симфонии» церкви и государства в российском обществе, церковь воспринимается как институт в контексте становления и развития российской государственности и не представляется россиянам, как имеющий самостоятельный потенциал для консолидации российского общества. Во-вторых, церковь – это символический институт, институт духовности и культуры, что сужает ее влияние на общественно-экономические и общественно-политические, и социально-экономические процессы, делая упор на социоориентационную, нормативно-ценностную, социокоммуникативную функцию. В-третьих, высокий уровень институционального доверия не означает, что российское общество готово безоговорочно принять позицию в оцерковлении

общественной жизни. Очевидно, что на общественное настроение влияет и активность радикальных групп, проповедующих идею теократии.

Между тем, позиция представителей религиозно-мировоззренческих групп по такому деликатному вопросу, как «распространения религий» свидетельствует о том, что в целом россияне расстроены демократически. 37% полагают, что религиозный выбор является сугубо личным и добровольным, при этом, не приветствуется практика прозелитизма со стороны не традиционных для России течений [2]. Следствиями такого позиционирования является, во-первых, то, что существует разделение между религией, как личным выбором, и институционализированными практиками, в которых верующие осуществляют консолидировано удовлетворение своих конфессиональных интересов. Во-вторых, институционализированные практики, не претендуя на роль механизмов самооргазации и организации верующих в общественно-политической жизни на социальном мезо- и макроуровнях воспринимаются как культурные и этнокультурная традиция, как непременное условие самобытности российской цивилизации и, в какой-то степени, обоснования особого пути России. Это вызывает определенное состояние двойственности, так как, с одной стороны, традиционные религии воспринимаются как принадлежность к российской государственности, закрепляют государственную идентичность, с другой – формируют в общественных настроениях включенность конфессионального фактора в этнокультурные установки и этническую идентичность. Конфессиональный фактор, таким образом, выступает интегративным признаком и создает перспективу формирования надэтнических культурно-символических общностей (православная, исламская).

Важным представляется воспроизводство институционализированных конфессиональных практик в рамках межконфессионального диалога и сотрудничества с государством, с расширением зоны социальной инициативности конфессий, реализации демократии участия в тех процессах, которые вмещаются в опыт межконфессиональных отношений в российском обществе. В этой связи, важно подчеркнуть, что для российского общества следует критически оценить модель толерантности, внедряемую на западе в течение последних двух десятилетий. Не говоря уже об эффекте «обратной дискриминации», связанной с предоставлением привилегий различным меньшинствам, вызывает сомнения и признания того, что и другие обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь [3]. Речь идет о том, что допускается, поощряется институционализация практик, которые могут вызвать у верующих отторжение активной антирелигиозной направленности или насаждением норм, порождающих этническое и конфессиональное высокомерие и обособленность.

Но если согласиться с тем, что религиозный выбор является сугубо личностным и добровольным, что в конфессиональности есть возможность проявления «инаково-

сти», остается открытой проблема регулирования политики толерантности. Как признает М. Уолдсер, реальные достижения толерантности связаны не с установлением «теплых контактов» на межличностном уровне, а с усилиями государства [3]. В поликультурном обществе не следует заниматься политикой поощрения и преумножения культурных и конфессиональных различий, что имеет негативным эффектом возрастание тревог общества по поводу культурной несовместимости. Как пишет российский исследователь С. Г. Ильинская, при существующей практике приоритета коллективных прав в российском обществе и восприятия конфессиональной общности, как группового субъекта, при том, что конфессиональный фактор не только действует на формирование этнической идентичности, но и может усиливать этноцентристские энтенции. Возникает соблазн воспользоваться «плодами» толерантности для изменения государственной политики в рамках произвольно даруемых привилегий отдельным этническим и этноконфессиональным группам [4].

Опыт конфессиональных отношений в российском поликультурном обществе обосновывает позицию «присутствия государства», подразумевает государственный интервенционизм в предотвращении конфликтов на почве этнической и этноконфессиональной дискриминации с возложением доли ответственности на конфессиональные общности, которая состоит в поддержании у верующих чувства российского патриотизма, уважения к правам других людей и поддержания состояния бесконфликтности в межконфессиональном взаимодействии.

Литература:

1. Российское общество как оно есть. Кн. 1. – М., 2015.
2. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. – М., 2015.
3. Уолдсер. М. О терпимости. – М., 2000.
4. Ильинская С. Г. Толерантность. – М., 2007.

ТЕОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМАТИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА В ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЗРЕНИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА 1903 -1907 ГГ. И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ МЫСЛИ

К.В. Стецюк
кандидат педагогических наук, докторант,
Луганский национальный аграрный университет
г. Луганск

Я.С. Рябухина
студент,
Луганский национальный университет им. В. Даля
г. Луганск

С.А. Титаренко
доктор философских наук, профессор
Луганский национальный аграрный университет
г. Луганск

Аннотация*. В статье раскрываются особенности влияния эволюции мировоззрения Н.А. Бердяева (1903 - 1907 гг.) на западноевропейскую теологию культуры XX века.*
Ключевые слова*: теология культуры, мировоззрение, человекобожеский социализм.*

Российское общество, как и вся мировая цивилизация, переживает качественную трансформацию, признаки которой проявляются в интеллектуальной среде элиты, чьи мысли направлены от задач социального устройства к проблеме судьбы человека в современном мире. Следовательно, обращение к творческому наследию выдающегося философа и публициста Н. Бердяева, приобретает принципиально иной смысл, ориентированный на проблему свободы и духовных устремлений человека.

Следует обратить внимание на стремительную динамику бердяевских взглядов и таких движений, как «марксизм», «неокантианство», «новое религиозное сознание», «конкретный идеализм». Так, в 1900-1902 гг. Бердяев свидетельствует о своей идейной принадлежности к марксизму и неокантианству, переходя от неокантианского критицизма к идеалистической метафизике. В 1904 г. он указывает на свой отход от «идеализма» к спиритуализму и религиозно-философской

точке зрения. Позже (1905-1907гг.) Бердяев увлекается идеями «нового религиозного сознания». Наконец, 1908-1910 гг. – период «Вех», переходит к историческому православию, Церкви и смене бывшей радикальности умеренности взглядов.

Первоначально Бердяев разрабатывал проблематику взаимоотношения индивидуального и универсального в рамках неокантианства. Следующим шагом у него является переход от неокантианства к метафизике, где источником нормативности идеала личности, гарантом ее прав и свобод является Бог. Для раннего периода философской мысли Бердяева характерно понимание трагизма и высших целей и смысла.

Можно констатировать, проблеме поиска собственного статуса во вселенской иерархии посвящена центральная нить философских исканий Бердяева на отрезке 1905-1912 гг. «Новое религиозное сознание» можно охарактеризовать как попытку поворота части русской культуро-творческой интеллигенции к духовному опыту христианской религии.

Проблематика «универсального» и «индивидуального» имеет социологическую проекцию. В области социального движения, по Бердяеву, являются два пути – путь человеколюбия и путь боголюбия. Путь человеколюбия – это путь без религиозного, человекобожеского социализма, конечной ценностью которого, является человек, его потребности и желания. В безбожной концепции человека исчезает гарант высшего человеческого образа, высших ценностей, прав и свобод.

Определенным решением проблемы взаимоотношения индивидуального и универсального в творчестве философа Бердяева является христианство. Центральным моментом становится проблема человеческой личности, образа и подобия Божия с одной стороны, а с другой стороны – проблема Бога и идей Боговоплощения. Из утверждения Бердяева, мы видим, что христианское сознание основано на чувстве личности. Только оно признает божественность человеческой природы и дает человечеству центральное место в мироздании.

Рассматриваемые философско-религиозные и антропологические аспекты мысли русского философа, представляют особенный интерес не только с ранним этапом творчества мыслителя, но и с периодом становления собственной религиозности Бердяева, его отношение к православию. Эту тенденцию подхватили западные теологи: немецко-американский философ экзистенциалист, представитель деалектической теологии 20 века Пауль Тиллих и крупнейший английский историк, философ, культоролог Кристофер Доусон.

Кристофер Доусон считал, что социальная культура никогда не была «просто материальным единством» [4, с. 20], а является образом жизни, который основывается на традициях. Он полагал, что важной потребностью для первобытного человека наряду с пищей и оружием, необходимо психическое развитие, с помощью которого человек сопротивлялся враждебным мощным силам, окружавшим его. «Мы не можем провести черту между ре-

лигией и магией, между законом и моралью – так тесно общественная жизнь первобытных людей связана с их религией» [1, P. 113]. Можно сказать, что он рассматривал культуру как духовное развитие человека, который должен соблюдать нормы и правила поведения. Однако, это развитие должно быть подчинено общей вере, т.е. социальный образ жизни, являвшийся культурой, должен направляться и упорядочиваться в соответствии с высшими законами жизни, которые называются религией. Религия, на протяжении всей истории человечества, была центром культуры, духовно-нравственным развитием человека, хранительницей традиций и народной мудрости.

Доусон утверждал, что религия является ключом к истории и поэтому невозможно понять культуру, если не понять «религиозных корней» [2, P. 1]. Первыми произведениями культуры и искусства являлись храмы для богов. Религия проявлялась и в литературных произведениях, искусстве, философии. Власть, законодательство, институты семьи и брака имели также религиозное происхождение. Поэтому, считал Доусон, историческая религия содержит теологический и социологический элементы, т. е. с одной стороны, религия – это вера в существование божественных сил, чья природа неизвестна и таинственна, она контролирует земную жизнь человека и, с другой стороны, эти сверхъестественные силы сопоставляются с материальным миром человека: отдельными людьми, вещами, обрядами, выполняющих коммуникативную функцию между божественным и человеческим мирами и, где религия приобретает социальную форму в культуре.

Для осуществления такой формы необходимы: народ, место и деятельность, влияющие на образование культуры как социальный образ жизни и, естественно, на религиозное развитие [1, P. 93]. Один из факторов – деятельность, наиболее тесно связанная с общественным процессом. Существуют разные религии деятельности: охотников, завоевателей, племени, города и т.д., где главенствуют шаманы, веры в сновидения и культ духов животных.

В духовной жизнедеятельности человека всегда согласовываются природный и человеческий аспекты, поэтому развитие сельского хозяйства и животноводства связаны с религией земледельцев, где характерен культ Матери Земли и плодородия, обладающий священным характером. Религия пастухов отличается о религии земледельцев этической окрашенностью концепции божества, моральными нормами, игравшей ведущую роль в развитии сельскохозяйственного типа культуры.

Жизнедеятельность человека влияет на подход к религии и религиозное отношение влияет на образ жизни общества [3, с. 32]. Культура, понимается как социальный образ жизни, основывающийся на религиозных законах, которые зависят от божественных и сверхъестественных сил. Материальные же изменения, происходящие в жизнедеятельности человека будут преобразовывать культурный образ, который приведет к новому духовному изменению человека – мировоззрению, т. е. изменению образа жизни общества. Поэтому социальную культуру составляют

материальный мир человека и духовный порядок в обществе, координирующие деятельность человека с божественной силой, от которой зависит жизнь общества.

Христианская религия вплетена в историю европейского мира, где духовно-нравственный порядок необходим для выживания общества и поэтому религия является центром социальной, культурной и природной жизни общества.

Культура человека – это дисциплина ума и духа, т.е. социальная дисциплина. Культурный человек должен обладать литературными, музыкальными знаниями, а также познаниями в искусстве, науке и технике. Духовная культура человека – воспитание ума в отношении божественных законов, которая, в первую очередь, предполагает внутреннюю дисциплину, помогающая душе постигать божественное видение окружающей среды, т. е. направлять свою деятельность на охрану естественной среды. Поэтому восстановить духовно-нравственный контроль в обществе может духовная реинтеграция, которая уравновесит жизненное пространство между религией и культурой, будет преобладать духовная целостность культуры христианского мира.

Пауль Тиллих использовал для данного осмысления термин «теология культуры». Он предложил данный термин в своей первой опубликованной речи, произнесенной в Берлинской секции Кантовского общества: «Über die Idee einer Theologie der Kulture» («К идее теологии культуры») [4, с. 62]. Впоследствии он развил эти идеи в своей фундаментальной монографии «Теология культуры», опубликованной в феврале 1959 года. Здесь он доказывает, что религия является одним из измерений духовной жизни человека. Таким образом, творческое наследие выдающегося философа и публициста Николая Бердяева получили свое продолжение в западной мысли и нашли своё терминологическое определение.

Литература:

1. Dawson Ch. The Dynamics of World History… [Selected writings]. Edited by John J. Mulloy. [With a portrait]. London: Sheed & Ward, 1957. XIV. 489 p
2. Dawson Ch. Medieval Essays. – London and New York: Sheed & Ward, 1953. – VII, 271 p
3. Религия и культура / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент.: Кожурин К.Я. – СПб: Алетейя, 2000. – 281 с. – (Миф, религия, культура)
4. Тиллих, Пауль. Избранное. Теология культуры. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 352 с. – (Книга света)

ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ И КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: УРОВЕНЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕГИОНЕ[1]

Д.Н. Стукалова
аспирант,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
г. Ростов-на-Дону

Аннотация*. В представленной статье анализируются особенности межэтнической напряженности в Ростовской области в условиях интенсификации взаимодействия этнических мигрантов и коренного населения, а также выявляются потенциальные факторы формирования межэтнических конфликтов в регионе.*
Ключевые слова*: межэтническая напряженность, этнический мигрант, коренное население.*

Несмотря на то, что в целом Ростовская область не отличается высокой концентрацией открытых конфликтов на почве межэтнических взаимодействий, здесь существует ряд остро конфликтогенных районов. Для того чтобы понять уровень конфликтогенного потенциала, которым обладают миграционные потоки в Ростовской области, необходимо определить уровень межэтнической напряженности в регионе, а также выявить, какие группы этнических мигрантов способствуют возникновению конфликтных ситуаций.

В наибольшей степени на возникновение конфликтогенного потенциала влияют межэтнические конфликты, которые возникают в процессах взаимодействия этнических групп мигрантов с коренным населением Ростовской области. Зоной потенциальной напряженности в регионе становятся места концентрации мигрантов на территории. Важно отметить, что межэтническое напряжение возникает не при дистанционном, а при контактном взаимодействии (личном или социальном). Исследователи выделяют ряд социальных «резервуаров» конфликтных ситуаций, которые имеют место быть в сферах контактного взаимодействия представителей различных этнических групп как на микро-, так и на макроуровне. Для Ростовской области это, прежде всего, различные места проведения досуга (кафе, рестораны, клубы, дискотеки), рынки и магазины, дорожное движение (в том числе, агрессивный или хамский стиль вождения транспортным средством и ДТП), взаимодействие между соседями. Если говорить о макроуровне, то это любая социальная

[1]Работа выполнена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда № 16-33-00030 на тему: «Антропотоки и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

коммуникация и действия в условиях социальных структур и организаций области, в том числе, образовательных учреждений – школ, колледжей, вузов.

Зонами межэтнических разногласий и столкновений мигрантов с местным старожильческим населением являются территории расселения этих мигрантов – это, главным образом, восток Ростовской области, где проживают выходцы из Северокавказских республик – Чечни и Дагестана, лидирующим мотивом для которых выступает трудовая миграция, а также турки-месхетинцы, прибывшие в Ростовскую область в поисках социальной защищенности.

Причинами межэтнических противостояний выступает, прежде всего, конкурентная борьба за экономические, трудовые и земельные ресурсы, а также несоблюдение мигрантами нормативных и ненормативных законов и норм [1]. Сельские районы Ростовской области претерпевают сокращение уровня доходов местных жителей, задействованных в государственном сельскохозяйственном производстве, и общее сокращение занятости. На этом фоне появляются экономически агрессивные мигранты, занимающие коммерческие производственные и торговые ниши [2]. Это способствует развитию межэтнического напряжения на бытовом уровне.

Вместе с тем, исследователи отмечают, что преимущественно в большинство межэтнических конфликтов вовлечена молодежь. Часть молодежи, прибывающей на территорию Ростовской области из республик Северного Кавказа, ведет себя вызывающе, разжигая конфликты. В то время как, так называемые, «местные» чеченцы и дагестанцы-старожилы, не выступают инициаторами конфликтных ситуаций. Объяснение простое: если «местные» представители Северного Кавказа заинтересованы в благополучных взаимоотношениях с коренным населением, то мигранты, которые приехали в регион на период обучения или временного трудоустройства, не видят практической выгоды в адаптации к местному жизненному укладу и интеграции в местное сообщество.

В последнее время столкновения между местным населением и прибывающими из северокавказских республик возникают не только по инициативе последних, но нередко разжигаются и русским населением. Волнения со стороны местных жителей, как правило, спровоцированы стилем поведения мигрантов, связанным с особенностями их культуры, обычаями, нравами. Исследователи выделяют следующий набор каналов формирования негативного отношения местного населения к представителям другой национальности: личный опыт общения, события, произошедшие с родственниками и знакомыми, мнение, сложившееся в социальном окружении, а также информация из СМИ и Интернета. Ситуация усугубляется тем, что местная русскоязычная молодёжь активно покидает экономически неразвитый восток области в пользу города, в то время как этнические диаспоры, наоборот, растут [3], [4].

Одним из самых крупных ежегодных миграционных потоков на территории Ростовской области являются трудовые ми-

гранты из Армении. В 2015 году они разделили первое место с беженцами из Украины по объему прибывших мигрантов. Размещаются они, как правило, в городах области и их окрестностях. Несмотря на то, что культура армянского этноса существенно отличается от культуры местного населения области, мигранты из Армении и члены их семей имеют возможность беспрепятственного трудоустройства в регионе, а также доступ к пакету социальных услуг, включая медицинское обслуживание, доступ к получению образования. Высокий уровень интегрированности мигрантов из Армении в местное социокультурное пространство способствует тому, что отношения коренных жителей области с мигрантами из Армении складываются достаточно благополучно на протяжении длительного времени.

Отношения трудовых мигрантов из Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан) с коренным населением Ростовской области также складываются достаточно мирно. Разница в ментальности, традициях и обычаях местного населения и такого рода мигрантов, несомненно, велика. Однако конфликтов с местным населением, подобно тем, которые случаются с представителями северокавказских миграционных потоков, в регионе не отмечается. В этом отношении таджики и узбеки ведут тихий бесконфликтный образ жизни, опасаясь потерять рабочие места и вызвать опасения у местного населения Ростовской области [5].

Нельзя оставить без внимания потоки мигрантов из Средней Азии – китайцев. Миграционные потоки из Китая, прибывающие на территорию Ростовской области составляет, в основном, китайская молодежь, прибывшая на обучение в ростовские вузы. Китайские мигранты, с одной стороны, проживая вместе с русскими, демонстрируют неконфликтный тип поведения: не привлекают к себе внимания, не проявляют агрессии. С другой стороны, как правило, китайцы находятся под контролем диаспоры, которая может выслать мигрантов из Ростовской области, если они нарушат порядок. Следовательно, независимо от того, усиливается или уменьшается поток китайцев – он не обладает конфликтогенным потенциалом и не представляет угрозы для микроклимата региона.

Таким образом, в ходе рассмотрения основных этнических групп мигрантов в Ростовской области, удалось сделать вывод о том, что в регионе более вероятны конфликты между внутренними мигрантами и местным населением, чем между мигрантами из ближнего, а, тем более, дальнего зарубежья и принимающим сообществом.

Наиболее конфликтогенным регионом Ростовской области являются ее восточные территории, а наиболее высокое межэтническое напряжение возникает при взаимодействии с мигрантами из Северного Кавказа. Отсюда следует, что миграционные потоки из Чечни и Дагестана обладают наиболее высоким конфликтогенным потенциалом. Самым низким уровнем конфликтогенного потенциала на сегодняшний день отличаются мигранты из Армении, а также из стран Средней Азии. Если в первом случае это объясняется

трехвековой историей взаимоотношений коренного населения с армянами, то таджиков и узбеков объясняется, прежде всего, их страхом потери работы и депортации из страны.

Примечательно, что больше всего проблем на межнациональной почве возникает не с прибывшими из других стран, а с так называемыми внутренними мигрантами. Отсюда следует, что местное русскоязычное население региона является цементирующим звеном, способным сдерживать обострение межнациональных отношений.

Литература:

1. Денисова Г.С. Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. Ростов-на-Дону. 2007.

2. Сериков А.В.«О межнациональной ситуации в Ростовской области». [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://sfedu.ru/www/sfedu$news$.show_full?p_nws_id=45712&p_news=1. (Дата обращения: 08.12.2015 г.)

3. Бедрик А.В. Конфликтогенный потенциал СМИ в процессах адаптации этнических мигрантов // Научные исследования: от теории к практике. Изд-во: ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». № 3 (4). 2015. С. 164-166.

4. Итоговый научный отчет по проекту №14-33-01345 на тему: «Оценка факторов и динамики межнациональных противоречий в отношениях между мигрантами и принимающим населением в регионах Юга России», в рамках гранта при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, 2015 г. рук. Барков Ф.А.

5. Ростовской области грозят межнациональные конфликты [Электронный ресурс] / Режим доступа: http:// www.rostov.aif.ru/society/details/125136 (Дата обращения: 20.01.2016 г.)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЮРИСТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.А. Тлехатук
аспирант,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация*. Данная статья посвящена актуальным проблемам формирования правовой идентичности юристов. Автор утверждает, что индикаторами правовой идентичности у субъекта права является наличие правового сознания и правовой активности.*
Ключевые слова*: идентичность, правовое сознание, юрист.*

В условиях сегодняшнего общества, когда профессия юриста является крайне популярной и существует своего рода «профицит» специалистов данной категории, важное значение приобретают именно нравственные и профессиональные качества юриста, как человека, который ежедневно должен самосовершенствоваться абсолютно во всех сферах своей жизни для повышения качества своего собственного профессионализма. В этой связи представляется актуальным рассмотрение становления личности профессионала-юриста через призму его правовой и профессиональной идентичности и самоидентификации. Главными условиями формирующими правовую идентичность выступают постоянное нахождение личности в определенной социальной среде и погружение в социальные практики, где будет актуально самосознание, основывающееся на позитивной оценке институтов права. Справедливо отмечают в ученых кругах, что данные предпосылки, целиком и полностью, отражаются именно в сфере профессиональной юридической идентичности. Данный факт дает все основания для рассмотрения профессиональной идентичности юриста как ведущего типа правовой идентичности.

Качественное изменение современного общества актуализирует процесс переосмысления представлений о сущности и закономерных явлениях правовой жизни граждан России. Модернизирующееся государственное управление страны влечет за собой вопросы о степени качества подготовки и образования профессиональных юристов. Актуальность вопроса обоснована не только лишь проблематикой «перепроизводства» выпускников-юристов, но и причиной упадка доверия граждан к институтам государственной власти, первостепенной задачей которых является обеспечение охраны и защита прав и законных интересов граждан России. Юриспруденция не стоит на месте и, несомненно, ведет научные поиски. Ученые умы страны выше обозначенную проблему предлагают решить с помощью обращения к такой категории как «правовая идентичность». Под правовой идентичностью понимают качество субъекта права,

характеризующее его актуальное состояние посредством юридического самоопределения в категориях прав, свобод, обязанностей и ответственности, воспринимаемых как правовые ценности, обеспечивающие положительные правовое сознание и правовую активность. Для юриста актуальность правовой идентичности как достигнутого состояния юридического самоопределения в категориях прав, свобод, обязанностей и ответственности, основанного на осознании и восприятии их социального смысла и индивидуальной ценности, представляется безусловной [1;с.114].

Российский психолог Л.Б.Шнейдер утверждает, что идентичность, являясь интегративным психологическим феноменом, обеспечивает определенность, тождественность и целостность личности в условиях того или иного социума. Психолог считает проблему идентичности важной, как в плане становления профессионализма человека, так и в плане его профессиональной идеологии. Возвращаясь к вопросу правовой идентичности личности специалиста, важно акцентировать внимание на процессах формирования и социализации индивида, а так же на содержание сущностных компонентов, образующих систему, определяющую жизненные и правовые ценности и ориентации, которые человек намерен реализовать в будущем [2; с.57].

Юрист в первую очередь человек, который интерпретирует, оценивает, говорит и пишет, соблюдает конкретную процедуру. Именно на этих правилах основывается идеальная модель профессиональной идентичности юриста. Идентичность является социо-ментальным явлением, которое поддерживает связь личности и с его социальным положением и позволяет соответствовать индивиду занимаемому им месту в социуме.

Профессиональная идентичность юриста складывается из двух ступеней развития. К данным ступеням относятся: юридическое образование и юридическая практика. Обе эти составляющие одинаково важны для формирования полноценной идентичности профессионального юриста. Подтверждением является довод о том, что образовательный компонент, который не «подпитывается» практическим применением знаний, не может являться достаточным для формирования профессиональной юридической идентичности потому как теоретические знания, являющиеся по сути абстрактными, выступают как составляющие общей эрудиции и, к сожалению, не могут стать достаточными основаниями для полноценной профессиональной идентичности юриста. Рассматривая такой подход к профессиональной идентичности, справедливо возникает вопрос относительно идентичности юристов-представителей науки и образования, а иными словами преподавателей, т.е. лиц, которые в большинстве своем не вовлекаются в юридическую практику. Наука считает возможным именовать идентичность данной категории юристов особой «академической правовой идентичностью», которая, конечно, имеет существенные отличия от профессиональной идентичности юриста-практика.

Глубоко осваивая право, правовые знания и основы, носители академической идентичности, они же преподаватели, все-таки находятся на определенной дистанции с правовой системой, хотя актуализируют и воспроизводят положения правовой системы по ходу педагогического процесса [3;с.106]. Но тем не менее преподаватели-носители академической идентичности не участвуют в приведении права именно в действие, в самом прямом смысле слова. Исходя из всего вышесказанного, разумным будет вывод о том, что основное различие между академической и профессиональной идентичностями заключается в ролях, выполняемых юристами. Соответственно, внутри академической идентичности специалист выполняет роль «наблюдателя»,в то время как в условиях профессиональной идентичности юрист является «участником», который оказывает прямое и непосредственное влияние на правовую систему. Именно от выполняемой юристом роли зависит восприятие им права как такового, что в дальнейшем влияет на процесс осознания своей собственной позиции внутри конкретной группы социума. Следовательно, формирование правовой и профессиональной идентичности юриста неразрывно связано с практическим родом деятельности специалиста, потому как социальная среда и отождествление лица с ее установками определяет внутреннее самосознание и самоопределение человека.

Литература:

1. Исаева Н.В. Подготовка юристов в контексте правовой идентичности //Lex Russica. 2015. № 1. С. 112-120.
2. Шнейдер Л.Б. Экспериментальное изучение профессиональной идентичности. – М.: ООО «Принт», 2000. 128с.
3. Резников Е.В. Профессиональная идентичность юриста // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 1. С. 105-106

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСА: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Ю.Н. Триль
кандидат социологических наук, доцент,
Майкопский государственный
технологический университет
г. Майкоп

Аннотация*. В настоящей статье проведен теоретико-методологический анализ исследовательского потенциала российской гуманитарной науки в изучении этноса как социокультурной и социоприродной категории.*
Ключевые слова*: этнос, этногенез, наука.*

Актуальность изучения этносов обусловлена острой необходимостью создания концепции устойчивого развития социума. В последнее время во всем мире наблюдается всплеск интереса людей к своей этнической идентичности – принадлежности к определенному этносу, повсеместное желание народов сохранить свою самобытность, акцентировать уникальность своей культуры. В нашей стране эти проблемы еще больше актуализированы по причине длительного снижения к ним внимания со стороны государства, ориентиры которого подвергались существенному изменению в результате радикальной ломки общества. Кроме того, Россия является полиэтническим государством, в котором проживает более 170 народов, что вызывает необходимость изучения проявления этничности в современном обществе.

Термин «этнос» (от греч. «группа», «народ», «племя») в отечественной литературе появился в начале XX в. Первую обстоятельную характеристику этого понятия дал в 1923 году русский этнограф С.М. Широкогоров, причислявший этносы к биологическим общностям: "Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающий комплексов обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп". Автор рассматривал этнос как основную форму существования локальных групп человечества, а основными признаками его считал "единство происхождения, обычаев, языка и уклада жизни" [1, с.13].

После революции 1917 года наука в России переживала трудные времена. В конце 20-х гг. понятие «этнос» было объявлено категорией буржуазной науки. Однако многие исследователи участвовали в проведении в жизнь национальной политики Советского государства, осуществлении преобразований культуры и быта. В связи с чем активизировалась теоретическая работа, проводились полевые исследования.

В начале 1950-х гг. в работах отечественных авторов вновь возникает вопрос, что же представляет собой этнос. Однако по-настоящему теоретические проблемы этноса начали разрабатываться лишь с середины 60-х гг.

В современной российской науке распространены четыре основные теории этноса. Социобиологическое понимание этноса наиболее четко представлено в оригинальной концепции пассионарности Л. Н. Гумилева. Согласно данной теории, человек не только социальное существо, хранящее в себе исторический опыт развития человечества, человек еще и часть биосферы нашей планеты, итог ее длительного развития. Являясь частью живого вещества Земли, человек принимает участие в биогеохимических процессах, которые обеспечивают функционирование биосферы. Причем ее составной частью человек становится в виде этносов, которые в совокупности становятся этносферой. Поэтому понятна и роль ландшафта в жизни этноса – это его необходимый элемент: «Этнос – явление географическое, связанное с вмещающим его ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы» [2, с.29]. Этнос, по мнению Гумилева, – это природный коллектив людей с общим стереотипом поведения (этот признак автор считает самым главным для этноса) и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющей себя другим подобным коллективам, на основе дихотомии «мы – они». Причем противопоставление является тем основным механизмом, с помощью которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и включает их в свою культуру.

Эта теория объясняет ряд важных вопросов: о смене одних этносов другими, включении людей в новообразовавшиеся этносы, наличии памяти о своей этнической принадлежности в течение нескольких поколений. Определяющим фактором является функционирование этноса как социального организма, а стереотипы поведения формируются в ходе воспитательного процесса, имеющего у каждого этноса наряду с общими чертами свои индивидуальные характеристики.

Сторонник эволюционно-исторического подхода Ю.В. Бромлей выступал против определения этноса как особой популяции, утверждая его зависимость от социокультурных факторов. Согласно концепции Ю.В. Бромлея человечество, являясь единым целым в биологическом отношении и развиваясь по общим социальным законам, в то же время распадается на множество исторически сложившихся общностей. Среди этих общностей особое место занимают этносы, представляющие собой особую форму человеческой групповой интеграции. Этносы отличаются устойчивыми связями и отношениями, которые сохраняются при различных формах социальной организации. Кроме того, у представителей того или иного этноса присутствуют общие черты психики. Характер этносов определяется социально-экономическими условиями их жизнедеятельности. Ю.В. Бромлей вводит термин «этносоциальный организм», подчеркивая связь этноса с исторической стадией его развития, в первую очередь с обще-

ственно-экономической формацией. Этносоциальный организм образует ядро этноса, проживающего в условиях того или иного социума. Внешние социально-экономические, естественно-географические и другие факторы сами по себе не зависят от этноса, но действуют таким образом, что способны изменять отдельные этнические характеристики.

Таким образом, этнос – это «...исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании». Причем «этническое» играет в процессе формирования этноса «формообразующую роль» [3, с.57-58]. Однако, на наш взгляд, слабостью этой теории является недооценка природных факторов в жизни этноса.

Информационная концепция этноса была разработана Н.Н. Чебоксаровым и С.А. Арутюновым. Авторы предлагают рассматривать механизм существования всех этнических общностей на основе связей, которые могут быть описаны в рамках понятий информации. Эти информационные связи существуют в виде различных форм коммуникаций. Любые отношения, в которые вступают люди между собой, сопровождаются потоком информации, передающейся разными путями: в форме речи, показа, обряда, ритуала, подражания. Главной «информацией» народа являются его культурные традиции, его творческое наследие [4, с.25].

С помощью информационной модели можно объяснить сегодняшний всплеск этничности. Данная теория позволяет взглянуть на этнос не только как на средство достижения экономических и политических целей, но и как на способ удовлетворения фундаментальной потребности в психологической стабильности. Исследователи все активнее соглашаются с тем, что обращение к глубинным этническим ценностям есть защитная реакция человеческой психики на сложность, обезличенность и неустойчивость современной жизни. Стремление к стабильности становится ведущим мотивом поведения. И здесь этнические ценности с их стабильностью имеют явное преимущество перед другими. Чем сложнее информационная ситуация, тем сильнее чувство принадлежности к своему народу, стремление к использованию родного языка, к возрождению моральных ценностей, старинных обрядов, традиционных трудовых навыков. Ведь вся информация проходит через картину мира, зафиксированную в нашем сознании. Основу картины мира составляют этнические ценности, поэтому важность информации оценивается с этнических позиций. Поэтому этничность является информационным фильтром, сужающим спектр допустимых и желаемых реакций человека на ту или иную жизненную ситуацию.

В соответствии с системно-статистической (или компонентной) теорией этноса, разработанной Г.Е. Марковым и В.В. Пименовым, этнос рассматривается как

исторически возникшая и эволюционирующая сложная социальная система, способная к самовоспроизводству и саморегуляции и обладающая многосоставной структурой. Структурными образованиями являются компоненты, которые сами имеют сложное строение: расселение этноса; его воспроизводство и демографическая структура; производственно-экономическая деятельность; система социальных отношений и институтов; язык и формы речевой деятельности; создание и сохранение культуры; существенные стороны психологического восприятия своего этноса и этнической картины мира; система личностных контактов и взаимодействий внутри этноса; быт или устойчивые стереотипные способы поведения, которые реализуются в обычаях, социальных привычках и обрядах. Количество компонентов может изменяться в зависимости от конкретного случая, но при этом все они взаимосвязаны друг с другом [5, с.109].

Завершив краткий обзор основных взглядов отечественных исследователей на проблему этноса, хотелось бы отметить, что своеобразие и сложность современной жизни народов России не могут быть поняты без изучения этнической специфики, что делает проблему этноса всегда острой, актуальной и открытой для дискуссии.

Литература:

1. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923.
2. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. – М., 2007.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983.
4. Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып.2. – М., 1972. – с.23-26.
5. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ИДЕИ

Ф.К. Тугуз
доктор философских наук, доцент,
Проректор по воспитательной работе,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

С.Б. Дабагов
доктор физико-математических наук,
Итальянский национальный институт
ядерной физики,
(INFN Lab. Naz. Frascati)
г. Италия

Аннотация*. В данной статье актуализируется вопрос формирования университетского пространства в исторической ретроспективе, подчеркивается роль европейских мыслителей Нового времени в распространении модели классического университета в современном образовательном пространстве.*
Ключевые слова*: университет, университетская идея, диверсификация образования.*

Реформационные усилия в российской высшей школе в последние десятилетия совпали с обозначившимися в мировой практике трендами, основным из которых выступает то, что получило обозначение «кризис университета». Это явление имеет достаточно широкий причинно-следственный диапазон и, в крайних своих проявлениях, носит сугубо катастрофический характер. С одной стороны, это констатация факта – «Западный университет умер. В это трудно поверить, но такова реальность» [1]. С другой – в небольшой аннотации к наделавшей немалый переполох в научном сообществе книге Билла Ридингса под броским названием «Университет в руинах», утверждается «Идея университета прошла большой исторический путь: от идеи разума (у Канта) через идею культуры (у немецких идеалистов) и до нынешней идеи совершенства или качества. Но сегодня университет оказался «в руинах», поскольку, ни одна из исторических идей не может служить фундаментом его существования» [2]. То есть Б. Ридингс отказывает подобному университету в наличии у него какой либо идеи, связанной с национальными рамками университетской культуры. Однако, обозначая ориентацию деятельности «постисторического» университета на обслуживание социального заказа интернациональных корпораций в виде идеологии «высокого качества», он, тем самым, вопреки собственному утверждению (о невозможности «качества» как идеи университета) определяет не отсутствие идеи университета как таковой, а лишь смену идейных вех.

Именно на этом фоне поиска новых оснований появляются весьма одиозные типизации университетов, такие как: «каменный» – старинный; «башня из слоновой кости» – классический; «смотровая башня – прогнозный; «предпринимательский» – университет-фирма и т.д. Другими словами, университет содержательно трансформируется, попадая в силовое поле экономических и социокультурных преобразований.

Так, диверсификация образования порождает в системе российской высшей школы, как минимум, три группы университетов: классические, технические и профильные, «предпринимательский университет» [3], «инновационный университет». В настоящий момент степень соответствия классического университета новым социальным условиям общецивилизационного развития подвергаются многими исследователями наибольшему сомнению.

Генезис университетской идеи связан с выделением трех этапов, характеризующих облик университета и его образовательное пространство: «доклассический», «классический», «постклассический». Основания и Принципы собственно той модели университета, которая и стала классической, заложены в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. Он состоял не в штудировании сложившегося знания, а в построении учебного процесса на основе фундаментальных научных исследований, «ибо только произрастающая изнутри и проникающая в человека наука способна преобразовать также и характер, а государство, как и человечество, заинтересовано не столько в науке и речах, сколько в характере и действии» [4]. Именноэто обстоятельство способствовало превращению университетов в академические центры, авторитет которых во многом определялся качеством исследовательской практики.

Идея и миссия классического университета затронуты в известных лекциях Дж. Ньюмена [5], в трудах Ф. Шлеймахера, Х. Ортеги-и-Гассета [6], К. Ясперса [7]. Они сходятся в том, что становление новой модели университета определялись европейским разумом, связанным с распространением культуры, в основе которой лежали такие понятия. как «рациональность» и «право» (Г. Карье, 1996).

Традиции обсуждения университетского образования были продолжены в работах Ю. Хабермаса [8], Ж.-Ф. Лиотара [9], Фуллера [10], обнаруживших новые противоречия, показавшиеся Р. Барнету и Б. Ридингсу неразрешимыми в образовательно-культурных рамках классического университета. Это привело их к выводу о «смерти» университета в его существующей модели. М. Тейлор развивает это положение в работе «Долой университет как мы его знаем» [11], где он списывает все трудности современного университета на попытку удержать основополагающие начала «кантовско-гумбольдтовского» университета и необходимость преодолеть это зло приданием университету корпоративного характера.

Что касается российских исследователей, то они охватывают практически всю палитру сложившихся теоретико-методологических подходов: от необходимости «возрождения» ценностных оснований

классического университета, через его реконструкцию на основе идеи и миссии университета, до полного отказа от, несовместимой с современными условиями организации образования, модели университета [12].

Дж. Ньюмен, отмечая родовые признаки классического университета (универсализм и неутилитаризм), особое внимание уделяет характеру знания, присущего природе университета. При этом выделяются два типа знания – универсальное и утилитарное. Если первое – это предельно широкое, не ограничивающее сознание предметной специализацией, то есть знание мировоззренческого порядка, то второе, устремленное к освоению конкретного ремесла, обеспечивает профессиональное действие. Естественно первое и есть собственно «университетское» знание, определяющее и определяемое миссией классического университета, заключенной в развитии интеллекта и духовности, обеспечивающих устремленность к овладению и воспроизведению культуры.

Поскольку образовательная способность именно такой (классической) модели университета ставится в современных условиях под сомнение, следует, в первую очередь, поискать ответ на вопрос «…возможна ли такая трансформация современного образования, которая приведет к возрождению стройной фундаментальной образовательной системы гумбольдтовского типа, или же современное образование основными своими характеристиками имеет изменчивость и прагматичность, а следовательно, необратима утрата возможности возродить фундаментальную образовательную систему, подобную классической?» [13].

Кроме того, следует учесть и то, что с самого своего возникновения университеты были «своеобразными центрами духовно-интеллектуальной власти, центрами подготовки людей, составляющих духовное ядро общества» [14]. Особенно сильно проявлялась эта тенденция в России, подготовка специалистов рассматривалась не только с точки зрения профессиональных знаний, навыков и умений, но и как духовно-нравственное воспитание, во многом основанное на личности профессора-наставника.

Именно поэтому «Идея университета, как она существует в истории теоретической мысли, всегда содержит в себе смыслы, не сводимые к единообразию профессиональной деятельности единиц совокупности. Университет рассматривается как общность людей духовно связанных, осознающих свою избранность и особое предназначение в обществе. Не случайно идея университета осмысливается как миссия университета» [15]. Однако и эта идея затерялась в череде реформаторского формотворчества, все больше выхолащивающего сам дух университета.

Между тем, если говорить о кризисе классического университета в его гумбольдтовском смысле, то следует согласиться с тем, что «…многие базовые принципы, лежащие в его основе уже не соответствуют текущей исторической ситуации, мы можем обратиться к его основной идее – идее универсальности – предполагающей неразрывную связь единого со многим и познание многого через единое.

Не стоит терять из виду и гуманистический посыл гумбольдского проекта, который также может лечь в основу грядущей реконструкции».

Для более четкого выявления проблемы становления современного университета важно не только проследить генезис самой идеи университета и его миссии, но и ответить на вопрос: «что остается основанием университета как особой институции образования?».

Ответом на такую постановку вопроса о действительном университете можно считать мнение немецкого философа К. Ясперса: «Университет – это место где, благодаря условиям, создаваемым государством и обществом, культивируется самосознание эпохи... Следовательно, задача университета тройственна – исследование, передача знаний (образование) и культура. Каждая из этих границ, рассматриваемая сама по себе, не может быть отделена от двух других» [16]. Иными словами, задача университета - подготовить специалистов, владеющих необходимым набором знаний, накопленным столетиями предыдущими поколениями, для выполнения «современных заказов» общества, что и определяет культурный уровень самого общества в его способности предлагать, находить новые пути развития и методы реализации этого развития. Именно здесь взаимопересекаются и находят свое выражение идея и миссия современного университета.

Литература:

1. Барнетт Р. Осмысление университета // Образование в современной культуре. № 1. URL: http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm
2. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010.
3. Грудзинский А.О. Университет как предпринимательская организация.// Социология образования перед новыми проблемами. Москва – Омск. 2003.
4. Фон Гумбольдт К.В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Современные стратегии культурологических исследований. Вып. 1 / Отв. ред. Д.П. Бак. М, 2000. С.72.
5. Newman J.H. (1996) The idea of university. New Haven, CT: Yale Univ. 11. Press. P. 83-84
6. Ortega y Gasset, J. Mision de la Universidad y otros ensayos sobre education y pedagogfa. Madrid, 1999. P.68
7. Jaspers K. Die Idee der Universitat. Berlin, Heidelberg, N. Y., 1980.
8. Хабермас, Ю. Идея университета. Процессы образования / Ю. Хабермас; сокр. пер. с нем. А. Ярина // Alma mater. 1994. № 4.
9.Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с франц. Н. А. Шматко. М.; СПб., 1998. С.129
10. Фуллер, С. Карл Поппер и воссоединение левого рационализма / С. Фуллер; пер. с англ. А. Ю. Стручкова // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 123–124.
11.Taylor M.C. End the university as we know it // The New York Times. 2009. April 26. URL:http://www.nytimes.com/2009/04/27/opinion/27taylor.html?_r=1

12. Gerasimov G.I., Khunagov R.D., Tuguz F.K. Classical Uni-versity: Historical and Socio-Cultural Challenges and Development Tra-jectory Choice // Mediterranean Journal of Social Sciences Vol 6, No 3 S3 (2015) // http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6652, 1,04/0,5 п.л. ; Герасимов Г.И., Тугуз Ф.К. Классический университет; диверсификация типов современного университета; миссия универ-ситета; идея университета // Социально-гуманитарные знания, 2015. №7. 1,0/0,5 п.л.

13. Малахова Ю.Н. О возможности построения университета классического типа в современном обществе. http://psibook.com/philosophy/o-vozmozhnosti-postroeniya-universiteta-klassicheskogo-tipa-v-sovremennom-obschestve.html

14. Шаповалов В.А. Миссия университета // Высшее образование в России. 2005. № 9. С.123.

15. Огородникова И.А., Геринг А.Г. Идея университета – проект воплощения идеальной образовательной формы.// Социология образования перед новыми проблемами. Москва – Омск. 2003. С.108.

16. Цит. по Шаповалов В.А. Высшее образование в социокультурном контексте. М., 1996. С.106-107.

ИДЕОЛОГИЯ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ

О.С. Черевков
магистрант,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

Аннотация*. В статье анализируется влияние идеологии радикального ислама на процесс эскалации межэтнических конфликтов в России. Автор утверждает, что запрет на упоминание национальной и религиозной принадлежности террористов в СМИ позволит ослабить деструктивное влияние радикальных идей на современное общество.*
Ключевые слова*: межэтнический конфликт, ксенофобия, радикализм.*

Говоря о современной ситуации в сфере межэтнического взаимодействия, нужно отметить жизненную для российского государства и общества задачу восстановления и поддержания на высоком уровне доброжелательного взаимодействия между представителями различных этносов и конфессий, проживающих в нашей стране. Однако, при всей деятельности органов власти Федерации и ее субъектов, а также многочисленных общественных и правительственных организаций, направленных на нормализацию межэтнических отношений, существует большое количество регионов, где конфликты на национальной почве являются суровой реальностью. По данным исследования Центра изучения национальных конфликтов, к регионам с очень высоким уровнем межэтнической напряженности, относились Москва, Санкт-Петербург, Дагестан, Ставропольский край и Татарстан; к регионам с высоким уровнем напряженности - Астраханская область, Краснодарский край, Московская область, Нижегородская область, Ростовская область, Самарская область, Саратовская область, ХМАО, Челябинская область [1]. При этом нужно отметить, что в периоды высокой социально-политической динамики напряженность временно снижалась, однако затем вновь начинала возрастать. Такая ситуация наблюдалась во время Олимпийских игр в Сочи, Крымского кризиса, острой фазы конфликта на Юго-востоке Украины и начального этапа военной операции в Сирии.

Среди факторов повышения напряженности межэтнического характера исследователи выделяют следующие:

- неконтролируемая миграция;
- социально-экономическая депрессия, приводящая к «поиску виновных» и ксенофобии;
- отсутствие внятной национальной политики;
- связанная с предыдущей проблема неосведомлённости населения о реальной ситуации и отсутствие культуры межнационального общения;

• противостояние элит и кланов на фоне высокого уровня коррупции и массовой бедности в ряде национальных республик;
• низкая ответственность СМИ, зачастую раздувающих конфликты;
• распространение радикального ислама [2].

В рамках данной статьи будем акцентировать внимание на последнем из перечисленных факторов.

На сегодняшний день российское руководство столкнулось с ситуацией, когда в условиях серьезного внешнеполитического конфликта оно имеет дело со значимыми сегментами общества, внутри которых лояльность к принимаемым властью решениям находится под вопросом и созданы условия для роста политического протеста и насилия. Наиболее высоки риски там, где широко распространен т.н. «неофициальный ислам» (ряд территорий на Северном Кавказе и в Поволжье, сообщества мусульманских мигрантов в больших городах), где существуют глубокие и разносторонние связи со странами и группировками, с которыми Россия находится в конфликте, где сохраняется идея политического сепаратизма (крымскотатарские сообщества Крыма, Татарстан, часть регионов Северного Кавказа), а также отмечается низкое качество работы государственных институтов (некоторые территории Северного Кавказа).

Традиционным посредником между светской властью и мусульманскими сообществами в России являются Духовные управления мусульман (ДУМ). С одной стороны, негативное восприятие российской политики на Ближнем Востоке и практики современных межэтнических отношений частью мусульманского сообщества делает их посредничество более важным. Однако, с другой — возможности для такого посредничества объективно сокращаются. Лояльная реакция ДУМов на политические решения светской власти разрушает доверие со стороны критически настроенных сообществ, отсутствие таковой разрушает доверие светской власти. Помимо этого, «традиционалисты» в рядах ДУМов объективно тяготеют к формированию однонациональных органов управления религиозными общинами, происходит сегментирование по этническому признаку, поскольку для многих народов, особенно Северного Кавказа, ислам является неотъемлемой частью их этнической идентификации. Это дополнительно создает напряженность в сфере межэтнических отношений. Наиболее остро кризис доверия к «официальному исламу» проявляется в некоторых регионах Северного Кавказа, например, в Дагестане. Сильно сказывается явный дефицит убежденных и активных «лидеров мнения», особенно молодых. Воспитание и поддержка такого рода лидеров представляются ключевым направлением усилий в данной области.

С другой стороны, существуют тенденции к увеличению популярности «универсалистских» взглядов на вопрос межэтнического взаимодействия, прежде всего – в среде народов России, исповедующих ислам. Здесь речь идет об идеологии салафизма, распространяющейся в нашей стране наиболее активно с 90-х годов прошлого века. Особенно остро вопрос активизации салафитов в России возрос с по-

явлением такого террористического образования, как «Исламское Государство». Оценки численности российских участников запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство» разноречивы. Но даже если следовать достаточно сдержанным официальным данным (в сентябре 2015 года со стороны руководства ФСБ звучала цифра в 2400 человек) [3], их численность достаточна, чтобы по мере возвращения в Россию в отдельных регионах формировать весомый и способный к расширению радикально-исламистский актив. Уехавшие, как правило, возвращаться не намерены. Но это не значит, что их планы не изменятся, например, в случае военного поражения «ИГ» или в случае постановки задачи «экспорта джихада». По данным министра внутренних дел РФ на сентябрь 2015 года по фактам участия российских граждан в «ИГ» возбуждено 477 уголовных дел [4]. Однако те сроки заключения, на которые обычно осуждают вернувшихся, вряд ли могут их остановить. Напротив, учитывая, что пенитенциарная система в нашей стране стала своего рода «фабрикой исламизма», умеренные сроки заключения при стандартных условиях содержания могут быть удачной возможностью для продолжения борьбы в новых условиях, например, для создания и распространения радикальных «тюремных джамаатов».

Политика своего рода «амнистии», адаптации и «перевоспитания» в отношении части вернувшихся «джихадистов» представляется крайне опасной. Вне зависимости от степени своего реального участия в боевых действиях, они имеют все шансы составить ядро «антисистемных» сил в отдельных регионах, готовых выступить в авангарде сил, подстрекающих местное население на конфликты, в том числе и межэтнические. Как вариант, необходим пожизненный запрет на въезд или увеличение сроков заключения по соответствующим статьям при непременном условии отдельного содержания исламистов в местах лишения свободы.

Помимо всего вышесказанного, террористическую сеть «ИГ» отличает довольно высокое качество и серьезный масштаб работы в сфере социальных коммуникаций. До сих пор эта сеть преимущественно работала на отток из страны нежелательного или опасного контингента и переориентацию внимания «сочувствующих» на дела ближневосточного региона. Однако при определенных условиях она вполне может изменить вектор усилий — в пользу организации самостоятельной работы ячеек «на местах». Причем сложившаяся и довольно успешная практика противодействия «профессиональному» подполью может оказаться не столь эффективной перед лицом более множественных «молекулярных» актов агрессии, закрепляющих устойчивую враждебность между религиозными и этническими категориями населения.

По мнению некоторых политиков и экспертов, решить эту проблему может запрет на упоминание национальной и религиозной принадлежности террористов в СМИ. Это мнение представляется ошибочным и опасным. Принятие такого рода мер чревато потерей контакта с реальностью и, как следствие, запрограммирован-

ной беззащитностью общества перед террором. Ответ на террор не может быть дан вне контекста целей, которые он преследует. Вне учета значимых факторов, которые определяют его формы и мотивы. Этнические и религиозные факторы могут относиться и часто относятся к числу таковых. Безусловно, если террористы стремятся говорить от имени ислама, не стоит помогать им в этом. Но для этого необходимо не запрещать обсуждение фактов, а бороться за их интерпретацию. Например — приложить усилия для жесткого разграничения (в т.ч. в СМИ, правовой системе) ислама как мировой религии и исламизма как радикальной формы ее политико-идеологической эксплуатации.

Литература:

1. Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в России.// Сайт Центра изучения национальных конфликтов. [Электронный ресурс]. URL: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/ (дата обращения 03.11.2016);
2. Факторы межэтнической напряженности в России. // Сайт Центра изучения национальных конфликтов. [Электронный ресурс]. URL:http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/#faktory(дата обращения 03.11.2016);
3. ФСБ: свыше 5 тысяч граждан из России и стран Центральной Азии воюют на стороне ИГ. // Сайт «Информационного агентства России ТАСС». [Электронный ресурс]. URL:http://tass.ru/politika/2272750(дата обращения 03.11.2016);
4. МВД РФ: на стороне «Исламского государства воюют 1,8 тысяч россиян. // Сайт «Известия». [Электронный ресурс]. URL:http://izvestia.ru/news/591692(дата обращения 03.11.2016);

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

И.Б. Чернова
кандидат философских наук, доцент,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

***Аннотация**. В настоящей статье анализируется конфликтогенный потенциал религиозной идентичности условиях радикализации социокультурного пространства региона, определяются условия преодоления межконфессиональных конфликтов и основные направления их превенции.*
***Ключевые слова**: конфликтогенный потенциал, конфессиональная идентичность, фундаментализм.*

Интерес к исследованию социальных процессов, проистекающих на Юге России в последние десятилетия актуализируется всё чаще в связи с существующей здесь совокупностью рисков и вызовов как в экономическом, так и в социокультурном развитии региона, которые способны спровоцировать дезинтеграционные тенденции во всем российском обществе. Усиление межнациональных конфликтов после крушения Советского Союза, попытки манипулирования ростом национального самосознания населения полиэтничного региона увенчались кровавыми столкновениями, трагический опыт которых показал, что не существует эффективного пути развития через применение силы и через унижение человеческого достоинства, через противопоставление граждан одной страны на основе их этнической принадлежности как людей первого и второго сорта. И если межэтническая напряженность на Юге России в настоящее время снижается или обретает латентный характер, то угрозы внутри- и межконфессиональных конфликтов только набирают свою силу, что вызывает особую обеспокоенность не только политиков и ученых, но каждого здравомыслящего гражданина, проживающего в условиях зоны «цивилизационного разлома» - на грани соприкосновения христианского и исламского миров. Задача нашего исследования – определить, как специфика конфессиональной идентичности отражается в существующих угрозах внутри- и межконфессиональных конфликтов, а также установить средства, применение которых в социальной политике региона может способствовать оздоровлению сложившейся ситуации.

Этническая и конфессиональная идентичность чаще всего сочетаются в структуре личности, хотя каждая из них имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при организации любого межкультурного взаимодействия. Этническая

принадлежность дается человеку от рождения, вне его воли и желания. При этом даже воспитанные в националистическом ключе индивиды, уверенные в особом предназначении, избранности собственного народа, превосходстве его над другими, всегда признают необходимость существования в мире других народов, независимо от того, нравятся им эти «инородцы» или нет. Конфессиональная идентичность не является примордиальной. Однако с момента рождения в процессе воспитания в семье, особенно в условиях традиционного общественного устройства, человек получает ответы на вопросы о происхождении своего народа, его истории и культуре, которая базируется на той или иной религиозной основе, он оказывается включенным в систему ритуалов и праздников, в том числе и религиозных, характерных для своего народа. И к тому моменту, когда он сознательно задаст себе вопрос о своем отношении к религии, его ответ в большинстве случаев будет предрешенным в пользу конфессии, в рамках которой существует культура его народа, даже если он будет искренне считать, что непредвзято выбирает из множества возможных религий ту единственную, которая адекватно и полно отражает Истину. В итоге, приобщившись к некой системе религиозного мировоззрения и практики, верующий уже не может признать другие конфессии носителями и хранителями Идеала, служителями Абсолюта.

В лучшем случае к иноверцам проявляется терпимость, как к необходимому злу, но никогда они не признаются равноценными представителям своей конфессии. Особенно явно подобное неприятие проявляют члены радикальных религиозных групп. В настоящее время глобальную угрозу представляют фундаменталистские исламские группировки и организации, которые активно привлекают в свои ряды молодых мусульман, прежде всего среди населения республик Северного Кавказа. Идеологическую основу функционирования данных организаций составляют выхваченные из контекста цитаты Корана и Сунны, с помощью которых обосновывается безусловное разделение всех людей на «партию Аллаха» и «партию шайтана». К числу последних относятся не только все немусульмане, но и те единоверцы, которые исповедуют традиционный ислам и которых радикалы называют «отступниками» и «лицемерами». До тех пор, пока эти люди живы, для радикалов мир на земле невозможен. Так, главный идеолог «Братьев-мусульман» С. Кутб пишет: «Ислам, устремляясь к миру, не имеет в виду тот дешевый мир, суть которого сводится лишь к тому, чтобы обезопасить территорию, на которой проживает население, воспринявшее исламское вероучение. Ислам желает такого мира, под сенью которого вся религия полностью принадлежала бы Аллаху, то есть, чтобы люди, все люди под сенью этого мира поклонялись только Аллаху» [1.245-246].

Даже в границах Русской Православной Церкви в настоящее время ситуация настолько сложная, что близка к расколу. Обсуждение позиции руководства РПЦ МП по проведению так называемого Всеправославного Собора и встречи патриарха Кирилла с Папой Римским в Гаване

разделили православную общественность на сторонников и противников патриарха вплоть до инициирования внутрицерковного судебного разбирательства деятельности патриарха и отказа некоторых из иереев поминать его в ходе литургии [2]. На этом фоне, через ссылку на библейский текст: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе» (Пс.1, 1), утверждается невозможность не только богослужения, но и любого общения православных с представителями иных конфессий и атеистами.

Не удивительно, что гарантированное Конституцией Российской Федерации право на свободу совести понимается в контексте конкретных религиозных групп двояко: одобряется при привлечении новых членов в свою конфессию и не одобряется при пересмотре своих убеждений кем-либо из адептов в пользу другой общины, даже если этот переход осуществляется в рамках одной религии: от салафитского исповедания ислама к традиционному суннитскому или шиитскому, от православного исповедания христианства к протестантскому и т.п.. Наиболее распространенным примером смены конфессиональной идентичности, при которой велик риск внутреннего личностного конфликта, является брак между представителями разных религиозных групп.

Таким образом, интолерантность в той или иной степени свойственна любой конфессиональной идентичности и может выступать в качестве конфликтогенного фактора межличностных отношений в поликонфессиональном регионе, что в свою очередь грозит дестабилизацией социальной сферы и без того переживающей не лучшие времена.

Как, не вмешиваясь в деятельность религиозных организаций, противодействовать сложившимся и назревающим угрозам в сфере духовной безопасности? Для достижения действенного результата на этом пути необходима консолидация усилий государства, общественных объединений и самих религиозных организаций. Многое уже делается. В 2013 году вступил в силу федеральный закон о защите религиозных чувств [3], с учетом новых угроз вносятся изменения в федеральные законы «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О противодействии экстремистской деятельности» [4]. В программах средней школы появились курсы религиозной культуры и светской этики, в армии начали работу с личным составом капелланы. Представители государственной власти регулярно проводят встречи с духовенством действующих в нашей стране конфессий, аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской федерации отслеживаются случаи ксенофобии и дискриминации верующих. Кроме того, большая просветительская работа ведется представителями религиозных организаций среди своей паствы, а именно на этом, первичном уровне проще всего установить и обезвредить ростки радикализма и экстремизма.

Однако до тех пор, пока угроза дестабилизации общества на основе внутри- и межконфессиональных конфликтов сохраняется, работа должна продолжаться как в доказавших свою эффективность

формах, так и в новых. Учитывая, что религиозная идентичность в структуре личности сочетается с другими видами идентичности, возможно идти к поиску единства и взаимопонимания через эти, смежные идентичности, объединяющие представителей разных конфессий, через совместные гуманитарные и культурные акции – участие в восстановлении исторических памятников, в заботе о сохранении природы и в поддержке наиболее незащищенных слоев населения. Такая общая работа на благо России позволит каждому не только проявить свои лучшие личностные качества, показать гуманистический потенциал своей религиозной группы, но и оценить по достоинству своих сограждан иноверцев, ставших единомышленниками в деятельной любви к своей большой и общей родине – России.

Литература:

1. Кутб С. Будущее принадлежит исламу. Эта религия. Вехи на пути Аллаха. – Махачкала, 1997.
2. См. об этом: На патриарха Кирилла подали заявление в Церковный Суд // URL: http://maxpark.com/community/43/content/5035317
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»//URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/37387
4. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // URL: http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-26091997-n-125-fz-o/; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ НОВОГО УРОВНЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В.А.Чигрин
доктор социологических наук, профессор,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
г. Симферополь

И.В. Игнатушко
старший преподаватель,
КГМТУ
г. Керчь

Аннотация. *В данной статье раскрывается влияние электоральной активности населения на выстраивание нового уровня межэтнических отношений, их гармонизации в полиэтничном регионе на примере республики Крым.*
Ключевые слова*: электоральная активность, население, межэтнические отношения.*

В начале ноября 2016 г. Фейсбук взорвала статья Ирины Бекешкиной – руководителя украинского социологического центра «Демократические инициативы». В ней автор с ужасом писала об обвальном падении рейтингов украинских партий и увязке этого падения с электоральной активностью населения. Вывод автора парадоксален: «Давайте отменим выборы, пока не произойдет политического структурирования украинского общества». На это профессор Виктор Щербина в своем комментарии справедливо заметил, что «процедура выборов - это и есть процедура политического структурирования общества, в которой граждане имеют дело с последствиями своей политической позиции - хотят они того или нет. Уважаемая автор статьи предлагает сначала каким-то способом структурироваться (создав в каком-то ином процессе партии), а потом прийти с мытыми шеями и проголосовать. То есть давайте отменим выборы до тех пор, пока не появятся такая партия, которая покажет подходящую социологию».

Анализируя эту ситуацию, которая напоминает известный обвал социологических прогнозов на выборах Президента США, заметим, что в своих попытках оправдать собственную методологическую беспомощность наши коллеги из ближнего и дальнего зарубежья используют тезис «обострения межэтнических отношений». И здесь в обойму их беспочвенных обвинений попадают и южные регионы Российской Федерации, в частности, Республика Крым.

Достаточно вспомнить истерию по поводу того, что, якобы крымские татары и

этнические украинцы «не пойдут на выборы в Государственную Думу» и вообще активность избирателей в Крыму будет минимальной. Попробуем разобраться в проблеме глубже.

Нужно заметить, что электоральная статистика выборов в Крыму и Севастополе в период нахождения Крыма в составе Украины показывала постепенное падение интереса крымчан и севастопольцев к выборам. Пожалуй, единственным мотивом, побуждающим крымчан и севастопольцев идти на избирательные участки, был мотив сохранения своей крымской идентичности, своего языка – языка общения в полиэтническом социуме без ярко выраженного титульного этноса.

Что же касается новой ситуации после вхождения Крыма и Севастополя в российское политическое пространство, то социология фиксирует резкое снижение веса фактора этнической идентичности и одновременное повышение значимости факторов гражданской и социально-пространственной идентичности в мотивации электоральной активности населения.

Подчеркнем, что одним из элементов электорально-правовой культуры является социально-пространственная идентификация. Речь идет о представлениях людей о своих самобытных чертах, осознании их как ценности, достойной сохранения, защиты и признания другими.

Идентичность характерна для сообществ: этнических, национальных, религиозных, профессиональных, региональных, социальных. Отметим, что именно региональная идентичность выступала в качестве консолидирующего фактора, формирующего новый уровень электорально-правовой культуры населения Крыма и Севастополя на выборах в Госдуму 2016 года.

Важным маркером для определения специфики социально-политического сознания жителей Крыма является сравнительно-историческая идентификация, через которую, во-первых, артикулируется принадлежность к определенному историческому поколению, а во-вторых, к тому или иному сообществу.

Фактор русского языка как политического разделителя между регионами Украины проявился уже после выборов в 2006 г., когда областные советы южных областей начали предоставлять русскому языку статус официального на своих территориях, ссылаясь на требования избирателей. Особенно остро вопрос русского языка стоял в Крыму и Севастополе.

Напомним, что в Крыму доминируют три этнические группы: русские, украинцы и крымские татары. Дисперсное расселение русских и украинцев, особенно в городских населенных пунктах, отсутствие между ними языкового барьера, культурная близость привели к большому количеству смешанных браков. Многим из тех, кто родился в русско-украинских или русско-татарских семьях, трудно определить достаточно четко свою национальную принадлежность. В Крыму, особенно активно в послевоенный период, шел процесс межэтнической миксации этносов.

Кроме того русский язык, независимо от этнической принадлежности крымчан и севастопольцев, был главным языком общения. По данным переписи населения,

проведенной в 2014 году в Крыму, назвало своим родным языком русский язык – 1,84 млн. чел. или 84,1% лиц, указавших свою национальную принадлежность.

Начиная с 1954 года с момента вхождения Крыма в состав Украины, власти Украинской ССР настойчиво пытались административно-командным путем внедрить здесь украинские языковые и культурные стандарты. Однако их усилия не привели к существенной украинизации. Скорее, именно украинские переселенцы оказались в поле более сильного русскокультурного влияния.

Об этом свидетельствуют результаты Всеукраинского референдума 1991 года с вопросом: «Поддерживаете ли вы акт провозглашения независимости Украины». Из 1535154 избирателей, внесенных в списки голосования по автономии «за» проголосовали только 561498 человек или 36,58%. Таким образом, почти 2/3 от общего количества крымчан не одобрили или отказались голосовать за Акт провозглашения независимости Украины, что ставит под сомнение легитимность этого референдума в Крыму.

Русские и украинцы Крыма в этом вопросе были едины. Между ними не было проявлений межэтнического противостояния. Более того, попытки внести противостояние извне потерпели крах. Можно констатировать, что перед распадом Советского Союза крымское общество было стабильным и хорошо интегрированным на базе единства восточнославянских этносов. Этнический конфликт в нем отсутствовал.

Поэтому этнические русские и украинцы, как показали данные экзит-полла в Крыму, приняли в выборах 2016 года практически равное участие.

По электоральной активности крымских татар приводятся весьма противоречивые данные. Украинский Президент П. Порошенко заявлял, что «в выборах не принял участие ни один крымский татарин». С подобного рода заявлениями выступали и лидеры самозваного меджлиса.

Какова же ситуация на самом деле? Отметим, прежде всего, что за два последних десятилетия этнический портрет Крыма существенно изменился. В процессе массового и быстрого переселения татар крымское общество стало более полиэтничным, а в любом таком обществе присутствуют предпосылки этнических конфликтов.

Следует отметить, что среди других этнических групп Крыма татары отличаются гораздо большей внутренней этнической гомогенностью, а высокоразвитое чувство этничности позволяет им даже в смешанных браках не терять своей идентичности. У них высокий уровень национального самосознания и сплоченности, осознания принадлежности к татарской культурной традиции и традиционной религии – исламу. В процессе переселения и вызванных этим трудностей произошла этнополитическая мобилизация татар.

В результате, к весне 2014 года вялотекущий этнополитический конфликт как реально существующий феномен в полной мере присутствовал в политической жизни Крыма. Здесь имело место столкновение этнических субъектов политики, пытающихся реализовать свои интересы,

носившие взаимоисключающий характер. Этнополитические элиты активно действовали в процессе развития конфликта, искали поддержку своих позиций за пределами Крыма.

В ходе конфликта активно применялись манифестные и даже силовые методы борьбы. Последние реализовывались в самозахватах земли, столкновениях с силовыми структурами, а также в форме «крестоповалов». Конфликт имел также конфессиональную составляющую, которая сегодня уже не носит определяющего характера.

Возвращаясь к выборам 2016 года, отметим, что призывы к крымским татарам «не голосовать», раздававшиеся из-за Сиваша, практически не сработали. Исключение составили 4-5 немногочисленных избирательных участков (районы компактного проживания крымских татар), явка на которых составляла менее 30 процентов. Что касается подавляющего большинства районов Крыма, то электоральная активность крымских татар была сравнимой с активностью других этносов.

Сравнивая, в заключение, уровень электоральной активности крымчан с активностью в других регионах, мы можем утверждать, что на полуострове активно формируются новые формы гражданско-территориальной идентичности, показателем которой этот достаточно высокий уровень и является.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ МИГРАЦИИ

О.А. Чистякова
соискатель,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация*. Прослеживаются факторы, обусловливающие миграцию. Обосновывается социокультурная обусловленность маргинализации миграционными процессами*
Ключевые слова*: миграция, маргинализация, факторы.*

По данным Международной организации по миграции, в 2015 году число международных мигрантов в мире - людей, живущих в государстве, в котором они не родились, - составило 244 млн человек [1]. Миграция – это часть объективной реальности, существующей в социоэкономическом пространстве современной России. Существующая в стране миграция вовлекает в свой оборот огромные массы людей, перекраивая этнографическую карту России, обнажая социокультурную проблематику, обостряя конкурентную борьбу на национальном рынке труда.

Наиболее важными, на наш взгляд, причинами активизации миграционных процессов, нарастания миграционных потоков в современных условиях послужили экономические факторы, прежде всего - стремление к повышению уровня и улучшению качества жизни. Население депрессивных, бюджетодефицитных территорий, территорий со слаборазвитой социальной инфраструктурой, стагнирующей хозяйственной системой стремится к переселению либо внутри региона (например, из сельских муниципалитетов в городские), либо к переезду из одного региона в другой, более развитый в социально-экономическом плане, либо к эмиграции в другую страну. Желание людей изменить социально-экономические параметры своей жизни, в свою очередь, могут быть вызваны кризисными явлениями в экономике: падением доходов, сокращением рабочих мест, изменением отраслевой структуры хозяйства и т.д.

Другим ключевым экономическим фактором, оказывающим значительное влияние на динамику миграции в современных условиях функционирования российского социума, является желание реализовать личные профессиональные компетенции и ориентации, творческий потенциал [2], что выражается в поиске возможности трудоустройства в другом месте проживания на лучших условиях работы и оплаты труда, на желаемой должности, по имеющейся специальности или профессии.

Игнорирование данного фактора со стороны государства является, на наш взгляд, основной причиной неэффективного использования накопленного человеческого капитала. Модернизация и ускорение социально-экономического развития хозяйственной системы страны призваны ниве-

лировать негативное влияние этого фактора на социально-демографическую структуру общества.

Еще одним ключевым фактором, то замедляющим, то ускоряющим миграционные процессы, как в государстве в целом, так и в его отдельных регионах, является фактор размещения в том или ином регионе крупных производственных и инфраструктурных объектов, реализации масштабных инвестиционных программ и проектов. Действие данного фактора приводит к повышению мобильности определенных профессиональных групп населения (например, строителей, военных), более широкому внедрению специфических способов трудовой деятельности (например, вахтовый метод), изменению структуры рынка труда в отдельных регионах, перестройке системы профессионального образования, социокультурным сдвигам в региональном социуме.

Также миграция входит в число факторов, обусловливающих социальные и культурные изменения, так как выступает причиной сложных социальных процессов, в результате которых рождается современный мир, совершенно не похожий на исторически ему предшествовавшие миры. Как и все социальные процессы, этот процесс, приобретающий все более широкие и, в конечном счете, глобальные масштабы, совершается в людях и через людей.

Миграции сталкивают в непосредственном контакте людей, которые прежде строили свою жизнедеятельность в ранее не соприкасавшихся мирах, что приводит к появлению как межкультурного взаимодействия, так и культурных конфликтов. Успешному построению взаимодействия могут мешать разновекторные способы реакции на происходящие события, различные стереотипы, разноуровневый аксиологический аспект жизни людей, идентифицирующих себя с различными государствами, обществами, культурой. Для сохранения возможности взаимодействия вчерашние мигранты и так называемое «коренное население» с течением времени должны выстроить на месте различных «мы» новое общее «мы», для которого прежние различия будут уже несущественны, если вообще сохранятся. И эти процессы встраиваются в различные модели

Миграции предполагают не только социальное и демографическое перемещение. Они связаны с изменениями в жизни человека, которые затрагивают как мышление, так и поведение личности. Представитель Чикагской школы социологии Э. Парк [3] в качестве теоретического переосмысления человеческого измерения миграции разработал концепцию «маргинального человека», которая в дальнейшем была развита его учениками и последователями.

Теории маргинальности в социологической науке отводится немаловажная роль, однако в определении содержания понятия маргинальности есть немало белых пятен. В социологии оно существует с 1928 года, благодаря Парку, который впервые употребил его при изучении процессов, протекающих в среде иммигрантов. Парк, исследуя иммигрантские сообщества в американских городах и расовое межкультурное взаимодействие, поставил вопрос о типе «пограничного» человека,

характерном для интенсивных миграционных процессов в американском обществе и обозначающим пограничное существование индивида между конфликтующими культурами. Впоследствии понятие маргинальности стало ключевым при изучении последствий неадаптированности мигрантов.

Парк трактует маргинала как мигранта, живущего одновременно в нескольких мирах, которому характерны: чувство моральной дихотомии, раздвоения и конфликта, когда старые привычки отброшены, а новые еще не сформированы. Это состояние можно определить как кризисное, как состояние перманентного кризиса, который способен трансформироваться в тип личности, который включает в себя следующие черты: сомнения в своей личной ценности, неопределенность связей с друзьями и постоянную боязнь быть отвергнутым, склонность избегать неопределенных ситуаций, чтобы не рисковать унижением, болезненную застенчивость в присутствии других людей, одиночество и чрезмерную мечтательность, излишнее беспокойство о будущем и боязнь любого рискованного предприятия, неспособность наслаждаться и уверенность в том, что окружающие несправедливо с ним обращаются.

В то же время Парк не сводит концепцию маргинального человека к типу личности, а связывает ее с социальным процессом. Маргинальный человек предстает перед нами как некий результат процесса аккультурации, когда представители различных культур и рас налаживают взаимодействия, общую жизнь, и поэтому маргинальный человек исследуется с точки зрения общества, частью которого он является.

Парк приходит к выводу о том, что маргинальная личность воплощает в себе новый тип культурных взаимоотношений, складывающихся на новом уровне цивилизации в результате глобальных этносоциальных процессов. Маргинальный человек – это результат взаимодействий различных сообществ, где из конфликта культур появляются новые сообщества и культуры. Маргиналы вынужденно существуют в нескольких мирах одновременно, что обязывает их быть более интеллектуально развитыми, с более широким мировоззренческим горизонтом.

Другой американский социолог, Эверетт Стоунквист, явление маргинальности описывает как существование между двух огней. В данной ситуации человек находится на краю различных культур, но не принадлежит ни одной из них. Маргинальный человек – это личность, занимающая ключевую позицию в контактах культур, среда переплетения культур, в центре которого расположен маргинальный человек, борющийся за лидерство, - это маргинальная среда. Маргинальный человек, маргинальная группа балансирует между двумя социальными мирами, причем один мир преобладает над другим. Внутренний мир маргинального человека характеризуется следующими чертами:

• дезорганизованность, ошеломленность, неспособность определить источник конфликта;

• ощущение «неприступной стены», неприспособленности, неудачливости;

• беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение;

• изолированность, отчужденность, непричастность, стесненность;

• разочарованность, отчаяние;

• разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, бессмысленность существования;

• эгоцентричность, честолюбие и агрессивность.

Таким образом, миграция как перемещение из одного места организации быта и жизни в другое всегда в той или иной степени маргинализирует. Мигрируя, человек не может оставаться в точности тем же самым, кем он был раньше, не может удерживать в неприкосновенном виде свою прежнюю идентичность. Однако маргинализация как процесс, описываемый пространственно-временными характеристиками, не может протекать одинаково, она зависит от конкретных условий и обстоятельств, обусловливающих ее.

Литература:

1. Россия заняла третье место в мире по числу мигрантов /Newsru.com //http://www.newsru.com/russia/19apr2016/migrants.html.

2. Ильинова Н.А. Аксиологический аспект социального бытия общества сквозь призму социально-гуманитарного познания //Власть. Общенациональный научно-политический журнал. – 2014. - № 11. С. 168-171.

3. Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 3. С. 167–176.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ

А.П. Федоровский
доктор философских наук, профессор,
Северо-Кавказский социальный институт
г. Ставрополь

О.А. Мацко
начальник отдела аспирантуры и науки,
Северо-Кавказский социальный институт
г. Ставрополь

Аннотация*. Настоящая статья посвящена проблеме выявления места и роли правовой культуры в стабилизации межэтнических отношений средствами социологической проблематизации. Отмечается, что укрепление правосознания позволит сохранить самобытность культурных традиций, а значит, сформировать объективные условия для усиления этнокультурной идентичности регионального социума.*
Ключевые слова*: правовая культура, стабилизация, межэтнические отношения.*

Правовая культура, в качестве предмета прикладного социологического исследования, рассматривается в достаточно ограниченных контекстах. Как правило, речь идет либо о перспективах снижения уровня криминогенности социума, либо о социализации молодежи. На самом деле палитра воздействия правовой культуры значительно шире, в частности, ее можно интерпретировать в качестве стабилизирующего момента в процессе межнациональной и межконфессиональной коммуникации.

Собственно, дефицит правовой культуры лежит в основании того, что сегодня принято идентифицировать в качестве глобального кризиса мультикультурализма, охватившего многие западноевропейские страны. При этом дается неправильная оценка уроков данного кризиса, суть которой сводится к простой констатации отсутствия принципиальной возможности для совместного толерантного существования различных культур и представляющих последние этносов. На самом деле, никто из участников межкультурного взаимодействия вовсе не обязан испытывать эмпатию к носителям иных этнокультурных традиций или глубоко постигать последние. Речь идет исключительно о строгом следовании существующим законодательным нормам, достаточно подробно регламентирующим правила существования всех тех, кто проживает на территории государства, вне зависимости от их этнической принадлеж-

ности. Таким образом, если этноконфессиональная принадлежность у каждого гражданина может быть своя собственная, то правосознание, вне всякого сомнения, должно быть только общим. Более того, конкретные религиозные и культурные нормы далеко не всегда коррелируют с аналогичными нормами, локализованными в иной социокультурной среде, но, ни одни из них априори не могут иметь никаких противоречий с действующим законодательством, занимающим более высокое место в иерархии общественных регулятивов.

Именно общий рост правосознания позволит сохранить самобытность культурных традиций, обеспечить этнокультурную идентичность их носителей. В ситуации отсутствия информационных границ и открытости границ межгосударственных, крайне важно обеспечить сверхэтнический статус права, не превратив последнее в «заложника» этнокультурного лоббизма. Следует всячески избегать европейского сценария, в рамках которого действуют параллельные законы, фактически отменившие конституцию и «согласующиеся в первую очередь с культурными различиями, а не с правовой позицией государства» [1, с. 153].

Практикоориентированное усвоение права этническим сознанием не видится нам в качестве неразрешимой проблемы, по крайней мере, в России, где длительное мирное сосуществование народов в границах единого правового поля есть факт истории. Здесь ситуация принципиально отличается от той, что сложилась в Западной Европе, где основная инокультурная масса состоит из недавних мигрантов, которым не только чужда культура «аборигенов», но также и не понятны их юридические требования.

В России не существует и такая преграда на пути развития подлинного мультикультурализма как отсутствие полноценной и равноправной вовлеченности всех этнокультурных групп в процессы, протекающие в сфере экономики. Известно, что на Западе многие поколения мигрантских диаспор живут на пособия от правительства, выплачивающиеся за счет средств коренных жителей, что вызывает понятное негодование последних. В нашей стране нет таких этнических структур, которые были бы столь радикально эмансипированы от созидательной трудовой деятельности и имели бы столь низкую мотивацию к труду и, соответственно, обладали бы таким потенциалом собственной криминализации. Вынужденный гипертрофированный досуг, каковым располагают безработные, низкий уровень их доходов формируют явные предпосылки для самой разнообразной преступной деятельности в этой среде. Таким образом, к обвинениям мигрантов в тунеядстве добавляются обвинения в преступлениях сексуального характера, незаконном обороте наркотиков и прочих противоправных деяниях, что лишь увеличивает дистанцию между этнокультурными сообществами.

Логика наших рассуждений приводит к вопросу относительно генезиса правовой культуры применительно к этнокультурной проблематике. Может ли такая культура возникнуть спонтанно, «естественным» путем, или для ее появления необ-

ходимы определенные предпосылки? Ответ на этот вопрос мы находим в компаративистском анализе двух диаметрально противоположных ситуаций, одна из которых сложилась в уже упоминаемом европейском сообществе, а другая, имеет место в Соединенных Штатах Америки.

«Мигрантская» история США составляет гораздо более длительный период и является значительно более успешной, чем соответствующий европейский опыт. И дело здесь не только в том, что Америка использовала модель «плавильного котла», унифицирующего этнокультурные различия, а Европа пошла по пути мультикультурализма, но также и в разнице законодательных систем, равно как и правоприменительных практик.

Североамериканская правоохранительная система всегда действовала гораздо более жестоко, чем ее европейский аналог, лишая правовую лояльность каких-либо реальных альтернатив в качестве поведенческого ориентира. Если в глазах европейских правоохранителей криминально окрашенная этнокультурная девиация видится как культурная особенность, с которой следует считаться и которую следует уважать, то для их американских коллег подобная девиация не может быть изъята из общекриминального ряда, с соответствующим к ней отношением. Адекватная наднациональная позиция американского полицейского снимает с него обвинения в потакании этнической преступности со стороныWASP и, тем самым, канализирует недовольство законопослушного большинства, связанное с криминалом представителей различных этнических групп, снимает его страх перед «другими».

Этноправовая лояльность отнюдь не исключает полномасштабное сохранение у представителя того или иного этноса всего набора социокультурных атрибутов, определяющих его идентичность. Другое дело, что данные атрибуты не смогут продуцировать того, что социологи определяют как «этнострах». Напомним, что под этнострахом принято понимать подсознательную негативную интерпретацию тех культурных отличий, которыми наделены «чужие». Подобного рода фобию, как правило, связывают с интуитивным отказом воспринимать своего инокультурного контрагента в качестве равного, а также с латентной боязнью угрозы «чужого» этнокультурного доминирования.

Однако для социологии апелляция к глубинам подсознательного для объяснения коллективного поведения не выглядит достаточно убедительной. Нам представляется, что главным стимулом предвзятого отношения к иноплеменникам выступает конкретный эмпирический опыт, полученный в ходе деструктивной межэтнической коммуникации, вне всякого сомнения, включающий в себя элементы криминала. Речь, в частности, может идти об оскорблениях национального достоинства, хулиганстве, агрессивном поведении, нарушении приватности и т.п. Очевидно, что никакая этнически окрашенная конфликтогенность попросту ни была мы возможна, если бы все участники коммуникативного действия из числа различных этнокультурных групп неизменно оставались в правовом поле, демонстрировали

свою приверженность духу и букве действующего законодательства.

Содержащаяся в настоящей статье попытка предложить альтернативную идею достижения межэтнического согласия, помимо всего прочего, означает понимание утопичности многих подобных проектов. К числу последних мы относим, в частности, концепцию индивидуального культурного самосовершенствования, якобы приводящего к осознанию значения других культур или теорию подавления гражданской идентичностью иных модусов идентичности, в том числе и этнокультурной. Именно развитое правосознание многонационального социума является достаточным основанием для достижения прочного межэтнического и межконфессионального согласия. Оно нам видится в качестве заключительной составляющей триады, предложенной А.О. Карповым формулы «персональной толерантности». Последний обозначает три вектора такой толерантности: принятие другого, понимание другого и совместное сосуществование. «Принять конкретного другого, - отмечает Карпов, – значит относиться к нему как к своему или как к самому себе. В основе этого модуса лежат чувства симпатии, дружбы, любви, а особое в другом приобретает характер иррационального, не нуждающегося в оправдании. Понять конкретного другого означает эмпатически «встать на его место», то есть рассудочно объяснить и оправдать его особое. Жить просто рядом - это умение терпеть другого; не принимая и не понимая его особое, тем не менее не отвергать его присутствие» [1, с. 155-156].

Литература:

1. Карпов А.О. Диссонансная толерантность как альтернатива позитивной толерантности мультикультурализма // Социс. - № 10. – 2015.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАЗЛИЧАЮЩИХСЯ КУЛЬТУР В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Р.А. Ханаху
доктор философских наук, профессор,
зав. отделом философии и социологии
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследовании им. Т.М. Керашева
г. Майкоп

З.Х. Гучетль
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела философии и социологии
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследовании им. Т.М. Керашева
г. Майкоп

Аннотация. *В статье раскрывается специфика воспроизводства различающихся культур в условиях транзитивности социокультурного пространства полиэтничного региона на примере Северного Кавказа и Юга России.*
Ключевые слова*: различающиеся культуры, полиэтничный регион, культурная мозаичность.*

Особенности культурных процессов на Северном Кавказе и Юге России. На Северном Кавказе, Юге России в ходе всевозможных коллизий исторического развития сформировалось локальное, внутренне дифференцированное сообщество людей, для которого характерны два основных признака. Первый признак это сегментация населения на различные культурные, этнические, религиозные и идеологические общности. Второй – институализация процесса их социального взаимодействия, на уровне органов государственной власти, формальных и неформальных элит, национально-культурных организаций.

Северный Кавказ, Юг России и их сегодняшняя культура исторически сформировались на стыках между христианским, исламским и языческим мирами. Это привело к появлению достаточно своеобразного культурного плюрализма, культурной чересполосицы, в которой часто трудно локализовать культурные ареалы.

В целом же сегодняшняя культура Северного Кавказа и Юга России отличаются многослойностью, полисубъектно-

стью, синкретизмом. Ее нельзя однозначно отнести ни к модернистскому, ни к традиционному типу. Можно сказать, что она ближе всего к трансформирующемуся типу.

Такая культурная мозаичность, при определенных обстоятельствах, может послужить катализатором этнических и политических конфликтов. Северный Кавказ, как показала практика 90-х годов, способен стать очагом нестабильности. В связи с этим возникает вопрос о том, в какой степени культурные отличия могут быть фактором конфликтности.

Рассмотрим различные подходы к анализу таких культурно неоднородных обществ.

Условно их можно разделить на две большие группы. Первая из них акцентирует внимание на «дружественном согласии», «сегментарном плюрализме», подчеркивая те характеристики социума, которые придают ему стабильность, устойчивость.

Повышенная конфликтность фрагментированных обществ объясняется уже тем простым фактом, что различающиеся культуры предписывают (часто в форме императива) разные модели поведения и мышления, вызывают достаточно сильно отличающиеся друг от друга ориентации и установки, формируют разные иерархии ценностей, являются основанием для сильных отличий в эмоциональных реакциях и т.п. Таким образом, культурные отличия можно оценить как определенные предпосылки социальной конфликтности.

В поликультурном регионе, какими являются Северный Кавказ и Юг России социокультурные различия проявляются в наиболее глубинных социальных взаимодействиях – в ценностях и установках в сфере семьи и гендера, в правовой культуре и идентификационных практиках.

Ряд авторов отмечают, что постсоветские социально-экономические и политические процессы вызвали кризис социетальной сферы сложившейся в советский период. На этом этапе, по мнению специалистов, вновь обнаружилась своеобразная конкуренция двух соционормитивных систем, которая проявилась в утверждении значимости этнокультурной специфики различных субъектов, расположенных на Северном Кавказе и Юге России, несоответствия правовых норм РФ и субъектов федерации, доминирование этнической идентичности по отношению к общероссийской[1].

Тем не менее, являясь достаточно серьезной предпосылкой конфликтности, культурные и этнические отличия не обязательно приводят к конфликтам. Более того, при определенных обстоятельствах контактирующие культуры, этносы «открываются» друг для друга, начинается активное, взаимное усвоение инокультурных норм и регуляторов. Постоянный (на протяжении столетий) контакт культур может приводить к «компромиссному» культурному сознанию на базе общечеловеческих ценностей. Контактирующие культуры становятся пластичными, полиморфными и толерантными [3].

Такая взаимная открытость культур формирует особый тип личности, для которого характерно мультикультурное сознание.

Таким образом, при благоприятных обстоятельствах в обществе с фрагментированной (в нашей терминологии) структурой может установиться культурный консенсус как основополагающий фактор социальной стабильности и залог развития.

Фактором, способствующим нарастанию конфликтности культур, взаимного неприятия и отчуждения, служит нарушение баланса культур. Оно может проявляться как явное насаждение одних культурных образцов в ущерб другим, а также как резкая (скачкообразная) утрата статуса и авторитета одной (или несколькими) взаимодействующими культурами.

На Северном Кавказеи Юге России соседствуют не только традиционная и современная культуры, но и типологически однородные этнические культуры. С нашей точки зрения, говоря о конфликте-консенсусе культур, нельзя иметь в виду только традиционный и современный ее типы. Культурное сосуществование даже близких к традиции культур может быть достаточно конфликтным. Как показывает практика, конфликт близких к друг другу культур вызывается чаще всего внешними по отношению к самим этим культурам экономическими, политическими и другими факторами. Яркий тому пример сегодняшний конфликт межу Россией и Украиной.

Так, подобного рода конфликты могут возникать на конфессионально-религиозной основе (известны конфликты между сторонниками разных исламских течений), произошедших в свое время в одном из аулов Дагестана, территориальные претензии между Северной Осетией (Аланией) и Республикой Ингушетия. Иными словами, близость многих коренных народов Северного Кавказа к традиционной культуре не является полной гарантией от конфликтов даже между культурно близкими народами. Сегодня возникают новые угрозы. Так активное развитие современного медийного пространства, прежде всего интернета и массовой культуры, выступают важным фактором стихийной трансформации ценностного сознания, когнитивных и поведенческих установок, всех слоев населения России и в первую очередь молодежи.

Можно сделать вывод о том, что современное культурное взаимодействие на Северном Кавказе и Юге России характеризуется скорее конфликтными (явными или неявными) формами. В нем преобладают нормы и ценности традиционалистского типа, отображающие низкий гражданский статус личности, что ведет к преобладанию государственных форм регулирования жизни над механизмами самоуправления и самоорганизации общества. Это проявляется и в невысокой заинтересованности конкурирующих групп в применении консенсусных технологий.

В экстремальных случаях доминирование подобных норм и ценностей может привести к активизации политических и религиозных движений радикального типа.

Задача состоит не в том, чтобы подавить «старые» господствующие идеологии и культуры и не в том, чтобы изобрести новую «демократическую» доктрину. Необходимо последовательно укреплять духовную свободу, обеспечивать мирное сосуществование даже противоположных

идеологий и стилей гражданского поведения. Стремиться к образованию объединяющих гражданско-культурных и политических ориентаций (а не противопоставляющих), стремиться к достижению массовых идеалов гражданского общества.

Сегодня в современных условиях, мы наблюдаем, как формируется (дополняется до завершенности) не только национальное, но и региональное (северокавказское) самосознание (А. Шадже). Задача возрождения этнически окрашенной традиционной культуры не противоречит и не противостоит на практике тенденции к выработке региональной относительно однородной культуры. Хотя различия остаются, они не акцентируются. Это ведет во многих случаях к появлению и распространению условно-традиционных, обобщенных форм, которые могут существенно отличаться от ранее бытовавших традиционных форм. По сути, они выполняют функцию репрезентанта традиционной северокавказской культуры по ее различению, отграничению от других культур. Таким образом, в этом пункте «возрождение» традиционной культуры сопрягается и плавно перетекает в ее «развитие», в становление ее «вторичных форм» (вторичные традиции), приемлемых для адаптации ее носителей, к новым историческим условиям.

Главным фактором возрождения традиционной культуры следует считать этническое самосознание современных народов Северного Кавказа.

Культурная политика как объект и субъект управления. Культурная сфера как сложная и специфическая сфера может и должна быть объектом управления и регулирования. Особенно важно это для Северного Кавказа и Юга России. Здесь утрата или эрозия любой из этнических культур способны повлиять на межнациональные отношения. В связи с этим возможно нарушение равновесия устоявшихся культурных статусов и зависимых от них групповых социальных ролей. Культурная политика должна учитывать, помимо этнических, и типологически-региональные культурные особенности Северного Кавказа, не допуская конфронтационного размежевания кавказских и некавказских культур.

В современной России государственная политика как и культурная политика на всех уровнях находиться в стадии становления. «Пока идет сложный и противоречивый процесс поиска ее адекватных моделей, принципов, целей, задач и инструментов» [2].

Сегодня в европейских странах идет серьезный процесс переосмысления роли культуры и кульльтурной политки в условиях цивилизационного вызова. Понята и подтверждена незаменимая роль культуры в развитии общества, адаптации людей к изменившимся условиям. Европейские государства нашли оптимальный вариант культурной политики органично сочетающая воедино экономические и социальные факторы. Наряду с официальными средствами государство создало институциональные условия для привлечения в культурную сферу внебюджетных средств, увеличило число субъектов культуры, а за собой оставило роль высшего арбитража.

Как показывает практика многих государств, грамотная культурная политика

может стать серьезным консолидирующим фактором, в полной мере отвечая культурным запросам народов.

Одним из таких запросов является потребность значительной части жителей Северного Кавказа и Юга России в функционировании и развитии традиционных направлений в культуре и искусстве.

Такими направлениями, на наш взгляд могут стать такие важнейшие принципы культурной политики, как **плюрализм, качество** (поддержка качественных образцов культуры); **дистанция** (ограничение возможностей государства, «лоббистов от культуры» проводить эгоистически протекционистскую культурную политику); **патриотическое и интернациональное воспитания, многоуровневое и многоканальное** финансирования. Это важные признаки, как и проведение культурной политики не в соответствии с административно-государственным делением страны, а в соответствии с **«границами»** культурных запросов.

Эти принципы могут служить рекомендациями для деятельности государственных служащих, занятых в сфере культурной политики и иных заинтересованных лиц.

Особо подчеркнем, что в переходные периоды общественного развитая (а именно такой период переживает сейчас Россия) вероятность социальных конфликтов, вызванных культурными и цивилизационными отличиями возрастает.

Экономическая модернизация может не сопровождаться модернизацией неэкономических сфер общественной жизни. В частности, тенденции либерализации политической сферы в переходный период способны, как показывает северокавказская практика, вступать в противоречие с **коммунитаристскими (солидаристскими) тенденциями**. А это, в свою очередь, может стимулировать этноцентристские тенденции слить воедино «этническую и политическую единицы» (Э.Гелнэр). Экономическая модернизация также не свободна от кризисов. Эмоционально нейтральные, рыночные регуляторы вступают в конфликт с традиционными, эмоционально насыщенными. В культурно фрагментированном обществе различаются и типы легитимации власти. В одной этнической группе может преобладать традиционный тип, в другой - харизматический, в третьей - рационально-легальный (М.Вебер). На Северном Кавказе среди коренных народов легитимация власти осуществляется по традиционному и харизматическому типу; среди «русскоязычных» - в основном по харизматическому с определенной «примесью» рационально-легального.

Переходный период характеризуется также перераспределением социальных ролей и зависимых от них статусов. Колебания ролей и статусов социальных групп, изменения в процессах вертикальной социальной мобильности также весьма конфликтогенны.

Эти и другие обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что в переходный период конфликтность в культурно - фрагментированном обществе возрастает.

Снять возникающие социальные напряжения позволяет признание группы (как и индивида) источником власти и формирование на этой основе плюралистического

общества. Снижению социальной межэтнической и иной конфликтности способствует и формирование регионального комплементарного типа культуры, т.е. такого, в котором отличающиеся культуры толерантны друг к другу и способны в большей степени к заимствованиям, чем к конфронтации.

В силу долгого совместного проживания коренных народов Северного Кавказа и Юга России друг с другом, а также с «русскоязычными», здесь сформировался и такой тип культуры, который может быть назван комплементарным. Однако эта комплиментарность в условиях коллизий переходного периода может быть нарушена.

Поэтому особую важность приобретает культурная политика.

Сохранение традиционной культуры Северного Кавказа в новых исторических условиях позволила охарактеризовать также способности и потенциал эволюции. Практика показывает, что глобализационные процессы на Кавказе наталкивается на серьезные социокультурные препятствия. Внешние импульсы (реформы сверху), другие экзогенные факторы (чаще всего европо-и американоцентристские) не дают ожидаемых эффектов.

В то же время срединное положение Северного Кавказа между Востоком и Западом (но все же несколько ближе к Востоку, чем другие регионы России) привело к формированию здесь достаточно открытого, пограничного типа культуры, который в принципе способен воспринимать новации, адаптируя их к своей региональной культуре.

Анализ традиционной культуры Северного Кавказа в современных российских условиях показывает, что оценивать его (как, впрочем, и всю Россию) только как пассивный объект западного влияния было бы ошибкой. Как раз в этом качестве он способен стать неуправляемым. Косвенным подтверждением тому служат процессы в Чеченской Республике - Ичкерия, которая наглядно демонстрирует приоритет сохранения этнической идентичности и культуры.

Опыт ушедшего XX и начала XXI века показывают, что жестких линейных зависимостей в культурных и общественных процессах нет. Замена традиционализма и прошлой системы хозяйствования новыми технологиями не приводит автоматически к появлению гражданского общества, распространению индивидуализма и других качеств, характерных для обществ западного типа. Все дело в том, что формы западной социальной и политической организации общественной жизни выросли не на пустом месте, а из определенных этических, политических и иных укладов, которые весьма отличны и от российских, и от северокавказских. Поэтому не только западные, но восточные модели общественного развития не могут рассматриваться как универсальные. У нее есть альтернативы. Представляется, что одной из таких альтернатив может быть становление в России экономически стабильного, социально устойчивого государства, в котором будут удовлетворены все, в том числе и традиционные культурные запросы.

Литература:

1. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.2013; Л.М. Дробижева, С.В. Рыжова. Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние //Российское общество и вызовы времени Книга вторая./М.К. Горшков и др.; отв. ред. М. К. Горшков, В.В. Петухов. М. 2015.

2. Мурашева. Л.Е. Культурная политика местного уровня: управление в условиях муниципальной реформы//Автореф. дис.канд. соц. наук. АГУ Майкоп – 2015. С.3.

3. Семенов С.И.. Особенности политической культуры в пограничных цивилизациях как фактор прогресса или инволюции. М.1994. С.105.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНЕ: ОПЫТ КОРРЕЛЯЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗАМЕРОВ [1]

З.М. Хачецуков
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета
г. Майкоп

Аннотация. *На основе проведенного кафедрой философии и социологии агу социологического исследования и психофизиологических замеров автор осуществляет корреляцию методико-методологического инструментария изучения межэтнического взаимодействия на Юге России.*
Ключевые слова*: межэтнические взаимодействия, регион, психофизиология.*

Завершенный в 2016 году социологический опрос, проводимый параллельно с психологическим тестированием был направлен на то, что полученные социологическим методом данные будут последовательно сопоставлены с результатами психологического замера. В качестве психологического тестирования были в группах в соотношении 1 к 10 (30 на 300 человек выборки) были проведены психологические тесты Спилберга-Ханина (позволяет определить ситуативную и личную тревожность), Басса-Дарки (позволяет определить уровень враждебности и уровень агрессивности), а также тест Немчина (на тревожность – данный тест выступал дублирующим для теста Спилберга-Ханина). Полученные четыре показателя были сопоставлены с вопросами социологической анкеты, направленными как раз на то, чтобы показать видят ли респонденты напряженность в межэтнических отношениях, считают ли окружающее полиэтничное пространство дискомфортным, враждебным, видят ли угрозу со стороны других этнических групп своим этносам или себе лично, ощущают ли неприязнь к представителям других этносов, проявляют ли по отношению к представителям других этносов агрессию, оптимистично или пессимистично смотрят в будущее в контексте межэтнических и межконфессиональных отношений.

Выводы, полученные по итогам социологического исследования, в большей мере подтвердили выдвинутые в ходе работы над проектом предположения. Выборка составила 1600 человек в шести регионах (Республика Адыгея, Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия). Обобщая выводы, можно сказать следующее.

Рассмотренные регионы различаются по степени этнизации, но более всего – по

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

степени социально-экономического положения. Большинство факторов напряженности имеют корни именно в социально-экономических проблемах, но могут принимать форму межэтнической и/или межконфессионально напряженности ввиду активизации процесса этнической мобилизации в процессе конкуренции за ресурсы и статусы.

Специфика региона как полиэтничного пространства накладывает определенный отпечаток на межэтническое взаимодействие. Обладая большим опытом опривыченых методик аккультурации, жители Юга России несколько иначе реагируют на иноэтничный компонент, например, миграционный. Конфликтогенными становятся не элементы отличия от основной (принимающей) культуры, а элементы нарушения сложившихся институциональных паттернов культурной интеграции и адаптации в данный социум.

В сознании жителей региона нет общего системного представления о этносоциальных процессах как внутри, так и вне региона, несмотря на то, что их влияние ощущается. Однако, существует позитивная установка на сохранение и поддержание мирного сосуществования, негативное отношение к любым попыткам нарушить сложившиеся связи и баланс статусной системы, общая установка на толерантность и доброжелательность, очевидно выработанная в результате многолетнего процесса взаимной культурной адаптации.

Жители региона в вопросах межкультурного взаимодействия полагаются в основном на горизонтальные связи и неформальные институты, признавая при этом высокое значение роли государства и его институтов, но не до конца понимая их действий и методов. Это же приводит к достаточно низкому уровню гражданской инициативы, политического участия в вопросах решения вопросов межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Уровень этнизации различных групп региона еще не достиг окончательно оформления собственной социальной субъектности.

Что касается психологического теста, то тут были получены достаточно интересные результаты, которые вызывают массу вопросов, и требуют серьезной аналитической работы.

Уровень личной тревожности отмечается очень высокий по всем регионам. В среднем очень высокий уровень отмечается почти у половины исследованных, самый высокий процент – для Карачаево-Черкессии (75%).

Столь высокий уровень мы относим скорее к сложности современной социально-политической и социально-экономической ситуации в стране и на ее границах, чем к межнациональной напряженности.

Ситуативная тревожность испытуемых находится тоже в высоких, но менее выраженных позициях. Средние проценты тут распределились равномерно между очень высоким и средним уровнем (по 41%) а в ряде регионов склоняется в сторону умеренного уровня (Республика Адыгея 70% / 23%, Ростовская область 50% / 43%, Ставропольский край 56,6 % / 33 %) . Более того – отмечены показатели крайне низкой (свойственной депрессии) тревожности (до 36,6% в КБР), причем, что любопытно, в Кабардино-Балкарии наблюдается очень большая дисперсия – от 36,6 % очень низкий уровень и 50% - очень высокий, некоторые промежуточные уровни вообще отсутствуют.

Уровень враждебности в среднем по региону тяготеет к нормальному (54,5 %) но немало и высокого уровня (41,5%), что в прочем распределилось по регионам не совсем равномерно. Самый высокий уровень (РО – 66,6%) и самый низкий КБР (30%), тут можно обратить внимание на

данные предыдущего блока и уровень сверхнизкой тревожности в КБР.

Уровень агрессивности напротив выдал крайне невысокие показатели. Средний процент для низкого уровня – 45% (от 72% в Ставропольском крае, до 27% в Краснодарском). Средний процент для среднего уровня – 50%. Высокий уровень не превышает 4,5 % в общем, причем для РА и КЧР высокий уровень вообще не зафиксирован. Такое сочетание высокой враждебности и низкой агрессивности как нельзя лучше подходит к выводам по социологической части. Подавленность и низкая инициативность, отсутствие веры в формальные институты – мы полагаем, именно так должны отражаться на психическом состоянии индивидов.

Последовательное сопоставление результатов тестов и ответов на социологическую анкету позволяет сделать вывод, что большинство этносоциальных процессов отражается на психологическом состоянии жителей региона, однако не является определяющим. Нет прямой корреляции негативных психических состояний с негативными оценками этносоциального взаимодействия, а, следовательно, они вызваны скорее социально-экономическим и социально-политическим состоянием региона.

Подобный подход способен расширить аналитический инструментарий социальных наук, приблизить их по уровню объективности к естественнонаучному знанию, предложить возможности коррекции данных, а также предложить дополнительные категории для анализа.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ РОССИИ [1]

А.Ю. Шадже
доктор философских наук, профессор,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп

Аннотация*. Автор анализирует ограниченность классической и неклассической методологии. Делается вывод о необходимости междисциплинарного подхода/синергетического подхода к исследованию региональных сложных саморазвивающихся систем.*
Ключевые слова*: классическая и неклассическая методология, междисциплинарный подход, социальная синергетика, полиэтничный регион.*

В современной социально-гуманитарной науке актуализировались проблемы этносоциальных процессов. В последние годы к их исследованию обращаются не только социальные науки и политические практики, но и социальная философия. Между тем отметим, что в отечественной науке до недавнего времени этносы рассматривались в марксистской парадигме, пытаясь получить «объективные знания» о них. С этой целью классическая методология опиралась на собирательно-описательное объяснение этносоциальных процессов. Вспомним, что на протяжении многих лет европейские авторы, побывавшие на Кавказе, описывали образ жизни горцев и традиции, формировавшие их мировоззрение, мироощущение и мировосприятие.

В рамках неклассической методологии системно-структурный подход позволил рассмотрение этносов и этнических культур как системообразующие формирования. Для постижения культурных ценностей этносов, восстановления смысла повседневного социального/социокультурного опыта, его коммуникативной и символической природы, выявления ценностного потенциала этнических культур/традиций, определения основы сосуществования множества идентичностей использовались герменевтический и аксиологический подходы.

Между тем, классическая и неклассическая методология сегодня не позволяет исследовать такие сложные открытые системы, как «регион», «социум», «этнос» и т.д., и понять механизм их саморазвития.

3. С конца XX века обозначились новые теоретико-методологические подходы в исследовании и понимании проблем межэтнических отношений. Формируются новые исследовательские традиции – междисциплинарный подход используются учеными, изучающими сложные социокультурные системы. Изучаемые объекты – культура, полиэтничный регион, этноконфессиональное пространство – представлены в качестве целостной развивающейся системы. Поэтому предпринимаются попытки при-

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

менения методологии В.С. Степина о системных представлениях и идеях к этим объектам [2].

4. Возрастающий теоретический и практический интерес к проблеме межэтнической напряженности обусловлен также изменившейся методологической ситуацией в отечественной социологической науке. На смену доминировавшим социологическому реализму и социологическому номинализму пришла *конструктивистская парадигма,* которая позволяла одновременный анализ *общественной среды* (макро-, -мезо- и микроусловий) социальной жизни [3]. Данная методологическая стратегия дает возможность исследовать сознание и поведение человека, его отношение к другим не просто как отдельного индивида, но и члена определенной социальной и этнической группы, представителя определенного общества и этноса, определенной социокультурной среды. В связи с этим возникла познавательная потребность концептуального осмысления активизировавшихся этнических процессов, а также проблем межэтнической напряженности в российских регионах.

5. Анализируя развитие регионального сообщества в условиях межэтнического взаимодействия считаем необходимым остановиться *на* методах изучения этносоциальных вопросов. Современная, постнеклассическая парадигма – синергетическая – позволила нам глубже раскрыть и понять сложившуюся в регионе социальную и межэтническую реальность: выявить географическую, политическую, идеологическую, ментальную детерминанты российской гражданской и этнокультурной идентичности в регионе и степень их воздействия на этносоциальные процессы; построить синергетическую модель укрепления российской идентичности на Северном Кавказе [4].

О некоторых результатах исследования этносоциальных процессов на Юге России. Усилия научного сообщества были направлены на совершенствование методологии и методики проводимого исследования в целях наиболее адекватного отражения социальной практики и расширения возможностей междисциплинарного подхода:

- Проведенное исследование этносоциальных процессов региона в синергетической парадигме, направленное на интеграцию населения и определение путей мирного развития, позволило понять разные стороны проблемы межэтнического взаимодействия, вписать ее в контекст российских и глобальных изменений, рассматривая «горизонтальные» и «вертикальные» связи и изменения на разных уровнях межэтнических отношений. С методологической точки зрения это означает, что между параметрами порядка полиэтничного общества и деятельностью индивидов существует связь: параметры порядка (этнический фактор) оказывают активное влияние на их деятельность, ориентировать их в активности (конструктивной или деструктивной).

Руководство синергетическим методом позволило раскрыть взаимосвязь гибкого управления и самоорганизации рассматриваемых сложных систем, сосуществующих в социокультурной системе, а также выявить деструктивную роль силового вмешательства в естественные процессы, способствующего обострению межэтнических отношений и конфликтов. Доказано, что в условиях нестабильности и неустойчивости они усиливаются под влиянием активизирующейся глобализации.

- Проведенные количественные и качественные исследования (анкетирование и гибкое интервью), взаимодополняя друг друга, позволили получить более полную информацию для понимания роли этнического фактора, воздействия этнических процессов на состояние межэтнического взаимодействия и на инновационное развитие региона. Корреляция результатов анкетирования и интервью позволила сделать

вывод: на состояние межэтнической напряженности в регионе значимую роль оказывает включенность исторической и культурной памяти в сложные социокультурные/этносоциальные системы, что позволило получить новые смыслы прошлого, настоящего и будущего, определить новые горизонты в прогнозировании будущего.

- Состояние межэтнических отношений в регионе связано с выявлением и оценкой значимости прошлого как консолидирующий ресурс. Поэтому в качестве показателя социокультурных перемен здесь выступают изменения в этнических системах, в которых формируются разные виды/уровни идентичности и поддерживается культурно-историческая память, на основе которых рождаются инновационные решения.

Анализ экспертного мнения позволил нам обозначить ряд положений, которые могли бы оказать позитивное влияние на формирование межэтнического согласия в регионе [5]. Необходимо использовать организационный потенциал, т.е. в процессе принятия решений политического и экономического развития страны и ее регионов важно исходить из эвристических возможностей российской национально-гражданской идентичности, активно используя конструктивный потенциал для консолидации граждан страны. Для проведения этнополитики нужна соответствующая идеология/российская национальная идея – патриотизм, смысл и ценность которой должна быть направлена на укрепление единства многоэтничного российского народа. Необходимо совершенствование системы мониторинга этносоциальных процессов в регионе с научно обоснованным категориальным аппаратом и индикаторами, сочетающими количественные и качественные показатели, достоверно отражающими характер межэтнических отношений, действенные способы предупреждения межэтнической напряженности.

Вывод: междисциплинарный подход к этносоциальным процессам позволяет выявить механизм саморазвития этносоциальных процессов в условиях формирующейся новой реальности в сложном Южнороссийском регионе, которые не концептуализируются в прежних категориях и исследовательских методах. Перспективной представляется корреляция полученных социологических, социально-психологических и психофизиологических индикаторов оценки межэтнической напряженности и межэтнических конфликтов, что позволит определить способы регулирования межэтнической напряженности и конфликтов на Юге России. Такой инструментарий является, безусловно, инновационным, не используется в мировом кавказоведении и в россиеведении, и к анализу региона такая методология будет применяться впервые.

Литература:

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 694-695.
2. Тощенко Ж.Т. Социологическое знание: парадигмы, уровни, структура // Проблемы теоретической социологии.: межвуз. сб. Вып. 6. СПб., 2007. С. 53-54.
3. Делокаров К.Х., Шадже А.Ю., Куква Е.С., Чефранов С.Г. Российская идентичность на Северном Кавказе: возможность укрепления в контексте современной науки // Национальная идентичность в Северо-Кавказском обществе: поиски путей укрепления: Коллективная монография / Под общ. Ред. А.Ю. Шадже и Е.С. Куквы. – М.: Российское философское общество – Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. – 192 с.
4. Хунагов Р.Д., Жаде З.А., Шадже А.Ю. Эксперты о формировании межэтнического согласия на Юге России // теория и практика общественного развития. 2016. № 8. С. 13-18.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК ФАКТОР ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ[1]

А. А. Шаов
доктор философских наук, доцент,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

В. Н. Нехай
доктор социологических наук,
доцент кафедры философии и социологии
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Б. Р. Шумафов
аспирант,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация*. В данной статье раскрываются особенности трансформации гендерного статуса женщины в поликультурном пространстве Юга России, рассматриваются социально-демографические последствия ослабления института традиционной семьи для современного общества.*
Ключевые слова*: демографический кризис, этносоциальная напряженность, гендер.*

Образ «новой женщины» — это, прежде всего, образ женщины незамужней и бездетной. Именно эти слова Александры Коллонтай как нельзя лучше подходят для характеристики современного адыгского общества. А ведь в недалеком прошлом многодетные семьи представляли собой норму человеческого общежития, которой свято придерживались все семейные пары. Многодетность как демографическая матрица служила не только защитным форпостом демографической безопасности, но и онтологическим основанием сохранения традиционной социокультуры адыгов. Авангардную миссию по ретрансляции данной миссии через историческое пространство выполняла женщина, которая вегетативно привязывалась к своему потомству, придавая его очеловечиванию сакральное значение. При этом, дети не становились энтелехиальной целью социального бытия матери, скорее, наоборот, сдержанность и аскетизм в процессе первичной социализации формировали чувство ответственности и свободный дух в детской психике. Семей-

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

ная жизнь женщины дополнялась постоянной хозяйственной деятельностью, что напрочь лишало ее эгоцентрического крена.

Однако по мере феминизации этносоциальной среды адыгов в экспоненциальном порядке на протяжении всего XXв., демократизации устоев и лавинообразного ослабления соционормативного потенциала «адыгагъэ» в жизни черкесов, слабый пол в форсированном порядке инкорприровал метод догоняющей модернизации, и за последние три десятилетия совершил «колоссальный скачок» в сторону реабилитации своей многовековой узурпации прав. Положение удручалось массовым исходом населения из сельской местности в город, что спровоцировало практический во всех аулах республики отрицательную динамку механического и естественного движения населения. Урбания беспощадно проводила демографическую санацию за счет расширения образовательных, меркантильных и карьерных возможностей женщины, не предлагая ничего достойного взамен. Оторванность от родительского гнезда, утрата духовной связи с селом, свобода от нарративов традиционной культуры заметно усилила эгоцентрический сдвиг в психике женщины, в результате чего семейные ценности, пронаталисткая ориентация и желание рожать остались не у дел в иерархии смыслотворчества у женщин. Результат не заставил себя долго ждать: с начала 1990-х гг. мы вступили в затяжную волну демографического кризиса, который у нас в республике продолжается и по сей день. Статистика говорит сама за себя: коэффициент рождаемости (КР) по Адыгее в 2014 г. сократился на 0,1 по сравнению с 2013 г. и составил 12,6 детей на 1000 жителей. При этом коэффициент смертности в прошлом году вырос до 13,3 и превысил аналогичный показатель 2013 г. на 0,3 пункта. На фоне естественной убыли в Адыгее большинство регионов Северного Кавказа демонстрируют уверенный рост. К примеру, коэффициент рождаемости в соседнем Краснодарском крае увеличился с 13,2 в 2013 г.до 13,6 в 2014г., а смертности вырос на 0,1 и составил 13 умерших на 1000 человек населения. В Чечне КР составляет 24,4, в Ингушетии – 20,8, а в Дагестане 19,2 пункта [1] Адыгея же демонстрирует статистические показатели рождаемости российской глубинки - Московской, Костромской, Архангельской, Самарской, занимая «почетное» 52 место по КР среди субъектов РФ. И это при том, что государственные меры демографической политики (в частности, программа «Материнский капитал») во многих регионах возымели положительный эффект, тогда как в Адыгее они не дали ожидаемого результата.

Причина демографической ямы, в которой мы находимся до сих пор, коренится в изменении ментальности самой женщины. В условиях стремления к карьерному росту, творческой самореализации и финансовой независимости ослабили ее архетипическую ориентацию на многодетность. Ребенок воспринимается как обуза, дорогостоящая инвестиция, которая ограничивает личную свободу и напрочь привязывает к семейному партнеру. Зачастую женщина забывает о своем непосредственном предназначении, руководствуясь эмоциональными порывами и меркантильным расчетом, который сводит все устремления прогрессивно настроенных семьянинов на нет. В свою очередь, мужчина, который ослабил свое авторитетное значение путем инкорпорации в свое сознание феминных стереотипов, утерял свою функциональную роль главы семейства и отдал на откуп женщине свои семейные обязанности. Поэтому неудивительно, что в социальном измерении гендерный контраст между

мужчиной и женщиной обречен на размывание. Вот это и приведет нас к демографическому коллапсу, когда женщина открестится от своего уникального свойства быть матерью. Но сможет ли тогда мужчина стать репродуктивным аналогом женщины?

К сожалению, ослабленный демографический потенциал сможет спровоцировать количественную и качественную регрессию этносоциальной структуры. В количественном отношении регрессия приведет к следующим последствиям:

- постепенному сокращению численности населения этноса и снижению рождаемости;
- изменению возрастной структуры населения в силу уменьшения доли молодежи и увеличения доли пожилых лиц;
- росту количества монодетных и бездетных семей, что в первую очередь, продуцируется ускорением эмансипационных процессов в феминной среде, ослаблением механизмов этносоциального и этноконфессионального контроля, а также повышением брачного возраста у женщин.

В этих условиях, количественные изменения демографических процессов неизбежно трансформируются в качественные сдвиги, деформирующие этносоциальную структуру адыгов, которые сводятся к следующему.

Во-первых, в адыгской этносреде усиливаются оппортунистические представления о природе брачно-семейных отношений, в которых происходит девальвация статуса мужчины как традиционного главы семейства. При этом апелляция к примордиальным этносоциальным регулятивам воспринимается в качестве дискриминационного дискурса ретроградского толка и вызывает молниеносную контрреакционную риторику адептов радикального феминизма. Данная тенденция индицирует не только кризис института семьи, но и фундирует альтерстратегии традиционной соционормативности в части межгендерного взаимодействия. В условиях размывания традиционных механизмов добровольной легитимации нарративов адыгства в брачно-семейных отношениях будут нарастать анархические ориентации.

Во-вторых, эмансипация женского населения и дальнейшая феминизация этносоциального пространства в контексте выработки демографической ориентации адыгского социума способствует нарастанию бифуркационного эффекта. С одной стороны, активизируется антитрадиционалистская риторика концептами модерна, выводящего институт традиционной семьи за орбиту социального мира, ибо он воспринимается в современном обществе как бесконечно репрессивный для феминной среды. С другой стороны, феминный гендер узурпирует ранее эксклюзивное право мужчины регламентировать систему прав и обязанностей внутри семьи, что, в итоге нивелирует влияние мужского населения на репродуктивную стратегию, как отдельных семей, так и общества в целом. Радикальная феминизация продуцирует напряженность внутри этносоциальной среды, которая становится заложницей столкновения традиции и модерна, объявившего первую «вне закона».

Литература:

1. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-ноябрь 2014 года http://www.gks.ru/free_doc/2014/demo/edn11-14.htm

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

З.З. Шхахутова
кандидат педагогических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

А.К. Берсирова
старший преподаватель,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

***Аннотация**. В представленной статье анализируется процесс становления национально-государственной идентичности в российском обществе посредством укрепления российской государственности, стабильности политической системы, популяризации идей патриотизма, консолидации различных этнических и религиозных общностей.*
***Ключевые слова**: национально-государственная идентичность, государственность, консолидация.*

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. указывается на необходимость поддержки программ формирования единой российской гражданской нации, национально-государственной идентичности. При этом государство и общество определили стратегические приоритеты, в числе которых молодежная проблематика занимает одно из ведущих мест.Анализ современных идентификационных процессов также подтверждает необходимость конструирования национально-государственной идентичности, формирующейся в рамках традиционной культуры и социальных связей, обусловленных этническими и социокультурными особенностями.

Проблема идентичности приобретает первостепенное значение в современной России, одновременно претерпевая радикальные трансформации. Именно этим и определяется острота дискуссии о ее сущности. Представляется, что проблемы идентичности нельзя «прописать» по ведомству какой-то одной науки. Следует согласиться с учеными, которые полагают, что методологически корректная соотнесенность концепций и положений разных дисциплин позволит рассмотреть одни и те же проблемы с различных позиций, будет способствовать осмыслению идентичности в контексте динамики прошлого, настоящего и будущего [1]. Именно возможности междисциплинарного анализа, на наш взгляд, позволят вписать идентичность в контекст российских и глобальных изменений. Таким образом, очевиден тот факт, что изучению идентичности уделяется большое количество времени и сил в ученых кругах современной науки, потому справедливым будет вывод о необходимости укрепления и становления самосознания каждого гражданина Российской Федерации.

Изучая идентичность, каждая наука опирается на свое видение этого феномена, свою методологию и методику: в рамках политологического подхода в центре внимания –

гражданская идентичность; социологи обращают внимание на социокультурные особенности идентичности; социально-антропологическое и этнологическое изучение формируется в контексте этнической проблематики идентичности; культурологи при определении сущности идентичности стремятся увязывать ее содержание с особенностями национальной культуры; философы трактуют идентичность в терминах принадлежности к социальной группе; философско- антропологический подход опирается на анализ социокультурных типов идентичности в контексте взаимодействия человека, культуры и социальной общности.

Несмотря на наличие множественных подходов к исследованию различных аспектов проблемы идентичности, до сегодняшнего дня остается значительный объем неразработанных аспектов. Это объясняется тем, что каждый этап исторического развития предъявляет свои требования к идентичности, анализ которой оставляет широкое поле для исследователей современности.

Тема идентичности – ключевая с точки зрения понимания сути российской нации и цивилизации, выработки и реализации стратегии их сохранения и созидательного развития. В условиях модернизации России, когда одной из основополагающих задач государства и общества является объединение российской нации, в иерархии ценностных приоритетов на первое место следует поставить укрепление российской идентичности, ее утверждение на всех уровнях – человека, социума, государства.Всеобщее обнищание российского общества, потеря перспективы общественного развития, всеобщая апатия, духовный кризис, необоснованное перенесение на российскую почву чуждых элементов, поляризация социума в процессе социально-экономического и социокультурного развития привели к люмпенизации и маргинализации значительной части населения.

Вопрос о необходимости создания в современной России государственной идеологии ведется на протяжении последних десятилетий и чаще всего этот вопрос встаёт в переломные эпохи существования нации, когда возникают трудности в ее самоидентификации. В современной России, вследствие раскола общества на слои и группы с противоположными интересами, российская нация отсутствует как единый субъект, поэтому отсутствуют и общенациональные интересы. В настоящих условиях необходимо ставить вопрос об интегративной идеологии, способной объединить разные политические силы и слои населения на основе фундаментально значимых ценностей [2].

Формирование национально-государственной идентичности зависит от укрепления российской государственности, стабильности политической системы, популяризации идей патриотизма, консолидации различных этнических и религиозных общностей. Решение данной проблемы теснейшим образом связано с задачей патриотического воспитания, направленного на выработку государством и обществом механизмов социальной консолидации, в связи с чем необходима активная работа по формированию патриотического сознания российских граждан как важнейшей ценности, одной из основ духовно-нравственного единства общества и цементирующей основы обеспечения национальной безопасности. Также, для формирования национально-государственной идентичности особую актуальность имеет федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», целью которой является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) [3].Необходимо вести соответствующую

воспитательную работу в молодежной среде для того, чтобы изменить ценностные ориентации. В современном многонациональном и многоконфессиональном российском обществе нельзя допускать отождествления государственного правосознания с национальным, религиозным или политическим правосознанием российских граждан для сохранения духовного, национального и политического единства российского общества в целом.

Литература:

1. Жаде З.А., Куква Е.С., Ляушева С.А., Шадже А.Ю. Российская идентичность на Северном Кавказе. М. – Майкоп, 2010.– С. 30.
2. Вольтер О.В. Национально-государственная идеология как основа российской цивилизационной идентичности // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Формирование российской идентичности как фактора национальной безопасности». Майкоп, 2014. – С. 178.
3. Постановление Правительства РФ от 20.08.2013 г. № 718 (ред. от 25.03.2015 г.) «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)».

ТЕКСТОВОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: В ПОИСКАХ ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Материалы Международной научно-практической конференции 28-29 ноября 2016 года, г. Майкоп

Редакционная коллегия:
д-р социол. наук, проф. Хунагов Р.Д. (отв. ред.),
д-р филос. наук, проф. Шадже А.Ю.,
д-р полит. наук, проф. Жаде З.А.,
д-р филос. наук, проф. Ляушева С.А.,
канд. социол. наук, доц. Ильинова Н.А.,
д-р социол. наук, доц. Нехай В.Н.

Компьютерная верстка: Сафонова М.А.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект РНФ № 15-18-00148
«Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования»

Подготовка электронного издания: ООО «ЭлИТ»
elit-publishing@ya.ru
Объем издания 2,6 Мб (усл. печ. л.11,53)

Дата размещения 26.12.2016 г.
Режим доступа: http://201824.selcdn.ru/elit-029/index.html

doi: 10.18411/elit-029